АЗБУКА ВЕРЫ

(Невидимов) Тихон, архимандрит

Варварины сказки

Художественная литература · azbyka.ru

Варварины сказки – электронная книга православного портала «Азбука веры».

Читайте эту и тысячи других книг бесплатно: azbyka.ru/fiction/varvariny-skazki

«Азбука веры» – некоммерческий просветительский проект. Мы бесплатно открываем людям сокровищницу православной веры и лучшие книги русской и мировой литературы. Если книга оказалась для вас полезной, поддержите портал: azbyka.ru/kak-pomoch

Варварины сказки

(Невидимов) Тихон, архимандрит

Ткач Облаков и Ветер Вранья

Жил-был на самом краешке неба седой мастер - Ткач Облаков.

Борода у него была белее инея, глаза - глубже озера, а руки - лёгкие, как птичьи крылья. Сидел он у своего волшебного станка, сотканного из радуги и росы. Станок переливался всеми цветами: днём сверкал солнечным золотом, ночью тихо сиял звёздами.

Каждый день Ткач ткал новые облака. Не простые клубы пара, а целые картины: белая стая журавлей летит над рекой, мальчик подаёт девочке кусочек хлеба, старик обнимает внука. Люди на земле смотрели в небо, узнавали эти истории и становились добрее.

Но однажды со стороны тёмных оврагов прилетел Ветер Вранья. Он был худой, костлявый и длинный, с крыльями, словно у летучей мыши. Где он пролетал - там всё путалось: слова переворачивались, улыбка становилась насмешкой, правда - обманом.

Завидел Ветер небесные картины и рассмеялся скрипучим смехом:

- Эй, а ну-ка, давайте я ваши облака перепутаю!

И налетел: закрутил, разорвал узоры, перекрасил белые края в серый дым. И вышли облака такие, что люди глянули и не поняли: то ли брат сестру прижал к сердцу, то ли толкнул. То ли пастух простил вора, то ли сам украл овцу. Люди начали спорить и ругаться.

Ученики Ткача - маленькие мальчики и девочки, что помогали ему собирать утренние молитвы в нити, - в испуге бросились к учителю:

- Батюшка Ткач, беда! Ветер всё испортил!

А старик погладил бороду и сказал тихо:

- Не шумите, детки. Ложь всегда кричит, а правда не боится молчания. Но теперь нашему станку нужна новая сила. Отправляйтесь искать Иглу Истины и Нитки Честного Слова. Только с ними мы справимся с Ветром.

Ученики разбежались кто куда.

Старший мальчик выковал железную иглу: «Железо крепкое, как истина!» - подумал он. Но едва вставил её в станок - игла согнулась, будто соломинка.

Девочка сделала золотую иглу: «Золото - блеск правды!». Но в руках игла переломилась пополам.

Другой ученик вырезал иглу из льда, прозрачную, как горный ручей. Но она растаяла прежде, чем он донёс её до станка.

И все загрустили, заплакали.

А самый младший мальчик, крошка лет семи, сел на траву и тихонько помолился:

- Господи, дай мне всегда говорить правду, даже если страшно.

И вдруг в его руках загорелась тонкая серебристая иголочка. Она светилась, как утренняя звезда над рекой.

А рядом девочка набралась смелости и сказала матери:

- Это я нечаянно разбила кувшин.

И в её ладонях появилась мягкая светлая нить - Нитка Честного Слова. Она переливалась голубым сиянием, словно соткана из песни ангелов.

Дети принесли находку Ткачу.

- Вот оно! - улыбнулся старец. - Теперь наш станок зазвучит, как небесные гусли.

Он вставил Иглу Истины, протянул Нитку Честного Слова, и станок загудел, зазвенел, словно роса поёт на рассвете, облака начали складываться в чудесные истории.

Вот одно облако растянулось над полями, и на нём ясно видно было: мальчик несёт тяжёлый кувшин, а рядом идёт девочка. Она протянула руку и вместе с ним держит кувшин. Люди снизу сказали:

- Гляди, это же помощь! Когда делишься тяжестью, она становится легче.

Другое облако вспыхнуло золотом и стало похоже на старика, что сидит у ворот и ждёт сына. А вот сын бежит навстречу, и старик его обнимает. Люди посмотрели и сказали:

- Это прощение! Сердце радуется, когда простишь.

Третье облако поднялось над рекой и сделалось похожим на хлеб, разрезанный пополам. Две руки берут по куску и протягивают друг другу. Люди глянули и сказали:

- Вот оно, братство! Лучше делиться, чем ссориться.

А ещё были облака-деревья: на ветках сидели птицы, и каждая пела по-своему. Люди слушали и понимали:

- Это мир. Каждый поёт по-разному, но вместе - красиво.

Ветер Вранья пытался всё это перемешать, то делал из хлеба камень, то превращал объятие в драку. Но каждый раз облака начинали звенеть тихим серебряным колоколом - и ложь не выдерживала. Как не старался, но не смог ничего Ветер Вранья, каждый раз, как он касался облака, оно звенело правдой и отталкивало ветер, будто щитом. Ветер вертелся, вертелся, а потом, злой и пустой, улетел в сторону, сам себя путанью замотал.

И Ткач говорил своим ученикам:

- Видите, детки: правда не нуждается в украшениях. Она проста, как хлеб, и чиста, как утренняя роса.

- Запомните, детки: ложь любит шуметь, а правда любит светить. У кого в сердце хранится

Игла Истины и Нитки Честного Слова, тот сам может стать маленьким ткачом - пусть даже на земле, среди людей.

С тех пор, когда дети говорили честно, в руках у них появлялись новые нити для облаков. А когда взрослые признавались в своей вине, на небе рождалась прочная основа для узоров.

И если кто-нибудь начинал спорить о том, что видит в облаках, ученики Ткача улыбались:

- Не спорьте! Правда сама себя показывает. Надо только вглядеться тише.

И небо становилось светлым, ясным, радостным, как утро после дождя.

А на краю неба тихо сидел Ткач и ткал - мягко, неспешно, внимая молитвам земли.

И сказочке конец, а кто правду хранит - тот в сердце свой небесный станок имеет.

Сказка о сияющем фонарике

Жил-был мальчик, звали его Тимоша. Рос он в маленьком селе, на самом краю леса, где вечерами пахло смолой и прелыми листьями, а по утрам звенели колокола из дальнего храма. Люди знали его как доброго мальца, только уж слишком любопытного: всё спрашивал, во всём хотел до самой глубины докопаться. Глянет на прохожего - и думает: «Отчего этот будто солнцем залит, весь светится радостью? А другой идёт хмурый, словно туча с дождём, и сам себе помеха?».

Однажды вечером сидел Тимоша на крылечке, глядел, как лес потихоньку темнеет, как сумрак обвивает берёзы да сосны, а над хатами дымки стелются. Тихо было - только кузнечики звенели да где-то собака залаяла. И вдруг видит: идёт к нему старичок, борода белая, длинная, глаза ясные, будто речка под солнцем. На поясе у него ключи, а на плече фонарик висит, светится тёплым золотым сиянием, не как от свечки, а как будто душа светом дышит.

- Здрав будь, Тимоша, - сказал старичок мягким голосом. - Я - Странник Света. Хочу подарить тебе этот фонарик. Но помни: горит он только тогда, когда сердце твоё чисто и поступки правдивы. Затаишь злость, обманешь кого или хитростью пойдёшь - погаснет огонёк.

Тимоша взял фонарик в ладони. Тепло пошло по пальцам, в груди стало радостно и светло, словно утро весеннее вошло в него.

- А зачем он мне? - робко спросил мальчик.

- Видишь ли, милый, - ответил старец, - тьма всегда борется со светом, и в каждом сердце свой суд совершается: кого послушаешь - свет или тьму. С этим фонариком пройдёшь сквозь самую глухую ночь и не потеряешь дороги.

Сказал так - и будто растворился в воздухе, словно туман утренний, оставив лишь тихий запах ладана и мягкий свет в руках Тимоши.

Наутро Тимоша отправился в лес за ягодами. Взял с собой фонарик - не хотелось с ним расставаться, уж больно тепло он светил в руках. Чем дальше углублялся в чащу, тем гуще становился мрак: словно кто-то накинул на весь лес тяжёлое чёрное покрывало. Ветви тянулись сверху, переплетались, и небо пропало. Тимоша сразу понял - это не простая тьма ночная, а колдовская, что прячется от всякого света.

Фонарик загорелся ярче, золотой искоркой высветил тропинку, будто из самой темноты вырезанную. И вдруг меж деревьев показался человек - в чёрном плаще, тяжёлом, как смоль, лицо закрыто маской, глаза только блеснули, как угли.

- Отдай фонарик! - прохрипел он так, что у мальчика мороз по коже пробежал. - Здесь тьма моя властительница, а твой свет мешает!

Тимоша крепче прижал фонарик к груди.

- Не отдам! - твёрдо сказал он. - Без него я не найду дороги.

Человек в плаще расхохотался хриплым смехом, будто сухие сучья ломались. Дунул на фонарик, и тот мигом затрепетал, чуть не погас. Сердце Тимоши сжалось от страха, но он вспомнил слова старца: «Он горит, когда живёшь по правде». И мальчик подумал: «Я не хочу тьмы, я иду к свету». В ту же минуту фонарик вспыхнул чистым золотым сиянием, и тёмный человек отшатнулся, растаял, словно дым над костром.

Тимоша шагал дальше, и вдруг сквозь тишину услышал жалобный плач. Под кустом, дрожа, сидела девочка, платочек сбился, глаза красные от слёз.

- Ты чего плачешь? - ласково спросил он, наклоняясь к ней.

- Заблудилась я, - всхлипнула девочка. - За бабушкой шла, да всё потемнело, и дороги не сыщу.

Тимоша протянул ей руку:

- Не бойся, у меня свет есть. Пойдём вместе.

Фонарик осветил дорожку, и лес уже не казался таким грозным. Девочка пошла рядом, держась за его ладонь, и сквозь слёзы улыбнулась:

- Спасибо тебе… без тебя бы я пропала.

И фонарик вдруг засиял ещё ярче - словно радовался вместе с ними, потому что добро всегда умножает свет.

Но чем глубже они шли, тем глуше и тягостней становилась тьма: лес стих, даже ветерок замолк, и слышно было только, как сердца стучат. Вдруг прямо перед ними вырос замок - громадный, из чёрного камня, будто из самой ночи высеченный. В окнах полыхали красные огни, точно угли в печи, и со всех сторон тянулся зловещий шёпот - словно сама тьма перешёптывалась.

- Это владение Владыки Тьмы… - еле слышно прошептала девочка, прижавшись к Тимоше. - Тех, кто сюда попадает, он не выпускает.

Тимоша крепче сжал фонарик, шагнул вперёд. Свет разлился такой силы, что на стенах замка пролегли трещины, камень застонал, будто его ломали изнутри. И тут из тяжёлых ворот вышел сам Владыка Тьмы. Высоченный, в плаще, сотканном словно из дыма и тумана, глаза у него горели, как два костра в ночи.

- Ты осмелился нести свет в моё царство?! - рявкнул он, и стены замка дрогнули. - Здесь нет правды! Здесь властвует ложь, обман и страх. Люди любят тьму - она прикрывает их дела!

- Нет! - громко ответил Тимоша, и голос у него прозвенел, как колокольчик в тишине. - Свет

сильнее! Он открывает истину и дарит радость.

Владыка расхохотался, смех его был похож на гул грозы:

- Тогда иди через мой зал испытаний! Если устоишь - уйдёшь. Нет - останешься здесь навек.

Они вошли в огромный зал. Вместо пола под ними - чёрная бездна, дышащая холодом. Вперёд вела только узкая тропинка, зыбкая, как нитка. Тимоша шагнул - и фонарик дрогнул, свет его стал тускнеть.

- Скажи неправду, и мост станет крепче, - шёпотом сказал Владыка, и этот шёпот будто просочился прямо в уши.

Тимоша замер. Сказать неправду - и пройти? Но тут вспомнил слова старца: «Фонарик горит только в правде». И сказал твёрдо:

- Нет! Пусть я упаду, но не солгу.

И в тот миг фонарик вспыхнул золотым светом, а тропинка стала широкой и крепкой, словно каменной.

Дальше путь им перегородила высокая стена зеркал. В каждом отражении Тимоша видел себя - красивым, сильным, в короне, в богатых одеждах. И каждое зеркало словно шептало: «Останься здесь! Ты будешь великим, все склонятся перед тобой».

Владыка заговорил тихо, вкрадчиво:

- Зачем тебе идти дальше? Здесь - слава, почёт, власть. Зачем свет, если ты можешь быть царём?

Тимоша почувствовал, как сердце его затрепетало - сладко было смотреть на самого себя в этих сияющих образах. Но рядом стояла девочка, держала его за руку, смотрела доверчиво. Тогда мальчик поднял фонарик и сказал:

- Нет! Я не хочу славы. Я хочу света.

Фонарик вспыхнул так ярко, что глаза заслезились. От этого сияния зеркала не выдержали - и разлетелись вдребезги, осыпавшись на каменный пол, словно хрустальный дождь.

Но и это было ещё не всё. Когда зеркала разлетелись, зал содрогнулся, словно сама тьма завозилась. Из глубины поднялся новый морок: стены исчезли, и Тимоша с девочкой оказались в бескрайней пустоте, где не было ни пола, ни неба, ни звёзд. Лишь холод тянулся, будто из могильной ямы.

Владыка Тьмы вырос перед ними ещё больше, заслоняя весь вид. Его голос звучал мягче, но страшнее:

- Ты одолел мои тени и мои зеркала. Но сердце твоё ещё можно взять. Смотри!

И вдруг воздух вокруг наполнился образами: деревня, родное крыльцо, мать, зовущая Тимошу. Её лицо было усталым, глаза - полными слёз.

- Вернись, сынок, - шептала она. - Не уходи в темноту, останься дома. Разве твой свет нужен кому-то, кроме меня?

Тимоша застыл. Сердце его дрогнуло - ведь в этих словах звучала правда тоски, а мать была ему дороже всего. Девочка, державшая его за руку, затрепетала:

- Не оставляй меня одну…

Тьма сгущалась, образы становились всё ярче, и фонарик, словно сомневаясь, замер, едва теплясь.

Тимоша поднял голову. «Если это мать, - подумал он, - то её глаза должны быть светлыми. Она всегда благословляла меня на добро. А если это тьма, она только пугает и давит на сердце». Он приложил ладонь к груди и сказал:

- Я верю не обману, а свету. Моя мама ждёт меня не в тьме, а там, где правда.

Фонарик вспыхнул так сильно, что его свет не только разогнал мрак, но и озарил всю пустоту золотым сиянием. Владыка Тьмы закричал, отшатнулся, и его плащ, сотканный из дыма, разорвался, рассеялся, как пепел на ветру.

И снова лес встал вокруг: берёзы белые, травы пахучие, звёзды над головой. Всё было тихо и чисто, как будто после долгого грозового ливня, когда над землёй появляется радуга.

Тимоша посмотрел на девочку. Она улыбалась сквозь слёзы, и глаза её светились отражением того же золотого света.

- Видишь, - сказал он тихо, - свет всегда побеждает, если сердце не изменяет правде.

Фонарик светил теперь не только им двоим, но казалось, и всему лесу, и всякая тень, что пряталась в ветвях, отступала прочь.

На рассвете Тимоша с девочкой вышли из леса. Небо розовело, туман клубился над полями, и петухи запели в селе. Уставшие, но радостные, они шагали по тропинке, и фонарик всё ещё светил в руках Тимоши - тихим, ровным сиянием, будто в нём осел сам свет утренней зари.

Девочка вскрикнула от радости: у опушки её ждала бабушка, вся седая, с натруженными руками. Она обняла внучку и долго не отпускала, всё крестила её и повторяла:

- Слава Тебе, Господи, нашлась!

Весть о чудесном возвращении быстро облетела всю округу. Люди выходили из хат, глядели на Тимошу с его светлым фонариком и дивились: откуда у мальца такая сила?

- Это не моя сила, - смиренно сказал Тимоша. - Фонарик горит только тогда, когда сердце не лжёт и дела чисты. Его свет - не для меня одного, а для всех.

И поставил он фонарик на скамеечку у церкви, что стояла на пригорке. С тех пор всякий, кто входил в храм или проходил мимо, видел этот тихий золотой свет. Он словно напоминал людям: не в хитрости сила, а в правде и добром сердце.

А Тимоша, повзрослев, всё любил приходить к фонарику и сидеть рядом, как когда-то на своём крылечке. Только теперь он знал ответ на свой детский вопрос: почему одни светятся радостью, а другие ходят мрачные. Потому что свет - это не от лица, а от сердца.

И все снло жило с этим знанием, и даже в самые тёмные ночи людям было спокойно: ведь рядом всегда горел сияющий фонарик, дарованный для того, чтобы напоминать - добро

умножает свет, а правда сильнее всякой тьмы.

Ангел и потерянный колокольчик

Было то давным-давно, когда звёзды на небе сияли ярче нынешнего, а люди на земле чаще молились и жили добрее. В тихом селе, меж яблоневых садов и верб у дороги, стояла беленькая церковь. Звонили в ней колокольчики не громко, зато прямо в сердце отзывались.

А над тою звонницей, над облаками и золотыми полями летали ангелы. У каждого человека был свой: спит младенец в колыбели - ангел стоит рядом; идёт мужик пахать - и возле плуга ангел шагает; плачет в молитве человек - и тут ангел тихо слёзы его утирает.

Среди тех ангелов был один совсем юный. Крылья его светились, как утренняя роса, глаза сияли, словно васильки в пшеничном поле. Господь вручил ему маленький серебряный колокольчик. И всякий раз, как где-нибудь на земле становилось тяжко - дитя заплачет или вдова в скорби - звенел тот колокольчик, и ангел спешил на помощь.

Но случилось однажды и диво, и беда. Усталый ангел задремал на облачке, положив колокольчик возле себя. Проснулся - нет его! Будто ветер унес в небесах, или тёмная сила спрятала, чтобы люди больше не слышали милосердного звона.

Опечалился ангел, заплакал так искренне, что слёзы его сыпались на землю жемчужными каплями. И в селе ребятишки увидали: сидит возле церкви, на звоннице, светлый мальчик в белом, печалится. Подошли ближе - а в глазах у него целый мир скорби.

- Ты кто такой? - спрашивают. - Отчего плачешь?

- Я ангел-хранитель, - отвечает, - был у меня Божий колокольчик, да потерялся. Теперь боюсь: люди в беде останутся одни.

Дети переглянулись, стало им так жалко его, что сердце защемило. И вот самая маленькая девочка, Марийка, тихонько положила ручку ему на плечо:

- Не горюй. Бог не оставит ни тебя, ни нас. Давай вместе поищем.

Ангел взглянул на ребят - и впервые улыбнулся сквозь слёзы. В сердце его засияла надежда. Вспомнил он слова старших ангелов: «Всё в мире по Промыслу Божию. Когда люди с чистым сердцем помогают - Господь являет чудо».

Так и пошли они гурьбой: ангел и дети - через село, в поле, где золотилась пшеница, где пели жаворонки. Искали колокольчик в травах, прислушивались - не отзовётся ли сам звон. Но поле молчало.

Ангел-хранитель и найденный колокольчик

Тогда маленький Васятка сказал вслух:

- Пойдёмте к речке. Вода ведь всё знает - и небо в ней отражается, и земля.

И впрямь, река блестела, как зеркало. Дети склонялись к самой воде, всматривались в глубину: казалось им, вот-вот мелькнёт там серебряный огонёк. Но только облака и солнце играли в волнах, звеня отражениями.

Устали немного. Ангел остановился, сложил руки и зашептал молитву. Слушали дети - и дивились: каждое его слово летело прямо в душу. От той молитвы будто теплее стало, надежда не погасла.

Пошли они с ангелом вдоль реки. Вечер становился глубже, лёгкий туман стелился меж вербами. А река шептала: «Ищите с сердцем чистым: без веры не обрести». Ангел прислушивался, а дети даже дыхнуть боялись, чтоб не спугнуть чарующий голос воды.

- Может, колокольчик сам позовёт тебя? - спросила Марийка, держась за руку ангела.

Он кивнул:

- Да, бывало, звенел сам, когда кому-то тяжко. Может, нынче укрылся где-то, чтоб мы учились доверять.

И пошли они дальше, в лес, где деревья стояли густо, словно стражи древних тайн. Лес шептал по-своему, и каждый лист казался знающим о потерянном колокольчике. Вдруг навстречу им вылетела старая сова.

- Кто ищет звон милосердия? - глухо спросила она, поворачивая голову.

- Мы, - ответил ангел. - Хотим помочь людям и найти колокольчик.

Сова зыркнула большими глазами и молвила:

- Не спешите. Истинное добро открывается в терпении и чистоте сердца. Идите тропой навстречу солнцу - оно укажет путь.

Пошли дети и ангел под лучами солнца, пробивавшегося сквозь кроны. Учились они внимать природе: как шепчут травы, как трепещут крылья птиц, как колышутся облачка над лесом. Каждый звук, каждая тень нашёптывали что-то важное.

И настал миг, когда сердце самого малого, Василька, заколебалось:

- А вдруг колокольчик исчез навсегда?

Ангел заметил это и мягко сказал:

- Не страшись, дитя. Чистое сердце всегда чувствует Божий Промысел. Мы не ведаем, где колокольчик, но Бог знает.

И тут дети поняли: не столь важно - найти ли звонец тотчас. Важно - делать добро, не ожидая награды. И когда помогали они друг другу перебраться через поваленное дерево, подняли из травы птенчика, выпавшего из гнезда, - колокольчик, словно ощутив чистоту сердец, тихо зазвенел неподалёку.

- Слушайте! - вскрикнул ангел, подпрыгнув от радости. - Он откликнулся!

Дети кинулись вперёд, и среди мха да цветов засверкал серебряный колокольчик. Ангел поднял его, и свет, струившийся из звонца, озарил всех вокруг. Каждый его звук был как молитва, доходящая прямо до неба.

- Вот так! - прошептал ангел. - Когда творим добро от чистого сердца, даже потерянное возвращается.

Дети смотрели на него глазами, полными удивления и радости. Они научились доверять Божьему Провидению, почувствовали: каждая помощь, всякая ласковая малость имеет цену. Теперь колокольчик сиял не только серебром, но и теплом их сердец.

- Пойдём домой, - сказал ангел. - Колокольчик будет напоминать нам о тех, кому нужна помощь. Но мы уже знаем: величайший звон - это звон чистого сердца.

И медленно, при свете, что струился из звонца, вышли они из леса. Туман рассеялся, а звёзды над селом вспыхнули ярче, словно празднуя доброе дело.

Возвращались дети и ангел по улице, и каждый шаг звучал мелодией: тихо звенел колокольчик, напоминая о добрых делах и Божьем Промысле. Люди выходили из хат, улыбались: никто не мог сказать, отчего сердце радуется, но каждый чувствовал мир и покой.

- Глядите, - воскликнула Марийка, - даже кошки и собаки идут смирно рядом. Может, колокольчик очаровал всё село?.

Ангел улыбнулся:

- Не колокольчик зачаровал. То сами люди и дети своим сердцем и верой показали: милосердие и добро всегда находят дорогу.

На площади, возле церкви, они остановились. Солнце уже клонилось к закату, золотило небеса, окрасив их багрянцем. Ангел поднял колокольчик к небу, и он зазвенел так чисто, что звон достиг каждой хаты, каждого сердца. И вдруг люди, не ведая отчего, бросались помогать друг другу: кто нёс воду престарелой матери, кто чинил плетень, кто прижимал к себе плачущих детей.

- Вот оно, чудо, - сказал ангел тихо. - Когда сердце чисто, звон милосердия сам разносится по свету.

Дети смотрели на него снова и снова: словно открыли тайну, что есть в мире невидимая нить, соединяющая землю и небо, веру и добро.

Спускался вечер, длинные тени легли меж хат. Ангел присел на деревце у церкви, а дети обнимались, понимая: обрели они не только колокольчик, но и нечто большее - веру в чудо и силу сердца.

- Дети, - сказал ангел, - вы научились доверять. И ныне каждый звон этого колокольчика будет говорить не только о чужой беде, но и о вашей готовности помогать.

Марийка подняла глаза и промолвила:

- Мы будем помнить: Бог в каждом из нас. И когда кому-то понадобится помощь - сердце подскажет, что делать.

Ангел кивнул и тихо взмыл в небо. Крылья его сияли, как звёзды, а колокольчик остался у детей на память. Он звенел всякий раз, когда кто-то нуждался в поддержке, и напоминал: даже малая рука может совершить великое.

С тех пор зажило село особенной жизнью. Каждое доброе дело, каждый ласковый взгляд и тихое слово множили радость и любовь. Дети росли, а колокольчик вечно напоминал: добро возвращается туда, где сердце открыто и доверяет Божьему Промыслу.

И сказка эта завершается так: ангел отныне всегда рядом, а дети помнят - неважно, сколько раз что-то потеряется или падёт: вера и добро всегда возродят утрачённое. Божий Промысел непоколебим, и всякое сердце, открытое для любви и милосердия, становится звонцом, что звучит во вселенной.

Так и живёт село, средь полей и садов, где серебряный колокольчик напоминает об ангеле-хранителе, а дети учатся творить добро каждый день. Ведь каждое малое дело имеет вес, а чистое сердце - дар Божий. И когда в тёмную ночь кому-то станет тяжко - звонец тихо возвестит: «Я здесь. Не бойся. Любовь и вера всегда рядом».

Сказка о Мишке Медове и ежике Дегте

Жили-были в одной весёлой деревне два соседа - медведь Мишка Мёдов и ёжик Степан Дёготь.

Мишка держал большую пасеку. Пчёлы у него были трудолюбивые и вежливые, носили нектар с лугов, а потом варили вкуснейший мёд - янтарный, тёплый, сладкий.

А Ёжик Степан варил дёготь. Он жил возле болота, в маленькой хижине, и целыми днями помешивал в котле густую чёрную смолу. От неё пахло так сильно, что даже комары не подлетали!

Жили они мирно. Только иногда спорили, кто из них полезнее.

- Без мёда жизнь не мила! - говорил Мишка.

- А без дёгтя телега не поедет! - отвечал Ёжик.

А рядом жил хитрый петух Петя Купец. Он любил, чтобы все дружили, но ещё больше любил - чтобы у него от дружбы была выгода.

Вот как-то раз и говорит он:

- Эй, Мишка и Степан! Что вы всё спорите? Вы же оба хорошие мастера! Давайте дружить и вместе варить - мёд с дёгтем! Вот будет чудо-продукт! И сладко, и крепко!

Мишка почесал затылок:

- Не знаю, Петя… Что-то не верю я, чтобы из этого добро вышло.

А Ёжик подумал:

- Зато интересно! Может, хоть разок попробовать?

Петя хлопает крыльями, радуется:

- Молодцы! Вот это я понимаю - сотрудничество!

Наутро собрались у колодца. Мишка принёс целое ведро мёда, золотого и прозрачного.

Ёжик - ложку дёгтя, чёрного и пахучего.

А Петя взял палку, чтобы всё перемешать.

Размешали. Получилась липкая чёрно-коричневая каша.

Петя гордо сказал:

- Эх, теперь заживём! Всем понравится!

Первым подошёл Зайчик.

- Ой, а что это у вас, дядя Мишка?

- Новый мёд! - гордо сказал Петя.

Зайчик лизнул ложечку… и тут же скривился:

- Фу-у-у! Горько!

Потом подошла Белочка.

- А я попробую! - и тоже попробовала.

- Ой, гадость какая! Это не мёд, а беда!

Даже старый мудрый филин Фома, что всё пробовал на свете, только покачал головой:

- Не бывает сладости из лжи и правды вперемешку. Мёд должен быть чистым, как сердце доброго человека.

Мишка опечалился:

- Вот видишь, Петя… Я ведь говорил, что из мёда и дёгтя добра не выйдет.

Ёжик тоже вздохнул:

- И мой дёготь пропал! Ни повозку смазать, ни хвост подлатать!

А Петя всё не унимается:

- Зато вы теперь дружите!

Мишка засмеялся:

- Дружба - это хорошо. Только дружить надо по правде, а не за счёт мёда.

Тут пчёлы зажужжали вокруг Мишки, будто сказали:

- Мы не будем собирать нектар с обмана! Мы только чистый цвет любим!

А Ёжик понял, что и дёготь свой надо варить честно, без хитрости.

С тех пор они снова жили по-соседски: Мишка собирал мёд, Ёжик - варил дёготь. А Петя… ну, Петя стал продавать мёд отдельно, дёготь отдельно - и всем объяснял, что нельзя мешать сладость и горечь.

Прошло время. Наступил праздник - День добрых дел. Все звери собрались у храма послушать, как батюшка-Барсук расскажет сказку.

Барсук вышел, поправил очки и сказал:

- Дети мои, помните, что вера - как мёд: должна быть чистой, без обмана и хитрости. Если добавить хоть капельку лжи, то вся сладость исчезнет.

А доброта - это не значит соглашаться со злом. Быть добрым - это значит беречь правду, как пчёлы берегут свой улей.

Мишка улыбнулся, а Ёжик кивнул. Даже Петя смутился, покраснел и шепнул:

- Понял, батюшка… больше ничего мешать не буду.

С тех пор в лесу все знали:

если кто-то скажет -

«Давайте всё смешаем, чтоб всем было приятно!»

то звери отвечают:

«Нет уж, мы любим чистый мёд!»

А на пасеке у Мишки снова зазвенели пчёлы.

Они трудились с радостью, потому что знали: в их мёде нет ни капельки лжи.

И тот, кто пробовал его, становился добрее и счастливее.

Истина - как мёд: сладкая, светлая и чистая.

Если добавить туда даже каплю обмана,

всё превратится в горечь.

А потому храните свою веру и правду чистыми,

как пчёлы хранят свой мёд от грязи.

Праздничная свечечка

- Слухайте-ка, ребятушки, сказочку вам поведаю, - начала бабушка, сидя на лавочке под вишней. - Про одну малую девчушку да её свечку церковную.

Жила-была в нашем городочке девочка Маричка. Глазки у ней ясные, как небо после дождя, косички светленькие, а сердечко - чистое-пречистое, как роса на зорьке.

Любила Маричка по степи бегать, цветочки собирать, а пуще того - с бабушкой в церковь ходить. А храм у них красавец был: белый, с зелёными главками, кресты золотом горят - издалека видать.

Пришёл однажды великий праздник - Пасха. Все готовятся: женщины куличи пекут, яйца красят, мужчины порядок в хозяйстве наводят. А Маричка бабушку спрашивает:

- Бабушка, а мне что в церковь взять, чтоб Богу угодить?

А бабушка и говорит:

- Возьми, дитятко, свечечку. Свеча - то твоя малая жертва Господу. Горит она и светит, как душа, что молится.

Пришли они в храм. Народу - полон дом! Колокола звенят, батюшка кадилом машет, хор поёт - торжество великое.

Маричка у подсвечника стоит, держит в ручонке тоненькую, медовую свечечку. Смотрит: одни свечи ставят за здравие, другие за упокой, а кто и просто так - от любви к Богу. А сама думает:

«Да к чему моя свечечка? И так светло кругом - лампады горят, люстры сияют. Что с неё толку?».

И вдруг слышит - будто тихий голосочек ей отвечает. Сама свечечка заговорила:

- Не сомневайся, Маричка. Я горю для того, чтоб и душа твоя засветилась.

Удивилась девочка, да не испугалась. Глазки во всю ширь раскрыла:

- А как же это - душа светиться будет?

- А вот так, - отвечает свечечка. - Я вся дотла сгораю, но даю свет. Так и человек: коли любит Бога и ближних, отдаёт частичку себя - доброту, время, тепло сердца. Это и есть свет души.

- А Бог мою малую свечку увидит? - спрашивает Маричка.

- Бог видит каждую искорку, - молвит свечечка. - Даже самый крохотный огонёк тьму разгоняет.

Улыбнулась девочка, тепло на сердце ей стало. Перекрестилась, да поставила свечечку рядом с другими. И видит - её маленький огонёк со всеми слился, сделался частью большого света.

- Значит, - думает Маричка, - и я свою любовь Богу принесла.

И такая радость в ней поднялась, что слёзы на глаза навернулись.

Когда служба кончилась, бабушка спрашивает:

- Ну что, внученька, поставила свечечку?

- Поставила, - отвечает Маричка. - А она мне сказала: «Я горю, чтоб твоя душа светилась».

Бабушка перекрестилась, вздохнула тихонько:

- Вот видишь, дитятко. Свеча - она как молитва твоя. Учить нас любить да жертвовать понемножку.

С того дня Маричка всегда ставила свечечку с радостью. Иногда малую, иногда побольше. Да знала одно: не размер в ней главное, а сердце человеческое.

И всякий раз шептала:

- Господи, прими этот огонёк, это моя любовь к Тебе.

А свечечка ей будто отвечала:

- Я горю вместе с тобой.

Так вот, ребятушки, запомните: свеча - это не просто огонёк. То свет души людской. Она горит, себя отдаёт - чтоб другим стало видно да тепло.

Так и человек: если любит Бога и людей, то всем вокруг светит, даже если сам маленький да слабый.

Вот и сказочке конец.

- А теперь, - бабушка улыбнулась, поправила платочек, - кто мне скажет, что надо говорить, когда свечку в церкви ставим?

А детки хором, весёленько, словно колокольчики:

- Господи, прими любовь мою!

Бабушка засмеялась радостно:

- Вот и ладно, ясочки мои. Пусть и ваши души всегда светятся, как свечечка в храме.

Созвездие Рождества

В мирах, где звездные пустыни были из чистого серебра, а моря планет - из тёмного сапфира, жила-была на небе одна очень добрая Звёздочка. Она была не простая, а Чудесная! Давным-давно, когда на земле родился маленький Иисус, она светила так ярко, что указала дорогу мудрым Волхвам и весёлым Пастушкам. Они шли-шли на её свет и нашли Младенца в яслях, в тёплом хлеву. Все так обрадовались, что пели песни, а Звёздочка сияла от счастья!

Но шли годы, столетия, тысячелетия. Мир стал большим, шумным и немного забывчивым. Люди перестали смотреть на небо так часто. И Звёздочка от одиночества и грусти стала потихоньку гаснуть. А однажды случилась беда: три её самых красивых лучика - Золотой, Серебряный и Алмазный - отломились и укатились куда-то в тёмный космос. Без своих лучей Звёздочка не могла светить по-настоящему. Она могла только мигать, как маленький светлячок, и тихонько плакать звёздной пылью.

«Эх, - грустила она, - если никто не помнит обо мне, значит, я больше не нужна».

Но она очень ошибалась.

В самом дальнем уголке Галактики, жил мальчик Лукас. Он был Космическим Пастушком и пас он не овец, а стада крошечных астероидов, и был он тих и благочестив.

Его домик был похож на большую серебряную чашу, и он любил смотреть в большой иллюминатор и слушать, как поют звёзды.

Однажды ночью он увидел, как одна Звёздочка мигнула ему три раза. «Странно, - подумал Лукас, - она как будто зовёт меня на помощь!».

Он взял свой волшебный фонарик, который мог светить разными цветами, и направил его на Звёздочку. И вдруг… о чудо! Прямо к его кораблику подлетел самый первый, Золотой Лучик! Он был тёплым и мягким, как пчелиный мёд, и весело подпрыгивал в ладошке у Лукаса.

«Привет! - прошептал Лукас. - Ты от той грустной Звёздочки?».

Лучик задрожал и засветился ещё ярче. Он был Лучиком Веры. Он прилетел к Лукасу, потому что мальчик сразу поверил, что Звёздочка живая и ей нужна помощь.

А в это время в Сахарном Городе, который висел среди розовых облаков, девочка Анна мастерила игрушку для праздника Рождества - механического верблюжонка. Но у неё ничего не получалось! Колёсики не крутились, лампочки не зажигались. Анна уже готова была расплакаться.

Она подошла к окну, чтобы подышать, и увидела ту самую грустную Звёздочку.

- Милая Звёздочка, - сказала Анна, - мне тоже грустно. У меня ничего не выходит. Но я всё равно надеюсь, что всё получится!

И как только она это сказала, ко дворцу Анны подлетел второй, Серебряный Лучик! Он был быстрым и гибким, как струя фонтана. Он дотронулся до лба Анны, и девочка сразу почувствовала, что у неё всё получится! Она взяла отвертку, и - о чудо! - верблюжонок ожил, заморгал глазами и радостно закивал головой.

Это был Луч Надежды. Он прилетел к Анне, потому что она не сдавалась и продолжала надеяться на лучшее.

Лукас и Анна познакомились в Виртуальном Вавилоне, где росли конфетные деревья и текли молочные реки. Они показали друг другу свои лучики и сразу подружились.

- Нашей Звёздочке не хватает ещё одного лучика! - сказала Анна.

- Да, - кивнул Лукас, - мы должны найти его! Без него она не сможет светить по-настоящему!

И они отправились в путь на двух быстрых корабликах, похожих на больших светлячков. Их ждало много приключений!

Огромные бабочки с крыльями из шёлка пытались увести их с дороги, манили за собой в свой танец. Но Золотой Лучик Веры светил так ровно и уверенно, что Лукас и Анна не поддались на красивый обман и пролетели прямо.

Когда они залетели в тёмную пещеру, отовсюду стали доноситься страшные голоса: «Вы не найдёте третий лучик! У вас ничего не получится! Всё пропало!». Но Серебряный Лучик Надежды осветил пещеру, и дети увидели, что это просто ветер гудит в сталактитах. Они засмеялись, и их смех прогнал все страхи.

И вот, наконец, они увидели его! Третий, Алмазный Лучик! Он был самым красивым. Он переливался всеми цветами радуги и был таким ярким, что на него было больно смотреть. Но он был заперт в ледяной клетке, которую построил злой Великан Холодного Сердца. Великан не любил никого и ничего, и поэтому он украл Луч, который согревал всех своим теплом.

- Отдай нам Лучик! - крикнул Лукас.

- Он нужен Звёздочке! - добавила Анна.

Но Великан только страшно зарычал:

- Не отдам! Он теперь мой! Я буду любоваться им один!

Что же делать? Силой его не победить! Лукас и Анна посмотрели друг на друга и поняли, что нужно делать. Они не стали драться. Они подлетели поближе к Великану и… обняли его!

Сначала Великан оторопел. Никто и никогда его не обнимал. Его ледяное сердце дрогнуло. Лучики Веры и Надежды, которые держали дети, коснулись его, и лёд начал таять. А потом Алмазный Лучик, увидев такую доброту, сам вырвался из клетки и прильнул к детям.

Это был Луч Любви. Его нельзя украсть. Его можно только подарить.

Великан расплакался, но слёзы его были теперь тёплыми и чистыми.

- Простите меня, - прошептал он. - Я был таким одиноким.

- Иди с нами! - предложила Анна. - Мы летим на праздник!

И вот, все вместе они полетели к тому месту, где над маленькой Планетой висела грустная Звёздочка. А вокруг этой Планеты уже собралось много-много кораблей!

Все смотрели на вертеп - на пещерку, где в яслях лежал маленький Иисус. Рядом стояли Мама Мария и Папа Иосиф, волхвы с дарами и пастушки с овечками. Но всем было немного грустно, потому что не хватало самого главного - яркой Рождественской Звезды!

- Скорее! - крикнул Лукас.

Дети подлетели к Звёздочке.

- Мы нашли твои лучики! Держи!

Они протянули ей Золотой, Серебряный и Алмазный лучи. И случилось самое большое чудо! Лучики встали на свои места, и Звёздочка вспыхнула таким ослепительным, тёплым и радостным светом, что осветила всю вселенную!

Она засияла над вертепом, и Младенец Иисус улыбнулся во сне. Все люди, ангелы и даже звери запели радостную песню: «Слава в вышних Богу, и на земли мир!».

А Звёздочка сияла и сияла, счастливая, что снова помогла людям найти дорогу к Чуду. Она поняла, что её свет очень нужен, особенно когда его несут в своих сердцах такие храбрые и добрые дети, как Лукас и Анна.

С тех пор каждую Рождественскую ночь она светит нам с вами, чтобы мы помнили: если верить, надеяться и любить, то любое чудо станет возможным!

Говорящая роза

В маленьком городке, у самой речки, стояла церковь беленькая, с крохотной колокольней. Колокол её не был большим, но когда он звонил на рассвете, звон расходился по всей округе - лёгкий, чистый, как небесная песня. Звон падал на крыши, будил петухов, трепетал в ветвях берёз и отскакивал серебром от капелек росы. И казалось - это сам Господь напоминает: день начался, живите светло.

У церкви был сад. Когда-то он был прекрасен: яблони цвели белым облаком, смородина пахла густо, а розы алели вдоль дорожек. Но много лет за ним никто не смотрел: всё заросло бурьяном, ветки яблонь почернели, крапива поднялась выше забора. Только церковь стояла

тихая и чистая, а сад её словно забыл себя.

При этой церкви жил мальчик-сирота Алёша. Он был худенький, в серой рубашке, с большими глазами, в которых то и дело светились звёзды - то от радости, то от грусти. Родителей у него не было, только сторож-старичок, который приглядывал за храмом и учил мальчика молиться.

Алёша любил сад. Хоть и дикий он был, но тянул его. Иногда казалось: если приложить ухо к ветке яблони или к высокой траве, можно услышать их плач или вздох. Тогда Алёша говорил сам себе: «Сад - как душа. Если её не хранить, зарастёт сорняком». И мальчик решил: будет он садовником.

Каждое утро, когда ещё туман стлался по полю и колокол звенел на утреннюю молитву, Алёша выходил в сад. Он обрезал сухие ветки, поливал кусты, убирал сорняки. Руки его были в царапинах, но сердце радовалось: сад оживал.

Однажды, в жаркий полдень, когда пчёлы гудели в липах, он увидел в дальнем углу среди бурьяна один-единственный куст розы. И на нём - цветок. Алый, яркий, свежий, будто изнутри светился. Мальчик наклонился - и вдруг услышал: роза заговорила.

- Спасибо тебе, Алёша, - шепнула она, и голос её был тихий, как звон колокольчика. - Я роза памяти. Я храню истории о святых и их добродетелях. Хочешь услышать?

Алёша даже не испугался. Чудо показалось ему естественным, как утренний звон колокола. Он кивнул.

- Жил святой, - начала роза, - у которого ничего не было, кроме куска хлеба. Но если приходил к нему нищий, он делился даже этим. Он победил жадность любовью.

На другой день Алёша пошёл играть с ребятами. Один мальчик привёз из города яркую игрушку - деревянную лошадку - и никому не давал. Алёша вспомнил рассказ розы. Он достал из-за пазухи свой кусочек хлеба и отдал девочке, что плакала от голода. Девочка улыбнулась, и сердце Алёши стало лёгким, будто сам сад зацвёл внутри.

Вечером, когда тени легли по траве и в воздухе запахло хлебом из печи, роза зашептала снова:

- Была святая дева, которая никогда не лгала. Даже когда ей было страшно, её уста оставались чистыми. Потому Бог дал ей силу быть светом для других.

Наутро один мальчик в школе разбил стекло и свалил вину на Алёшу. Все на него смотрели строго. Алёше было обидно. Но он вспомнил историю розы. И сказал:

- Это сделал не я. Но и называть имя не буду.

И тот самый мальчик сам покраснел, подошёл и признался. И с тех пор уже не лгал.

В третью ночь роза рассказала о святом, который радовался счастью других. Он не знал зависти, а сердце его сияло, потому что умело видеть Божий дар в каждом человеке.

Скоро в деревню пришли гости к одной девочке. Ей подарили новое платье, яркое, синее, с ленточками. Все дети ахали и восхищались, а у Алёши кольнуло в сердце: «Почему не мне?». Но он вспомнил розу. Подошёл и сказал:

- Ты как ангел в этом платье.

И зависть ушла. Словно колокол ударил - и сердце зазвенело чисто.

Так каждый вечер роза рассказывала новые истории. Про тех, кто умел прощать, даже врагов. Про тех, кто молился за больных. Про тех, кто хранил верность Богу даже тогда, когда все смеялись.

Алёша слушал и понимал: это не просто истории - это дорога для него самого. И дети из деревни начали замечать: Алёша стал другим. Добрым, светлым. С ним хотелось быть рядом. Они стали помогать ему в саду. И роза рассказывала истории уже всем.

Но однажды налетела гроза. Ветер гудел, дождь бил в крыши, молнии освещали небо, будто сама земля дрожала. Когда всё стихло, Алёша побежал в сад. И увидел: куст розы сломан, цветок упал в грязь.

Алёша бросился на колени.

- Не умирай, роза! Я без тебя не смогу!

И вдруг роза заговорила, тихо, едва слышно:

- Я всегда буду в твоём сердце. Ты запомнил мои истории?

- Да, - прошептал Алёша сквозь слёзы.

- Тогда они оживут в тебе. Ты сам станешь садом. Пусть твои дела будут цветами, и тогда другие найдут свет.

И запах пошёл от розы - сильный, сладкий, как будто вся церковь наполнилась благоуханием. Потом лепестки осыпались, и роза умолкла.

С тех пор роза больше не говорила. Но Алёша уже не нуждался в её голосе. Он помнил каждую историю. Когда видел жадного - делился. Когда слышал ложь - говорил правду. Когда чувствовал зависть - радовался счастью другого.

А сад при церкви ожил. Яблони покрылись белым цветом, мёд капал из ульев, дорожки зазеленели, и над ними пели птицы. Люди приходили туда отдыхать душой.

И каждый ребёнок знал: этот сад ожил потому, что один мальчик полюбил его, и роза научила его главному: самое большое чудо в мире - это чистое сердце, в котором живёт любовь.

И если кто-то шёл мимо церкви ранним утром, когда звонил колокол и над землёй поднимался пар от тёплого хлеба, он видел Алёшу - мальчика-садовника. Его глаза сияли, словно отражали небесный свет. И казалось: весь сад слушает звон и отвечает благоуханием.

Сказка про каменное и восковое сердце

В нашей деревне утро всегда начиналось одинаково. Сначала петух на заборе закричит в голос, потом корова в хлеву замычит, и только после этого звенят колокола - тонко, светло, будто небесный звон капает в душу. Я просыпалась и слышала этот звон, и всегда думала: это ангелы поют.

Жили у нас два мальчика - Саша и Петя. Как два близнеца дружили. Всюду вместе - и на речке, где лягушки кувыркались в тёплой воде, и в саду, где яблоки пахли медом, и в поле, где

жаворонки висели в небе, как серебряные колокольчики. Казалось, сама земля радовалась их дружбе: ветер им улыбался, трава под ноги стлалась мягче.

Но однажды, под вечер, когда солнце золотило крыши и пахло свежим хлебом из печи, поссорились они. Поссорились из-за пустяка - мячом случайно задели бабушкино стекло. Саша вскричал сердито:

- Это ты виноват!

А Петя, краснея, ответил:

- Нет, ты!

Слово за слово, и дружба их разлетелась, как глиняная игрушка на камнях. Петя тихо сказал:

- Прости меня, Саша. Я не хотел.

Но Саша отвернулся. Слово «прости» показалось ему слишком лёгким. И вдруг почувствовал он, как сердце его потяжелело. Будто камень положили внутрь, холодный, серый.

С того дня радость куда-то ушла. Петя бегал, звал его, приносил наливные яблоки, делал рожицы, - а Саша молчал. Камень в груди не давал. Словно солнце перестало светить для него. Даже звон колоколов - такой радостный утром - звучал глухо, как будто за стеной.

А Петино сердце оставалось мягким. Хоть и обижен был, но умел он прощать. Его сердце было как воск: оно принимало и боль, и радость, и солнечный свет. Потому Петя смеялся легко, и жаворонок пел для него звонче, и трава шептала ласковей.

Однажды Саша пошёл один в поле. Солнце клонилось к закату, травы пахли мёдом, кузнечики стрекотали, а ему всё тяжко. Он шёл и чувствовал: каждый шаг - будто тянет за собой каменную ношу. «Неужели это и есть моё сердце?» - подумал он.

А вечером, когда стемнело, он услышал, как мама в комнате тихо молилась:

- Прости нам долги наши, якоже и мы прощаем должникам нашим…

Слова эти упали прямо в сердце. «Если Бог нас прощает, - шепнул он, - то и я должен». Но камень не отпускал.

В ту ночь приснился ему сон. Стоит он у реки, тихой, серебристой. Вода звенит, как колокольчик, звёзды в ней горят. И выходит к нему старец - светлый, глаза ясные, в бороде сияние, будто снег весенний.

- Что держишь в руках, дитя? - спросил он.

Саша посмотрел - и увидел: сердце его стало тяжёлым камнем.

- Не могу отпустить, - сказал он. - Он прикипел ко мне.

Старец улыбнулся:

- Сердце дано не для камня, а для любви. Скажи слово «прости» - и он растает.

Саша проснулся. Утро было ясное, свежее. Солнце пробивалось сквозь занавеску, в комнате

пахло молоком и хлебом. Колокол звонил на обедню. Сердце его билось быстро, будто хотело вырваться.

Он выбежал во двор. Петя сидел на лавке, котёнка гладил, глаза грустные. Саша подошёл, постоял и тихо, еле слышно, сказал:

- Прости меня, Петя.

И вдруг чудо произошло. Камень исчез. Сердце стало лёгким, словно восковая свечка загорелась в груди, и свет разлился по всему телу. Петя поднял глаза, улыбнулся, обнял его крепко.

- И ты прости меня!

И в тот миг солнце вырвалось из-за облака, золотым светом залило деревню, и колокола зазвенели так, что казалось - всё небо ликует. Даже котёнок замурлыкал громче, радуясь.

С тех пор Саша понял: самое тяжёлое - носить в себе обиду. Она превращает сердце в камень. А стоит сказать «прости» - и сердце снова живое, мягкое, готовое любить.

И часто потом, услышав колокола или почувствовав запах хлеба из печи, он вспоминал тот сон и тихо говорил сам себе:

«Нет большей свободы, чем быть собой пред Богом. И нет большего счастья, чем сказать: прости».

И когда они с Петей ссорились снова, оба знали: дорога к миру - короткая. Она всего в одно слово.

Лучик и Великий Свет

Жил-был Лучик, маленький, но такой яркий, что от его сияния травка зеленела, а цветочки радостно тянулись к небу. Он искрился, как звёздочка, что упала с небес, и всё вокруг него пело и смеялось. Но однажды Лучик задумался: «Откуда я взялся? Зачем я свечу? И почему я один-одинёшенек?».

С этой мыслью Лучик решил отправиться в путешествие, чтобы найти ответы. Он прыгал по лугам, скользил по росинкам, танцевал на листочках, пока не встретил Тень - тёмную, как ночной лес, и таинственную, как шёпот ветра.

- Кто ты, Лучик? - спросила Тень, колыхаясь, словно занавеска на ветру. - Я - Тень, я живу там, где тебя нет. Ты светишь, а я прячусь. Без меня ты бы не знал, что ты - свет!

Лучик нахмурился. «Неужели я - это только отсутствие Тени?» - подумал он. Но сердце его, маленькое, но тёплое, подсказало: «Нет, я больше, чем просто противоположность!». И он поскакал дальше, оставив Тень покачиваться в задумчивости.

Скоро Лучик добрался до полянки, где пылал Огонь - жаркий, трескучий, как костёр в зимнюю ночь. Огонь закружился вокруг Лучика и загудел:

- Эй, Лучик! Ты похож на меня, но какой же ты тихий! Я - Огонь, я горю, я танцую, я всё меняю! Я сжигаю старое, чтобы новое росло. А ты только светишь - скучно!

Лучик задумался. Огонь был таким сильным, таким живым! Но Лучик не хотел разрушать, он хотел лишь согревать и радовать. «Нет, я не Огонь, я - другой», - решил он и полетел дальше, сияя ещё ярче.

И вот, после долгих скитаний, Лучик прискакал к Зеркальному Озеру, что блестело, как серебряный поднос. Озеро тихо сказало:

- Хочешь узнать, кто ты, Лучик? Посмотри на меня!

Лучик заглянул в озеро и ахнул: там сиял он сам, но такой красивый, такой загадочный! Его свет искрился, переливаясь, как радуга в утренней росе.

- Кто я? - спросил Лучик у своего отражения.

Озеро ответило, словно звеня колокольчиками:

- Ты - Лучик, искорка света! Ты светишь, потому что ты есть. Не ищи себя в Тени или Огне, не сравнивай себя с другими. Ты - это ты, и этого довольно!

Лучик замер, сердце его затрепетало. Он понял: ответ был в нём самом с самого начала! Но всё же что-то беспокоило его. «Я знаю, кто я, но почему мне тесно? Почему мой свет кажется таким маленьким?».

И тогда Лучик вспомнил Тень и Огонь. Он понял, что, думая только о себе, он запер свой свет в маленькой коробочке своего сердца. А свет должен быть свободным, как ветер, как песня, как молитва!

- Может, мой свет не только для меня? - подумал Лучик. И решил: он будет светить для всех!

Лучик распахнул своё сердце и засиял так ярко, что тёмные уголки леса запели от света, а Тень превратилась в весёлую игру теней и бликов. Огонь, увидев Лучика, перестал гудеть и заплясал спокойно, словно в благодарность. А Зеркальное Озеро стало прозрачным, и Лучик прошёл сквозь него, освещая всё, что было за ним.

И вот Лучик понял: его свет - это не только он сам, но и весь мир вокруг! Он сиял для жучков и пчёл, для травинок и птиц, для каждого, кто нуждался в тепле. И в этом сиянии он чувствовал себя свободным, как никогда.

Но Лучик не остановился. Он захотел найти Источник своего света - тот Великий Свет, из которого он родился. Он прыгал по облакам, скользил по звёздам, пока не оказался в месте, где всё сияло, как в сказке. Там не было ни Тени, ни Огня, только Свет - тихий, тёплый, бесконечный.

- Ты вернулся, Лучик, - сказал Великий Свет голосом мягким, как колыбельная. - Ты всегда был моей искоркой. Твой путь был нужен, чтобы ты понял: твой свет - это моё продолжение. Ты можешь остаться со мной или вернуться в мир, чтобы нести мой свет другим.

Лучик почувствовал, как тепло Великого Света обнимает его. Он знал, что этот Свет - как Божья любовь, что сияет в каждом сердце. И Лучик решил: он вернётся в мир, чтобы делиться этим теплом.

И вот Лучик засиял ещё ярче, неся в мир частичку Великого Света. Он освещал тёмные тропинки, согревал замёрзших птичек, помогал заблудившимся находить дорогу. И каждый,

кто видел его свет, чувствовал, что в мире есть что-то доброе, вечное и святое.

Так Лучик стал не просто искоркой, а проводником Великого Света, соединяя всех в любви и радости. И с тех пор, где бы он ни появлялся, всё вокруг начинало петь и сиять, как в самой волшебной сказке.

Сказка о Неупиваемой Чаше

Жили-были на свете два друга: мальчик по имени Антоша и девочка по имени Наденька. Жили они не в тридевятом царстве, а в самом обыкновенном городе, где по утрам кричали петухи и пахло свежим хлебом. И был у них внутри маленький, беспокойный мир, который вечно куда-то торопился, спорил, обижался и гремел, как кастрюли в шкафу, если в них нечаянно ткнуть локтем.

Однажды вечером Антоша так разобиделся на Наденьку из-за акаварельных красок, что хотел сказать грубое слово, но язык его вдруг стал тяжелым-тяжелым, как подушка, набитая гречкой, и слово не вышло. А Наденька хотела надуть губы и сделать вид, что Антоши не существует, но губы её сами собой сложились в улыбку, будто их кто-то за уголки подергал.

В это самое время в комнате, где заходило солнце и отбрасывало на стену длинные тени, стало тихо-тихо. И в этой тишине появился свет. Не такой, как от лампы, а мягкий, струящийся, как медленный ручей. И запах - нежный-нежный, словно от тысячи цветущих яблонь и от свежеиспеченного кулича вместе взятых.

Антоша и Наденька переглянулись и поняли, что нужно идти на этот свет. Они вышли из дома и пошли по улице, которая вдруг стала не похожа на саму себя. Камни под ногами мягко светились, а фонари склонили свои стеклянные головы, будто кланяясь им. Они шли и чувствовали, как их внутренний беспокойный мир понемногу начинает утихать, как море после бури.

Шли они, шли и пришли к старому-старому дубу, который стоял на краю города. Под дубом сидел старичок в простой одежде, с седой бородой, похожей на пушистое облако. Он плел из травы корзинку и тихо напевал: «Господи, помилуй, Господи, помилуй…»

- Здравствуй, дедушка! - сказали дети.

- Здравствуйте, птенчики, - ответил старичок, и глаза его улыбнулись. - Куда путь держите?

- Мы идем… к свету, - неуверенно сказала Наденька.

- А мы ищем, где наш внутренний мир не будет шуметь и драться, - добавил Антоша.

Старичок кивнул.

- Это вы хорошо придумали. Мир ищет мира. А знаете, кто вам светил? Сама Владычица Небесная, Матерь Божия. У Неё есть дивная Чаша, которая никогда не пустеет. Называется она «Неупиваемая Чаша». И пьют из нее не компот и не чай, а самую чистую Благодать - Божию радость и силу. Она-то и утишает все бури.

- Ой! - воскликнули дети. - А где же эта Чаша? Как её найти?

- Путь неблизкий, - сказал старичок, а звали его старец Амвросий, только они этого не знали. - Нужно пройти через Долину Рассеянных Мыслей, перебраться через Реку Вспыльчивых Слов и

найти тропинку, ведущую к Храму. Но не пугайтесь. Богородица вас не оставит. Вот вам путеводная ниточка. И он протянул им тонкую-тонкую серебряную нить, которая тянулась из его руки куда-то вдаль и светилась чуть заметным светом.

- Держитесь за нее, и не собьетесь с пути.

Поблагодарили дети старца и пошли дальше, держась за волшебную нить. Вскоре они попали в Долину Рассеянных Мыслей. Там было очень странно: воздух был наполнен разноцветными пузырями, а в каждом пузыре крутилась какая-нибудь мысль. Вот пузырь с мыслью «хочу мороженого», вот - «а что, если я умею летать?», а вот - «завтра контрольная!». Пузыри сталкивались, лопались, и мысли путались. Антоша и Наденька сразу забыли, зачем они идут, и стали хвататься то за один пузырь, то за другой.

- Смотри, какая красивая бабочка! - крикнул Антоша.

- Это не бабочка, это твое пятно на футболке! - засмеялась Наденька.

Они уже готовы были побежать за очередным блестящим пузырем, как вдруг серебряная нить на руке у Антоши дернулась и стала теплой. И в воздухе снова повеяло тем самым цветочно-хлебным запахом. Дети вспомнили про Чашу, крепко ухватились за нить и, закрыв глаза от назойливых пузырей, побежали вперед. И пузыри с мыслями стали от них отставать, становились прозрачными и исчезали.

Выбежали они из долины и увидели перед собой бурную Реку Вспыльчивых Слов. Вода в ней была темной и пенистой, а по волнам прыгали, как острые камешки, слова: «Ах ты так!», «Я тебе покажу!», «Сама виновата!». Стоило такому слову коснуться воды, как поднималась целая волна гнева.

- Как же нам перебраться? - спросила Наденька.

И тут они увидели мост. Но мост был не простой, а из больших-пребольших букв, сложенных в слова. И слова эти были: «Прости», «Пожалуйста», «Я был не прав», «Давай помиримся». Мост был шаткий, и идти по нему было страшновато.

Антоша ступил на первую букву «П» в слове «Прости». Мост качнулся. Антоша вспомнил, как он сегодня обидел Наденьку, и ему стало стыдно.

- Наденька, прости меня за краску, - тихо сказал он.

И мост сразу стал крепче. Наденька шагнула на мост и сказала:

- И ты меня прости, я тоже была неправа.

И мост стал совсем широким и устойчивым. Они побежали по нему, и острые слова из реки не могли до них дотянуться. А когда перешли на другой берег, обернулись и увидели, что река стала тихой и спокойной, а над ней засияла радуга.Серебряная нить вела их дальше, в светлый лес. И вот между деревьями они увидели женщину в одеждах цвета утреннего неба. Лица Её они разглядеть не могли, потому что от Неё исходило такое сияние, что глазам было больно, а сердцу - радостно. Это была Сама Богородица. Она не сказала ни слова, но они поняли Её без слов.

Она указала им рукой на узкую тропинку, что вела в гору. Дети поползли вверх. Им было тяжело. Антоша вспомнил, как он однажды соврал маме, а Наденька - как не поделилась

конфетой с младшей сестренкой. Эти воспоминания стали тяжелыми камнями у них в карманах, мешая идти. Они плакали и каялись в этих плохих поступках, и с каждым словом покаяния камни становились легче, а потом и вовсе исчезали. Это была самая важная часть пути - дорога Исповеди.

Наконец они дошли до вершины. Там стоял белый-белый Храм с золотыми куполами. Двери были открыты настежь. Войдя внутрь, они увидели необыкновенную картину: всё вокруг сияло, пел дивный хор, а в центре стоял батюшка с Чашей в руках. Это была та самая Неупиваемая Чаша. Из неё исходило такое сияние, что казалось, будто внутри находится маленькое солнышко.

К Чаше подходили люди, и батюшка давал им из неё маленькую ложечку. И лица этих людей становились такими светлыми и радостными, будто они встретили самого дорогого гостя.

Подошла очередь Антоши и Наденьки. Они с трепетом сделали глоточек из Чаши. И вот что они почувствовали: по всему их телу разлилось приятное тепло, и даже ни как от чашки горячего какао в холодный день. Но это было не просто тепло. Это была такая радость, такой мир и такая любовь ко всему на свете, что их внутренний мир, который раньше шумел и дрался, вдруг затих, выпрямился и запел тихую-тихую песню. Они почувствовали, что стали сильными, добрыми и ничего не боятся. Это было Святое Причастие - встреча с Самим Господом.

Когда они вышли из Храма, было уже утро. Они стояли на знакомой улице, у своего дома. Петух кричал, пахло хлебом. Но всё было по-другому. Мир стал ярче, звуки - чище, а их сердца были наполнены тишиной и благодатью. Серебряная нить исчезла, но они знали, что она теперь навсегда в их сердцах, соединяя их с Богородицей и Её Неупиваемой Чашей.

С тех пор Антоша и Наденька ходили в Храм как на праздник. Их внутренний мир уже не шумел по пустякам, потому что был укреплен благодатью. А если вдруг начинал капризничать, они вспоминали тот волшебный путь, старичка под дубом, мост из добрых слов и свет Неупиваемой Чаши. И снова шли в Храм, чтобы испить Божией радости и силы, которые Богородица дарует всем, кто ищет свой путь к добру и свету.

И жили они, конечно, долго и счастливо. Но не по-сказочному, а по-настоящему, потому что счастье их было в мире с Богом, с людьми и с самими собой.

Сказка о поле

Сидели мы как-то в тёплой комнате зимним вечером. В печи потрескивали поленья, лампада тихо светила, и дети теснились поближе ко мне. Я им и сказал: «Слушайте сказку, чадушки мои. Сказку не простую, а душевную. Кто поймёт - тот своё сердце узнает».

Жил-был человек. Был он обыкновенный, ни богатый, ни бедный, ни мудрый, ни глупый. Но было у него поле. Не видимое - душевное. У каждого из нас оно есть, только мы редко о нём думаем.

Однажды вышел человек на своё поле и ахнул: сорняки кругом! Крапива жгучая, репей колючий, чертополох высокий, да ещё лебеда с мокрицей. Где пшеница, где рожь? Ничего доброго. Всё поле заросло.

Стал он руками траву дёргать, ногами топтать, в поте лица работать. Рвёт крапиву, а она снова вырастает. Репей сорвёт, а он тут же за ноги цепляется. И чем больше человек старается, тем

сильнее сорняки будто насмехаются над ним.

Уселся человек на землю, тяжко вздохнул: «Ох, не управлюсь я так. Мало сорняки рвать. Надо всё поле вспахать и добрым семенем засеять».

Только сказал это - земля вдруг шевельнулась, словно ответила: «Правду думаешь. Но один ты не справишься. Зови Хозяина, а без Него всё равно поле пустым останется».

Пошёл человек к мудрому старцу-игумену и рассказал про поле. Игумен улыбнулся и сказал: «Поле - это душа твоя. Исповедь - прополка: вырываешь грехи, дурные привычки. Но если пустоту оставишь, худое семя само прилетит. Сеять надо доброе: кротость, смирение, благодарность, усердие. Вот тогда душа оживёт».

Вернулся человек, снова смотрит на поле. И вдруг - чудо! Из сорной травы поднялись тоненькие колоски. Они тихо зазвенели на ветру: «И мы здесь! Только сорняки нас давили. Дай нам света, дай воды - и мы вырастем».

Обрадовался человек. Но сорняки не унимались. Закричали они громко, как базарная толпа: «Мы быстрее растём! Мы громче кричим! Мы вечные!». И снова полезли, снова душу закрывать.

Тут поднялся над полем Свет. Яркий, тёплый, но не обжигающий. И явился Хозяин Нивы. В руках у Него серп сияющий, на плечах свет, от которого темнота отступала.

Сказал Он: «Я - Господь жатвы. Кто верит Мне, у того поле принесёт плод. Я Сеятель, Я Жнец, Я Хранитель. А ты, человек, будь лишь верным работником».

Умолкли сорняки. Крапива свернулась, репей отцепился, лопух голову опустил. А колоски поднялись, зазолотились, и запах хлебный пошёл по воздуху.

Пал человек на землю, заплакал и сказал: «Благодарю Тебя, Хозяин, что поле моё не оставил. Я сам бы никогда не справился».

С той поры понял он: мало от зла уклоняться, надо и добро творить. Мало сорняки рвать, надо и зерно сеять. Без труда, без терпения, без молитвы поле пустым останется. А с Господом и пустыня расцветёт.

Прошло время, и жатва пришла. И не горькая она была - не горечь воспоминаний о грехах, а радость встречи с Хозяином Нивы. Колосья оказались золотыми, полными, добрыми. Человек собрал их и понял: вот это и есть плод жизни его.

А сорняки тем временем шептались меж собой: «Может, и мы когда-нибудь в хлеб обратимся…» Да так тихо шептали, что уже никому не мешали.

Вот и сказке конец.

А теперь слушайте, детушки, что значит эта сказка. Поле - это душа наша. Сорняки - страсти и грехи: гнев, зависть, леность. Прополка - это исповедь. Но если только грехи рвать, а добродетели не сеять, то опять вырастет пустое. Потому и сказано в Писании: «Уклонись от зла и сотвори благо». Одного «уклониться» мало.

В каждом человеке Бог уже посеял доброе зерно: совесть, любовь, желание правды. Только надо помогать этому зерну расти: молитвой, трудом, благодарностью, терпением. А труд

тяжёлый, без Господа - невозможный.

Так вот, чадушки мои: не унывайте, если видите в себе много колючек. Каждая вырванная страсть - это место для новой добродетели. А добродетель растёт, как пшеница: нужна вспашка - смирение, нужен дождь - молитва, нужен труд - постоянство.

Если будете так жить, то и поле души вашей преобразится. И жатва у вас будет не горькая, а радостная. Потому что Христос - Хозяин Нивы - Сам выйдет вам навстречу.

Вот такая сказка, да и не сказка вовсе, а правда Божья.

Сказка про Дюймовочку

Вечер опустился на деревню, тихий и мягкий, как покрывало, и в доме батюшки пахло свежеиспечённым хлебом и липовым чаем. Дети, ещё с улицы, с босыми ногами и румяными щёчками, уселись на низкие лавочки, кто на корточках, кто прислонившись к стене. Батюшка, с седыми висками и усталым, но добрым лицом, поставил самовар, напустил в кружки горячего чая и уселся на стул напротив, приподняв брови, словно готовясь к великому таинству.

- Сегодня, - сказал он, - расскажу вам одну чудную историю. Сказку, - улыбнулся он, - про крошечную девочку, её Дюймовочка зовут. Но слушайте не как в книжке, а как в жизни бывает: с Богом и с сердцем.

Дети замерли. Тихо зашуршали листья за окном, и дом стал совсем тесным и тёплым, словно укрылся от всего мира.

- Жила-была одна добрая женщина, - начал батюшка, - и долго молилась Господу. Просила не богатства, не славы, а лишь малую радость, маленький свет в доме своём. И Господь послал ей крошечную девочку. Такая была она маленькая, что на ладони помещалась. Дети вздохнули: «Вот это да!» - и батюшка улыбнулся:

- Так и в жизни бывает. Когда просишь тихо, со смирением, - Бог слышит, и чудо приходит, совсем маленькое, но великое для сердца.

Он сделал глоток чая и продолжил, понижая голос:

- Но, знаете, счастье часто проверяется… Вот пришли как-то жабы, - и глаза батюшки блестнули, - и увели Дюймовочку в болото. А там - грязь, тина, вода и солнце не видно. Так и нам бывает: вдруг беда, труд, невзгоды, и сердце плачет, не понимая, почему.

Дети уткнулись носами в руки. Батюшка мягко кивнул:

- Но терпение и молитва - вот что спасает. Даже в болотах Господь пошлёт руку помощи, как рыбка, что вытащила девочку. Главное - не роптать, а доверять.

Он присел на край лавки, взгляд устремил куда-то вдаль, и заговорил о жуке:

- Потом жук забрал её к себе. Похвалялся, радовался. Но другие жуки стали смеяться: «Она не такая, как мы!» - и бросили её. Вот видите, дети, мир обещает тепло и радость, а потом отталкивает, если ты не такой, как он хочет. Тут уж только Господь любовь дарует - не людскую, а Свою, что никогда не обманывает.

Одна девочка, Марфа, тихо спросила:

- Батюшка, а как же Дюймовочка не расстроилась?

- Она молилась, - ответил батюшка, - смиренно. И молчание её стало силой. Потому что терпение - это тоже молитва, только без слов.

- Потом, - продолжил он, - добрая мышка приютила её. Научила смирению, трудолюбию. Иногда Господь прячет нас в тесной норе - не как наказание, а чтобы сердце привыкло благодарить за простое: кусок хлеба, уголок тёплый, уголок тихий.

Дети слушали, затаив дыхание, а батюшка наклонился к самовару, добавил чаю в кружку и говорил медленно, словно взвешивал каждое слово:

- А вот и крот пришёл, предложил богатую жизнь под землёй. Уютно, спокойно, без забот. Многие соглашаются - и теряют свет. Душа, полюбившая Господа, знает: без солнца и воздуха, без радости духовной - это не жизнь, а смерть. Потому и Дюймовочка не согласилась.

В комнате повисла тишина. Дети смотрели на батюшку, и казалось, что даже ночь за окном прислушивается к его словам.

- И наконец, - батюшка улыбнулся, - Господь послал ласточку. Она унесла Дюймовочку в цветущую долину, где её ждал Эльф, и там был свет, радость и венец для сердца. Так и мы, если пройдём все трудности, не променяем свет на мнимое спокойствие, - достигнем того, что приготовил Бог. Скорбь станет радостью, а путь - домом светлым.

Он сделал паузу, посмотрел на детей. Те, затаив дыхание, словно сами пережили все приключения крошечной девочки.

- Дети мои, - сказал батюшка, - видите, сказка - это не просто развлечение. Это о том, как душа наша может быть маленькой, как Дюймовочка, но видеть Божью руку и не бояться трудностей. Малое может быть великим, если сердце смиренно и открыто.

Он налил детям ещё чаю, и кто-то сказал:

- Батюшка, а мы тоже можем быть как Дюймовочка?

- Конечно, - тихо ответил батюшка. - Только не забывайте молиться, терпеть и благодарить. И тогда Господь поведёт вас туда, где свет и радость вечны.

Вечер продолжался. В доме было тепло, свет ламп раскачивался на стенах, и тени прыгали, словно маленькие животные. Дети молча пили чай и думали о чудесах, которые приходят к смиренному сердцу. А батюшка, с улыбкой, слушал их дыхание и тихо молился о том, чтобы каждая крошечная душа нашла свою Дюймовочку в мире - то есть свою веру, терпение и любовь Божию.

Так сказка кончилась, а в доме ещё долго витал запах липового чая, и тихий шёпот ночи казался благословением.

Сказка о мудром профессоре и волшебном воробушке

В большом городе, где высокие дома подпирали небо, а улицы гудели, как разъярённые шмели, жил знаменитый профессор Семён Семёнович. Он был учёнейшим человеком на свете. Его кабинет был завален книгами от пола до потолка, а сам он дни и ночи напролёт размышлял над самым главным вопросом: «В чём секрет настоящего счастья?».

Он писал об этом толстенные книги, такие тяжёлые, что их с трудом поднимал даже дворник дядя Миша. Но чем больше профессор писал, тем больше он хмурился и вздыхал. Секрет счастья никак не хотел умещаться в слова и формулы.

А прямо под окном кабинета профессора, в старом-престаром дубе с дуплом, жил самый обыкновенный воробей по имени Чирик. Он не знал никаких секретов и сложных слов. Он знал, что утро начинается с восхода солнца, что хлебные крошки на бульваре – это вкусно, а купаться в луже после дождя – самое большое удовольствие на свете. Каждое утро Чирик вылетал из дупла и принимался звонко выводить: «Чик-чирик! Ура! Новый день!».

Профессор Семён Семёнович, услышав это веселое чириканье, только сердито хмурился.

- Опять этот пустомеля мешает великим мыслям! – ворчал он и плотнее закрывал окно.

Однажды вечером, когда профессор в сотый раз перечитывал свою новую книгу о счастье, в кабинет постучали. В дверь просунулась кудрявая голова маленькой девочки. Это была Наденька, дочь дворника. В руках она осторожно несла что-то завернутое в носовой платок.

- Дядя Семён, - прошептала она, - с Чириком беда! Он не летает и не чирикает!

Профессор взглянул на маленькую птичку, лежавшую на ладони у Наденьки. Чирик был таким тихим и испуганным, каким профессор его ещё никогда не видел.

- Гм, - промычал учёный. - Орнитологический случай. Надо установить диагноз.

Он усадил Наденьку в кресло, взял увеличительное стекло и стал внимательно изучать воробья. Но чем дольше он смотрел, тем больше понимал, что его толстые книги бессильны. В них не было написано, как вылечить печаль в маленьких птичьих глазах.

Вдруг в камине, который давно не топили, что-то затрещало. Из трубы, обсыпанный сажей, прямо на ковёр свалился невысокий забавный старичок в валенках на босу ногу и цветастом шарфе. Он отряхнулся и весело подмигнул изумлённому профессору.

- Здравствуй, Семён Семёнович! Слышал, у тебя проблема с пернатым другом? Я – старичок-Лесовичок, хранитель парка. А проблемы эти лечатся не учебниками, а приключениями!

- Какими ещё приключениями? – возмутился профессор. – У меня научный труд стоит!

- Вот именно, что стоит! – рассмеялся Лесовичок. – Пора его в путь-дорогу отправить! Чтобы понять секрет счастья маленького существа, нужно самому стать маленьким!

И прежде чем профессор успел возразить, Лесовичок дёрнул за кисточку своего шарфа и что-то прошептал. Комната вдруг начала стремительно увеличиваться! Нет, это профессор и Наденька начали уменьшаться! Через мгновение они стояли на огромном ковре, а книги возвышались над ними, как небоскрёбы.

- Вот так-то лучше! – сказал Лесовичок, который теперь казался великаном. – Ваша задача – вернуть Чирику его песню. А для этого вам нужно добраться до Озера Утренней Росы и умыться его каплей. Но путь неблизкий! Вперёд!

Сказав это, старичок растаял в воздухе, как дымка.

Так началось невероятное путешествие. Путь их лежал через необъятную Квартиру. Им

предстояло пересечь просторы Линолеумной равнины, миновать опасные Ножки Стула и добраться до балконной двери.

Первым испытанием стал Поход через Ковёр-Джунгли. Ворсистый ковер превратился в густые, колючие заросли. Профессор, привыкший всё рассчитывать, пытался составить карту, но травинки-ворсинки колыхались и сбивали его с толку. А Чирик всё грустнел.

- Смотрите! – вдруг крикнула Наденька. – Паучок!

На тонкой, почти невидимой паутинке с потолка спускался упитанный паук. Он с интересом разглядывал путешественников.

- Куда путь держите, крошки? – прошипел он.

- К Озеру Утренней Росы! – смело ответила Наденька.

- А-а-а, за песней! – паук усмехнулся. – Я вас пропущу, если отгадаете мою загадку. «Сидит на паутинке, но не паук. Ловит солнце, но не птица. Что это?».

Профессор Семён Семёнович нахмурился. Он перебирал в памяти научные классификации, но ничего подходящего не находил. Наденька же внимательно посмотрела на солнечный луч, в котором танцевала пыль, и на капельку росы, блестевшую на паутинке, как бриллиант.

- Это роса! – радостно воскликнула она. – Она сидит на паутинке и ловит солнце, чтобы переливаться!

Паук удивился такой догадливости и, сдержав слово, пропустил их.

Следующей преградой стала Гора Диванная. Её склоны были круты и обрывисты. Профессор, пытаясь действовать по правилам, искал самый пологий склон, но это отнимало время. Наденька же просто стала карабкаться вверх, находя удобные зацепы – узоры на ткани, кисточки. Профессору пришлось последовать за ней, и вскоре они оказались на вершине. Оттуда открылся вид на целое море – Линолеумный океан, а вдали сияла цель их пути – балконная дверь.

Но как его пересечь? Вдруг из-под дивана с громким скрежетом выкатилась огромная пыльный шарик-монстр! Это был кот Васька, который принял маленьких путников за мышей! Его усы колыхались, как сабли, а глаза горели зелёным огнём.

Профессор замер от ужаса. Все его знания были бесполезны. Но тут Наденька заметила старую газету, лежавшую на полу. Она схватила её и крикнула:

-Дядя Семён, бежим!

Они прыгнули на газету, как на плот. Наденька подняла уголок, и поток воздуха из-под плинтуса понёс их по гладкому линолеуму прямо к балкону! Кот Васька только фыркнул от удивления.

Наконец, они добрались до балконной двери. Щель под ней стала для них настоящими вратами в новый мир. Они выбрались на балкон. И тут профессор ахнул.

В старом тазу, где дядя Миша замачивал цветы, после вчерашнего дождя скопилась вода. Вода эта искрилась в лучах восходящего солнца, как миллионы алмазов. Это и было Озеро Утренней

Росы!

Наденька осторожно подошла к тазу и зачерпнула ладошкой каплю воды. Она поднесла её к клювику Чирика. Птичка сделала глоточек. Потом другой. И вдруг её глазки заблестели. Она взмахнула крыльями, взлетела с ладони Наденьки, села на край таза и звонко, на весь парк, вывела:

-Чик-чирик! Спасибо!

В этот момент с профессором Семёном Семёновичем произошло чудо. Лесовичок снова появился рядом и дёрнул за шарф. Профессор снова стал большим. Но что-то в нём изменилось навсегда. Он смотрел на чистое небо, на зелёные деревья парка, на радостного Чирика, который носился в воздухе, и на счастливое лицо Наденьки.

И он понял. Он понял всё без единого слова.

Счастье было не в толстых книгах. Оно было в утреннем солнце, в капле росы, в смелой девочке, которая не боится загадок, и в простой песне маленькой птички, радующейся новому дню.

С тех пор профессор Семён Семёнович изменился. Он по-прежнему писал свои книги, но теперь он всегда работал с открытым окном. А каждое утро он выходил на балкон, сыпал в кормушку хлебных крошек и с улыбкой слушал, как Чирик и его друзья выводят свою простую, но самую правдивую в мире песню о счастье.

Сказка о дырявом сапоге и завистливом иноке

В далеком монастыре, где сосны пели с ветром, а колокольный звон звенел, будто серебряные монетки, жили-были два друга: маленький щегленок Фюирк и юродивый Силуан. Силуан был чудной - босой, с бородой, похожей на старый веник, и всегда таскал дырявый сапог, полный блестящих камушков. Фюирк, шустрый, как солнечный зайчик, любил сидеть на плече Силуана и высвистывать с щелканьем песенки, от которых даже монахи улыбались.

В монастыре был молодой инок Вонифатий, худой, как тростинка, и с глазами, в которых пряталась тоска. Он мечтал стать самым умным и уважаемым монахом, но игумен хвалил другого - доброго Серафима, чье лицо сияло, как глиняный горшок на солнце. Вонифатий злился: «Почему Серафима хвалят, а меня нет? Я же читаю книги и пощюсь дольше всех!». Его сердце, словно старый сундук, наполнялось завистью, и оно скрипело, как несмазанная дверь.

Однажды, когда солнце золотило монастырский двор, Силуан, хихикая, подбежал к Вонифатию, держа свой сапог.

- Эй, инок! - крикнул он. - Положи свою тоску в мой сапог, он дырявый, но крепкий!». Щегленок Фюирк на плече Силуана просвистел:

- Тоска - тяжё-ё-ёлая!».

Вонифатий нахмурился: «Какой вздор! Мое сердце болит, а ты с сапогом лезешь!». Силуан вытряхнул камушки - они запрыгали, будто лягушки, и сказал:

- Зависть - как эти камни, сушит душу. Положи в сапог благодарность, и увидишь чудо!.

Вонифатий фыркнул и ушел, но слова Силуана застряли в голове, как песчинка в ботинке.

Ночью он не спал, глядя на звезды через окошко кельи. «А что, если Серафимов успех - не моя беда?» - подумал он.

Тут Фюирк влетел в окно и прощелкал:

- Иди за мной, инок! В лесу есть секрет!

Вонифатий, хоть и ворчал, надел плащ и пошел за птичкой.

Лес за монастырем был густой, как борода Силуана, и полный загадок. Фюирк привел Вонифатия к старому дубу, где в корнях блестел золотой сундучок.

- Открой его!

Вонифатий дрожащими руками открыл крышку и ахнул: внутри лежали три волшебных камня - красный, синий и зеленый, а рядом - записка: «Кто зависть оставит, тому камни откроют путь». Вонифатий схватил камни, но они вдруг загорелись, как угольки, и он их выронил.

- Что за шутки? - крикнул он.

Фюирк захихикал:

- Зависть жжет, как огонь! Пойдем дальше!

Они побежали через лес, где ветки шептались, а сова ухала, будто старушка на базаре. Вскоре они вышли к реке, где на берегу стоял Силуан с дырявым сапогом.

- Ну, инок, - сказал он, - готов ли ты бросить зависть?

Вонифатий топнул ногой:

- Как я могу радоваться, если Серафим хвалят, а меня нет?

Силуан подмигнул:

- Попроси камни показать правду, но сначала поблагодари Серафима за его добро.

Вонифатий буркнул, но вспомнил, как Серафим делился с ним хлебом, когда он голодал. «Ладно, - пробормотал он, - спасибо ему». В тот же миг красный камень засветился и превратился в мост через реку. Вонифатий, Фюирк и Силуан перешли на другой берег, где их ждала пещера, полная светлячков, похожих на звезды. В центре пещеры стоял зеркальный пруд, а над ним висел сияющий венец.

- Это Венец Радости, - сказал Силуан. - Но его возьмет только тот, кто оставит зависть.

Вонифатий шагнул к пруду, но зеркальная вода показала его лицо - угрюмое, с тенью зависти. Он отпрянул: «Это не я!».

Фюирк чирикнул:

- Это ты, пока зависть в сердце!.

Вонифатий закрыл глаза и вспомнил, как Серафим помогал братии, как его смех грел монастырь. «Он хороший, - прошептал Вонифатий. - Пусть его хвалят, я рад». Синий камень

вспыхнул, и пруд засиял, отражая улыбку Вонифатия.

Но Венец Радости висел высоко, и до него было не дотянуться. Силуан подал свой сапог:

- Набей его благодарностью, инок!

Вонифатий начал говорить:

- Спасибо Серафиму за доброту, спасибо игумену за мудрость, спасибо Фюирку за смелость.

С каждым словом сапог светился, будто набитый звездами, и вдруг взлетел, подхватив Вонифатия к венцу. Он схватил его, и венец превратился в теплый свет, который наполнил его сердце, как горячий чай - холодный вечер.

Когда они вернулись в монастырь, Силуан пел под соснами, а Фюирк танцевал в воздухе. Вонифатий подошел к Серафиму и сказал:

- Брат, твоя радость - моя наука. Благослови!

Серафим улыбнулся, а братия ахнула: лицо Вонифатия сияло, как утреннее солнце. Силуан подмигнул: «Зависть - дыра, благодарность - звезда. Носи сапог, но держи сердце легким!».

С тех пор Вонифатий не завидовал, а помогал Серафиму и братии. Фюирк насвистывал и выщелкивал песенки, а Силуан таскал свой сапог, но теперь в нем звенели не камни, а смех. А в лесу, говорят, до сих пор спрятан сундучок с волшебными камнями, и тот, кто оставит зависть, найдет свой Венец Радости.

Так и ты, маленький друг, помни: если сердце тоскует, поблагодари за чужое счастье - и твое засияет, как звезда в дырявом сапоге!

Сказка о звезде в кармане и волшебном лесе

В старом монастыре, где высокие сосны качали ветками, словно баюкали колыбель, а колокольный звон пел, как серебряные колокольчики, жил маленький мальчик по имени Савва. Ему было семь лет, и он был послушником - помогал монахам поливать цветы и кормить кур. Савва любил смотреть на звёзды ночью и мечтал о больших приключениях. Но иногда его сердечко грустило, потому что казалось тёмным, как старый чулан без лампы. В монастыре жил добрый дедушка Серафим, чудной старец с бородой, мягкой, как пуховая подушка, и дырявым карманом в старом подряснике. Серафим всегда ходил, держа руку в кармане, и шептал: «Я несу звезду, тёплую, как свежий хлебушек из печки!».

Однажды ночью, когда луна светила круглым личиком, как большой блин, Савва не мог уснуть. Он вышел во двор, где росли яблони с румяными яблоками, и увидел Серафима, который шагал по тропинке, напевая тихую песенку.

- Дедушка Серафим, покажи свою звезду! - попросил Савва, потирая глазки. Старец улыбнулся, как солнышко сквозь облака, и вытащил руку из кармана. Там было пусто - только дыра, сквозь которую виднелась мягкая травка! - Где звезда?» - удивился Савва.

Серафим подмигнул:

- Гляди, дружок, звезда там, где ты не смотришь! А чтобы найти её по-настоящему, пойдём в волшебный лес. Там ждёт настоящее приключение, как в сказках.

Савва обрадовался, схватил дедушку за руку, и они пошли в лес за монастырём. Лес был сказочным: деревья шелестели листьями, как рассказывали истории, а светлячки танцевали, словно маленькие фонарики. Вдруг из кустов выскочил шустрый конёк-горбунок по имени Горбунчик. Он был маленький, с золотистой шёрсткой и умными глазками.

-Я ваш помощник! - заржал Горбунчик весело. - В этом лесу всё чудное: деревья дружат с небом, а небо - с ребячьими сердечками. Прыгайте на меня, и поскачем вперёд.

Савва и Серафим забрались на Горбунчика, и он поскакал по мягкой тропинке, усыпанной золотыми листьями.

По пути Горбунчик рассказал:

- В этом лесу есть тайна - каждый мальчик и каждая звезда - лучшие друзья. Нет стены между ними! Это как в добрых сказках, где всё живое и теплое.

Савва слушал, прижимаясь к мягкой гриве, и сердечко его забилось радостнее. Вскоре они прискакали к большой пещере, вход в которую охранял Старый Дуб с добрыми глазами вместо сучьев.

- Чтобы пройти, ответьте на загадку! - прогудел Дуб ласково. - Что внутри тебя, но и на небе светит?

Савва подумал и сказал:

«Звезда!

Дуб зашелестел листьями, как засмеялся:

- Верно, дружок! Но чтобы увидеть её, нужно просто поверить и шагнуть вперёд.

Савва шагнул в пещеру, и вдруг всё вокруг закружилось, как в весёлой карусели! Мир стал таким странным и волшебным. Савва почувствовал, как его тело становится лёгким, а внутри зажигаются тёплые огоньки. Он увидел: его сердечко - как кусочек неба, полное мерцающих звёздочек, а настоящее небо - как его большая душа, огромная и добрая.

- Я дружу с небом! - закричал Савва. - А небо дружит со мной!

Горбунчик заржал:

- Да! В этом волшебстве ты и небо - одно целое, как в сказке про добрых друзей.

Но приключение продолжалось. В пещере их ждал Тёмный Комочек - большой пушистый шар с глазками, как угольки.

- Я - Тьма! - пропищал он. - Ты ищешь свет? Ха, в твоём кармане пусто, как у дедушки.

Савва немножко испугался, но вспомнил слова Серафима. Он сунул руку в свой карманчик и вытащил… ничего! Но вдруг из пустоты выскочила искорка.

- Свет внутри тебя! - сказал Серафим. - Просто поверь в него.

Савва улыбнулся, и Комочек начал таять, как снежинка на ладошке.

- Тьма - это всего лишь сон, а свет - настоящий друг! - сказал Горбунчик.

Они поскакали глубже в пещеру, где стены блестели, как звёздное небо. Там стоял Волшебный Гляделкин, сделанный из чистого хрусталя.

- Посмотри в него! - сказал Серафим. - Увидишь тайну.

Савва прильнул глазком и ахнул: он увидел весь большой мир внутри себя! Звёздочки плясали в его сердечке, планеты кружили в животике, а целые миры сияли в мыслях.

- Каждый мальчик - как маленький мир, полный добра! - прошептал Горбунчик.

Вдруг Гляделкин задрожал, и из него вылетел Золотой Ключик.

- Это ключ к твоей звезде! - сказал Дуб, который появился рядом. - Но чтобы забрать его, пройди испытание.

Перед ними появилась река из молока и мёда, а на другом берегу - Сияющий Венец.

- Перейти реку можно только с добрым сердцем! - объяснил Серафим. - Представь, что река - твой друг, а ты - её.

Савва закрыл глазки и подумал: «Я дружу с рекой, река дружит со мной!». И вдруг он поплыл по воздуху, как по воде, в весёлом танце.

Горбунчик скакал рядом:

- Видишь? Ты и река - друзья навек!.

На другом берегу Савва схватил Венец, и он превратился в тёплый свет, который заполнил его карманчик.

- Теперь звезда у тебя внутри! - сказал Серафим. - Не ищи снаружи, ищи в сердечке».

Но Тёмный Комочек вырос снова, большой, как холм.

- Ты не достоин! - пискнул он. - Твоё сердечко тёмное!

Савва вспомнил чудо:

- Нет! Я дружу с небом, полным звёзд!

Он улыбнулся от всего сердца, и свет из него осветил Комочек. Тьма растаяла, оставив после себя цветочек с лепестками, как звёздочки.

Они вернулись в монастырь на рассвете, когда солнышко золотило яблони. Савва сиял, как утренний лучик. Монахи ахнули: «Что случилось?».

Савва улыбнулся:

Я нашёл звезду внутри себя! Благодаря волшебству леса - я и небо друзья, всё связано, как в доброй сказке.

Серафим подмигнул:

- Пустой карман - лучший, потому что в нём помещается весь свет.

С тех пор Савва не грустил. Он помогал в монастыре, пел песенки с Горбунчиком и смотрел на звёзды, зная: они внутри него, как тёплые друзья. А в лесу, говорят, до сих пор светится пещера, и тот, кто поверит в своё сердечко, найдёт свою звезду.

Так и ты, маленький дружок, запомни: свет не далеко, он в твоём сердечке. Поверь в него, и увидишь - ты и небо лучшие друзья! Не бойся пустоты, в ней прячется добрый свет.

Незванные гости

В далёком монастыре, где колокола пели песни ветру, а яблони роняли золотые листья, жил мальчик, видящий сердцем, Фомушка. Он был не такой, как все: босые ножки шлёпали по траве и камням, в руках - сухая корочка хлеба, твёрдая, как камушек, а на плече сидел ворон Каркуша, который каркал, будто знал все тайны мира. В сердце у Фомушки жили смех и слёзы, как радуга после дождика. А монастырь пах мёдом, ладаном и молитвой.

Но иногда во двор приходили незванные гости - Страсти. Они были не тени, не чудища, а живые, как люди, каждый со своим лицом, голосом и повадками. Фомушка их не боялся. Он встречал их, шлёп-шлёп, и говорил с ними просто, как рыбак дедушка Пётр, что ловит рыбу прямо в сеть, и хитро, как дядюшка Хармс, - обрывисто и с притчей: хлоп - и готово!

Первым ворвался Гнев. Это был здоровенный мужик с лицом красным, как спелый помидор. Глаза его сверкали, как угли в печи, волосы торчали, будто солома, а кулаки сжимались, как молоты. Он топал сапогами, отчего пыль поднималась тучей, и орал: «Я всё разломаю! Всех прогоню!». Изо рта его шёл пар, как от быка на морозе.

Фомушка остановился, посмотрел на него, прищурился и ткнул корочкой хлеба прямо в его широкий нос. «Эй, пыхтун гневливый! Ты как бочка пустая: стучишь, орёшь, а внутри - пустота!». Гнев зарычал, кулаки затряслись, но Фомушка рассмеялся, как колокольчик: «Не шуми, браток! Поставь засов на свой гнев: вдохни, помолись, подумай о добром. Станешь не быком разъярённым, а псом верным, что дом стережёт. Хлоп - и готово!». Гнев нахмурился, почесал красную щёку, буркнул: «Ладно, подумаю..» - и ушёл, ступая тише. Каркуша каркнул: «Кар-кар! Молодец!».

Тут прихрамало Сребролюбие - старичок тощий, с реденькой мышинной бородкой и глазами, как две медные монетки. Он тащил сундук, весь в золотых узорах, и звенел монетами: «Моё! Всё моё! Никому не дам!». Пальцы его дрожали, сжимая сундук, а спина горбилась, под этим грузом.

Фомушка нагнулся к нему, как к ребёнку, и сказал: «Эй, золотушный дед, в гробу карманов нет! Что толку от твоего сундука, если сердце пустое?». Он отломил крошку от корки и бросил Каркуше. «Вот мой сундук - крошка для друга. Поделись с голодным, дай милостыню, и твой сундук станет волшебным: чем больше даёшь, тем больше в нём!». Сребролюбие моргнул монетками, открыл сундук - а там вместо золота запорхали бабочки. Старичок засмеялся, впервые за сто лет, и пошёл прочь, лёгкий, как пёрышко.

Чревоугодие ввалилось, пыхтя, как паровоз. Это был толстяк с животом, как бочка, и щеками, что тряслись, как желе. В руках он держал пирог, огромный, с кремом и ягодами, и чавкал: «Ешь, пей, всё вкусное, ещё хочу!». Глаза его блестели от жадности, а пальцы были липкие от сахара.

Фомушка перекрестился - раз! - и сказал: «Животик твой - слуга хороший, но царь плохой. Накорми его крошкой - и хватит. Поблагодари за еду, помолись, и станешь лёгким, как птичка». Он отломил кусочек корки, съел и улыбнулся: «Ммм, сладко! Лучше твоего пирога». Чревоугодие почесал живот, пирог скукожился до яблочка, и толстяк ушёл, напевая: «Может, и правда, поменьше..». Каркуша клюнул яблочко и каркнул: «Вкусно!».

Гордость явилась, как королева. Высокая, в мантии из бархата, с золотой короной на голове. Она шагала важно, нос задрав, и говорила: «Я лучше всех! Все должны мне кланяться!». Глаза её смотрели сверху вниз, как с высокой башни.

Фомушка подпрыгнул - прыг! - и щёлкнул пальцами: «Пузырь мыльный, переливаешься красиво, а тронуть - хлоп, и лопнешь!». Гордость надула губы, но он засмеялся: «Кто выше всех, тот ближе к падению, как с яблони свалиться. А кто скромнее, тот ближе к чуду, к доброму Богу». Гордость фыркнула, но мантия её съёжилась, корона упала, и она ушла, краснея, как простая девчонка. Фомушка подмигнул: «Хлоп - и готово!».

Тщеславие закружилось, как молодой парень на ярмарке. В ярком кафтане, с пёрышками в шапке, он приплясывал: «Смотрите, какой я! Хвалите меня!». Глаза его бегали, ловя каждый взгляд, а улыбка сверкала, как фальшивая монета.

Фомушка сплюнул - пфф! - и сказал: «Хочешь аплодисментов? Вот тебе: хлоп-хлоп!». И захлопал в ладоши в пустоту. «Твои хлопки - как солома, сгорит. Делай добро тайно, чтоб небо видело, а люди нет. Тогда и крылья у тебя вырастут настоящие, не из цирковых перьев». Тщеславие остановилось, пёрышки осыпались, и парень убежал, пряча лицо.

Зависть вылезла из-за угла - девчонка тощая, с зелёными косичками и злым взглядом. Она грызла сухарик и шипела: «У всех всё лучше! У меня ничего!». Она косилась на цветы в саду, на чужую краюшку хлеба.

Фомушка сел рядом и сказал мягко: «Эй, зелёная косичка, радуйся чужому счастью - и оно станет твоим, как подарок. В большом доме добра всем хватит!». И шепнул: «Много комнат, много солнышка». Зависть бросила сухарик, улыбнулась, косички пожелтели, как подсолнухи, и она убежала, напевая.

Лень разлеглась в тёплой луже. Это был парень лохматый, в рубахе мятой, с сонными глазами. Он зевал: «Потом сделаю... Завтра..». Рядом квакала жаба, поддакивая.

Фомушка ткнул его ногой - тык! - и сказал: «Вставай, соня! Хоть один шажок сделай, хоть цветок понюхай - и силы придут, как волшебство». Лень пробурчала: «Завтра..». А он засмеялся: «Завтра - сказка, а нынче - дело! Хлоп - и вперёд!». Лень потянулся, встал и пошёл в сад, напевая.

Уныние сидело на камне - старушка в сером платке, с пустыми глазами. Она шептала: «Всё плохо, ничего не выйдет..». Лицо её было, как тучка перед дождём.

Фомушка сел рядом, захрустел корочкой: «Всё хорошо! Солнышко светит, Каркуша каркает, цветы пахнут. Слава Богу за всё!». И запел песенку, криво, но звонко. Уныние вздохнуло, платок посветлел, и старушка ушла, а на камне вырос цветок.

Последним встал Страх - великан с чёрной бородой, глазами, как ночь, и голосом, как гром: «Бойся! Всё пропало!». Его тень закрыла солнце.

Фомушка перекрестился - раз! - и сказал: «Ты тень, а у меня свет внутри. Ничего не случится

без доброй воли». Страх съёжился, стал мухой, и Каркуша её - хап! - съел.

Фомушка поднял руки к небу: «Все Страсти я встретил! Они лают, шипят, но силы в них нет. Сила в доброте, в смехе, в молитве!». И пошёл, шлёп-шлёп. Каркуша каркал, солнце светило, душа пела.

Дети, если Страсти придут, встречайте их, с памятью о Боге, как Фомушка, с улыбкой и добрым сердцем. И они уйдут...

Соловей святой Софии

Давным-давно, в той стране, где золотые купола храмов сияют под солнцем, как драгоценные жемчужины, а ночные звёзды шепчут древние тайны, стоял прекрасный храм святой Софии. Этот храм был не простым: его стены, словно мудрые старики, хранили секреты веков, а внутри горели лампадки, отбрасывающие тёплый свет на иконы, где ангелы улыбались, как добрые друзья. В саду у храма, среди душистых цветов и старых дубов, чьи ветви качались, словно в танце, жил маленький соловей по имени Роман. Он был крошечный, не больше грецкого орешка, с серыми пёрышками, мягкими, как пух, и глазками, блестящими, как утренняя роса. Роман любил петь, но его голосок был таким тоненьким, таким тихим, что даже листья не шелестели в ответ. «Ах, почему мой голос слаб? - грустил Роман, прячась в ветвях. - Храм святой Софии такой большой, такой мудрый, а я не могу спеть о его красоте, чтобы все услышали и возрадовались».

Каждый вечер Роман смотрел на золотые купола, что искрились в лучах заходящего солнца, и на иконы, где изображена была сама святая София - Премудрость Божия, с глазами, полными добра и света. «Если бы я мог петь о мудрости Божьей, о вере, любви и милосердии, - мечтал он, - я был бы самым счастливым соловьём на свете!». И вот однажды ночью, когда луна серебрила сад, а ветер шептал молитвы, словно сказочник из далёких стран, Роман задремал на ветке. И приснился ему чудный сон.

В этом сне перед ним явилась сама София Премудрость. Она была не просто образом на иконе - нет, она ожила, как в волшебной сказке! София стояла в белом платье, сияющем, как утренний свет, с венцом из звёзд на голове и глазами, что лучились теплом, словно лампадки в храме. В руках она держала золотую книгу, полную тайн, а вокруг неё порхали золотые бабочки, шепча слова мудрости. «Маленький Роман, - сказала она голосом, мягким, как шелк, - твое сердце чисто, как родниковая вода, и ты любишь мой храм. Я - София Премудрость, хранительница Божьей мудрости, и я дам тебе волшебный голос, чтобы ты пел о вере, любви и милосердии. Но голос этот нужно собрать, как жемчужины в ожерелье царицы.

- Ищи три мелодии: мелодию веры, мелодию любви и мелодию милосердия. Они спрятаны в мире, полном чудес и испытаний. Будь послушен сердцу, молись Богу, и добрые друзья помогут тебе. А я буду рядом, как невидимая звезда, освещая путь».

Роман проснулся, и сердце его запело от радости, словно птица в райском саду. «Я найду эти мелодии! - решил он. - И спою песню, что разнесётся по всей стране, как ветер». Солнце только-только позолотило купола, а Роман уже полетел над садом, кружа, как в вихре приключений. И вдруг он услышал звонкий смех, словно серебряные колокольчики. Это была принцесса Лилия, девочка лет семи, с косичками цвета золотой пшеницы и глазами, добрыми, как утренний свет. Она сидела на зелёном лугу, плела венок из ромашек и напевала тихую песенку. Рядом с ней пасся её верный друг - белоснежный единорог по имени Светозар, с гривой, искрящейся, как радуга после дождя, и рогом, что сиял, словно звезда в ночном небе.

Но у Лилии был свой секрет, как в тех сказках, где принцессы прячут свои мечты. Она жила в большом замке за холмами, где её отец-король и мать-королева ожидали, что она будет важной и строгой, как они сами.

«Принцессы не бегают по лугам босиком! Принцессы не дружат с птицами и зверями!» - говорили они.

Но Лилия любила бегать по траве, разговаривать с цветами и помогать всем, кто грустил. Когда она была совсем крошкой, она заблудилась в тёмном лесу, полном теней и шорохов. Она плакала, пока не появился Светозар, тогда ещё маленький жеребёнок с сияющим рогом. Он вывел её к храму святой Софии, где лампадки горели, как надежда в темноте. С тех пор Лилия приходила к храму каждый день, молилась у икон и училась быть доброй. Но в глубине души она боялась: «А вдруг моя доброта - это слабость? Вдруг я никогда не стану настоящей принцессой, как в сказках?».

А Светозар? О, у него была своя тайна, словно заколдованный клад. Он родился в звёздном лесу, где деревья шептали с небом, а ручьи пели колыбельные, как в восточных легендах. Его рог с рождения светился, потому что единороги той страны рождались, чтобы нести свет в тёмные уголки мира. Но Светозар был самым младшим в своём стаде, и старшие единороги дразнили его: «Твой свет слишком слабый, Светозар! Ты никогда не станешь настоящим хранителем света, как в древних преданиях!». Эти слова ранили его, словно шипы розы в сказке. Он часто убегал к храму святой Софии, где молился у стен, и его рог сиял ярче, словно впитывая мудрость Божью. Там он и нашёл Лилию, и с тех пор они были неразлучны.

Но Светозар всё ещё сомневался: «Достаточно ли ярко светит мой рог? Что, если я подведу друзей в час нужды?».

- Здравствуй, маленький соловей! - сказала Лилия, заметив Романа. - Ты кажешься таким взволнованным, словно услышал зов приключения из далёких стран.

Роман сел на ромашку и рассказал о своём сне, о Софии Премудрости и о трёх мелодиях. Лилия хлопнула в ладоши, глаза её засияли, как звёзды:

- О, это настоящее чудо, как в сказках! Мы с Светозаром поможем тебе, правда, Светозар?

Единорог фыркнул одобрительно, и его рог мигнул мягким светом. Лилия подумала: «Если я помогу Роману, может, я пойму, как быть настоящей принцессой - доброй и смелой». А Светозар решил: «Если мой свет поможет, я докажу, что я настоящий хранитель». Так трое друзей - соловей, принцесса и единорог - отправились в путь, полный волшебства и уроков, как в притчах о добродетелях.

Сначала они пошли к реке, что текла за храмом, сверкая, как серебряная нить в ковре, сотканым небесным ткачем. Старики в деревне шептали, что там, на берегу, живёт старая черепаха Матушка, чей панцирь покрыт узорами, словно древние письмена мудрецов. «Если кто и знает, где спрятана мелодия веры, то только она», - подумал Роман. Они нашли Матушку, греющуюся на тёплом камне. Её глаза были мудрыми, как у Софии Премудрости.

- Мелодия веры живёт в тех, кто доверяет Богу и не боится шагнуть вперёд, - сказала она голосом, медленным, как река. - Роман, перелети через бурную реку. На том берегу, в старом дубе, спрятана первая мелодия.

Роман посмотрел на реку: волны ревели, как дикие львы в дикой пустыне, ветер хлестал по крыльям. «Я слишком маленький! Что, если я упаду?» - испугался он. Лилия замерла,

вспомнив слова родителей: «Ты слишком слабая для приключений». Светозар поник гривой, подумав о насмешках: «Твой свет не осветит бурю». Но вдруг над ними мелькнула тень золотой бабочки - это была София Премудрость, невидимая, но близкая. Она шепнула ветру слова утешения.

- Друзья, давайте помолимся вместе, - сказала Лилия. - Бог поможет тем, кто верит, как в притчах о святых странниках.

Они закрыли глаза и тихо помолились: «Господи, дай нам смелости, как дал мудрость Софии». Светозар почувствовал тепло в роге - он засветился ярче, чем когда-либо, и луч упал на реку, указывая путь, словно звезда волхвов. Роман взлетел, следуя свету, ветер трепал его пёрышки, волны шумели, но вера несла его, как в сказке. Он достиг дуба и нашёл в дупле серебряный колокольчик, что звенел нежно, как молитва в храме. Это была мелодия веры! Роман подхватил её в клювик, и его голос стал звонче, словно эхо в золотых куполах.

Лилия засмеялась:

- Вера - это доверие, что всё будет хорошо, если идти с Богом.

Светозар подумал: «Мой свет помог! Он сияет, когда я верю».

А София Премудрость улыбнулась в небе, как добрая сказочница.

Друзья продолжили путь и пришли в деревню, где дома стояли, как в восточных сказках, с резными окошками и цветами на крышах. Там жила старушка Марфа, добрая, как бабушка в притчах. Но в тот день она плакала у порога: её козочка Белянка застряла в терновом кусте на краю леса, полном страхов и шорохов.

- Помогите, добрые души... - взмолилась она.

Друзья поспешили к кусту. Он был колючим, как драконий хвост в старинных легендах, а Белянка блеяла жалобно, словно зовя на помощь. Светозар попробовал раздвинуть ветки рогом, но они сжимались плотнее. Лилия вспомнила укоры родителей: «Принцессы не пачкают руки». Роман пискнул: «Что делать?». Но снова появилась золотая бабочка Софии, и её крылья шепнули: «Любовь - это забота больше, чем о себе».

- Давайте споём Белянке песню любви, - сказала Лилия. - И согреем её сердцем, как учит София Премудрость.

Роман запел свою новую песенку с мелодией веры, Лилия подхватила голосом, чистым, как родник, Светозар топнул копытом в ритм, и его рог засветился тёплым светом, словно обнимая козочку. Их голоса и свет сплелись, как узоры в волшебном ковре, и куст, почувствовав тепло любви, раскрылся, словно цветок под солнцем. Белянка выскочила, лизнула Лилию в щёку, а в траве Роман нашёл крохотную свирель, издающую ласковый, тёплый звук. Это была мелодия любви!

Лилия обняла Белянку:

- Любовь - это сила, что делает мир лучше, как в притчах о добрых сердцах.

Светозар почувствовал: «Мой свет согревает, когда я люблю».

София Премудрость кивнула из облаков, её книга засветилась.

Последнее испытание ждало в горах, где скалы возвышались, как великаны, а ветер пел загадочные песни. Там, в тёмной пещере, жил старый ворон Карр, ворчливый, как забытый колдун в сказках. Никто не дружил с ним, потому что он каркал: «Уходите, мне никто не нужен!». Но друзья решили: «Милосердие - это помочь даже тому, кто кажется злым».

В пещере было темно, как в заколдованном подземелье. Карр встретил их ворчанием, но Роман заметил: его крыло ранено, как у раненого воина в притчах. Лилия вспомнила свои страхи, Светозар - насмешки, но золотая бабочка Софии мигнула: «Милосердие - это видеть добро в каждом».

- Карр, позволь нам помочь, - сказала Лилия мягко. Светозар помолился, и его рог осветил пещеру, как лампадка в храме. Лилия промыла рану чистой водой из ручья, Роман спел песню веры и любви, а Светозар принёс мягкий мох для подстилки. Карр сначала каркал сердито, но потом глаза его смягчились.

- Спасибо вам, добрые души, - каркнул он. - Я думал, что одинок навсегда.

И в тот миг из глубины пещеры выкатился маленький барабанчик, стучащий, как сердце, полное тепла. Это была мелодия милосердия! Роман подхватил её, и его голос засиял, как утренний свет.

Лилия прошептала:

- Милосердие - это умение понять и помогать.

Светозар понял: «Мой свет сияет для всех».

София Премудрость появилась в сиянии: «Вы собрали мелодии, друзья. Теперь мудрость Божья в ваших сердцах».

Друзья вернулись к храму святой Софии. Роман взлетел на высокую ветку и запел. Его голос, полный веры, любви и милосердия, лился, как река, сиял, как звёзды, согревал, как солнце. Люди из деревни, король с королевой, даже звери и птицы собрались, слушая песню, что рассказывала о мудрости Бога, о доброте, как в притчах. Лилия поняла: «Быть принцессой - значит нести добро». Светозар осознал: «Я хранитель света Божьего». А София Премудрость стояла среди них, улыбаясь: «Вы нашли мудрость в сердцах».

С тех пор Роман пел каждое утро в храме, его песня звучала на службах, соединяя всех в молитве. Лилия правила с добротой в замке, Светозар освещал пути, а София Премудрость шептала новые сказки. И если ты, малыш, услышишь соловья или увидишь сияющий рог, прислушайся: это они рассказывают о вере, любви и милосердии, чтобы твое сердце наполнилось чудом, теплом и добром.

Сказка о Ванюшке и золотом воине

В тридевятом царстве, в тридесятом государстве, у речки синей, где ивы качали ветками, словно бабушки в платочках, стояла деревушка. В той деревушке, подле церкви маленькой, с крышей, поросшей мхом, будто зелёным одеялом, жил мальчик Ванюшка, лет семи, глазастый, как котёнок, и смышлёный, как воробей. С ним жил дедушка, сторож церковный, седой, как лунный свет, и добрый, как тёплый блин с мёдом. Церковка была старая, кресты её на солнце сверкали, словно звёздочки, а голуби ворковали на карнизах, будто сказки старые напевали.

Любил Ванюшка в церкви бывать. Знал он там каждый уголок: каждую ступеньку, скрипущую, как бабушкин сундук, каждое оконце, где солнышко играло, как в калейдоскопе. А больше всего нравились ему иконы в золочёных окладах - лики строгие, очи мудрые, свет от них шёл тёплый, как от печки в зимний вечер. Но в тёмном углу, у голландки-печурки, висела одна икона, забытая всеми. Доска её почернела, как уголь, и никто не помнил, кто на ней изображён. Народ мимо проходил, не кланялся, свечек не ставил, думал: «Старая доска, света в ней нет, осыпалась вся».

Жалко стало Ванюшке эту икону. Подойдёт, рукавом пыль смахнёт, как с котёнка грязь, и шепнёт: «Здравствуй, тёмный мой! Грустно тебе одному, небось?». И будто тёплый ветерок касался его щёк. Однажды вечером, когда дедушка задержался в деревне, а солнышко спряталось, как за занавеску, Ванюшка остался в церкви один. Сумерки легли на пол, тени заплясали, как в сказках про жар-птицу. Подошёл мальчик к тёмной иконе, прижался лбом к доске, пахнущей старым деревом, и вдруг услышал шёпоток, тонкий, как листочек сухой: «Спасибо, дитятко, что не побрезговал. Хочешь, расскажу сказку про чудеса?».

Ванюшка глазёнки разинул: «Расскажи, добрый голос!». И полилась история, словно ручеёк звонкий.

Первая сказка о корабле

«Плыл я, - говорит голос, - на корабле большом, где купцы везли ткани шёлковые да пряности сладкие. Вдруг туча чёрная, как ворона, закрыла небо, ветер завыл, как волк, волны поднялись, как горы. Корабль трещал, будто щепка! Купцы заплакали: «Спаси нас, добрый воин!». Я светом озарился, как свечка в ночи, и указал путь меж скал острых к бухте тихой, где волны спали, как котята. Купцы, спасённые, колокол отлили, звонкий, как песня».

Ванюшка слушал, будто сам на корабле качался, и сердце его забилось, как барабан на ярмарке. С тех пор каждый вечер бегал он к иконе, словно к другу. Узнала про это сестрёнка его, Катюшка, смешлива, как белочка. «Выдумки твои, Ваня!» - дразнила она. Но он уговорил её подойти. Катюшка приложилась к доске, притихла и вдруг просияла, как ромашка под солнцем: «Слышу колокола, будто на Пасху звонят!».

Стали детишки деревенские к тёмному углу собираться, как цыплята к наседке. Сидят на полу, а голос из иконы рассказывает сказки, добрые, как в рассказах про лето Господне. Каждому чудилось что-то своё: одному - звон колоколов, другому - шёпот ветра. А икона, будто умытая детской радостью, начала светлеть, как утреннее небо.

Вторая сказка о путнике

«Шёл я, - говорит голос, - с путником по дороге пыльной, где ромашки кланялись, как барышни. Встретили нас разбойники, бороды косматые, сабли острые. «Отдавай золото!» - кричат. А у путника - только хлеб да соль в котомке. Рассердились разбойники, мечи подняли. Я же им в сердце шепнул: «Зачем зло творите? Хлебом поделитесь!». Устыдились лихие, опустили сабли, а старший сказал: «Ведёт тебя невидимый друг!». И ушли они, как братья, с путником обнявшись».

Дети слушали, затаив дыхание, словно в сказке про царя Салтана. Икона светлела, будто солнышко из-за тучки выглядывало. Но недолго длилось их счастье. Прослышала о тёмной иконе богатая купчиха, в сарафане шёлковом, как павлин. Примчалась в церковь, увидела ребятишек на полу и всплеснула руками: «Это что за безобразие? Детишки перед чёрной доской сидят! Снять её немедля!».

Работники с лестницей пришли, дети заплакали. Но Ванюшка смело встал перед иконой, ручки раскинул, как крылья: «Не дам друга обидеть!». Купчиха топнула ногой, а Ванюшка прижался к доске и взмолился: «Помоги, добрый воин!». И тут - чудо! Из иконы полился свет золотой, ярче всех свечей, как в сказке про жар-птицу. Проступил лик святого - юный воин в доспехах, сияющих, как река на солнце, с мечом в руке и глазами добрыми, как у деда. По церкви разлился звон колоколов, будто невидимый хор запел.

Купчиха на колени упала, работники шапки сняли, а дети засмеялись, как ручейки. Все поняли: чуть не погубили святыню по глупости своей.

Третья сказка о сироте

Когда народ разошёлся, голос рассказал последнюю сказку: «Жил мальчик-сирота, без дома и хлеба. Зимой упал он в сугроб, продрог, как воробышек. Увидел я его из оконца храмового, протянул луч света, тёплый, как мамин платок. Отогрелся сирота, а наутро добрый человек нашёл его и в дом свой взял. Помните, детки: чудеса случаются, если сердцем верить».

С той поры икона стала главной святыней. Ванюшка с ребятами приходили слушать её сказки, добрые, как в рассказах про русские чудеса. Они знали: богатство - не в золоте, а в сердечке, что слышит тихий голос правды. Икона сияла, а дети росли, добрые дела творили, как в сказках про царевен и богатырей.

Мораль сказки: Слушай сердцем, дружок, и не проходи мимо того, что кажется простым. Даже тёмная доска может светить ярче звёзд, если верить и любить. Как в старых сказках, добро и вера творят чудеса, а сердце открытое - дороже любого клада.

Сказка о Мальчике и Золотой Пчелке

В тридевятом царстве, в тридесятом государстве, у речки синей, где ивы кланялись воде, словно барышни в цветастых платочках, стояла деревушка. В той деревушке, в избе с резными ставнями, жил мальчик, лет семи, шустрый, как воробей, но с сердечком, полным жалости к себе. Мальчик помогал деду по хозяйству: то воды из колодца натаскает, то дровишек наколет, то грядки в огороде прополет. Но всякий раз, взявшись за дело, начинал ныть, будто котёнок под дождиком: «Ой, вёдра тяжёлые, ручки болят! Ой, топор кусается, жалко мне себя, бедненького!».

Дед, седой, как зимний снег, и добрый, как тёплый хлеб, качал головой:

- Малыш, не в вёдрах тяжесть, а в твоём сердечке. Поймёшь, когда время придёт.

Мальчик кивал, но искал, где полегче, словно герои в сказках, где правда приходит через уроки. А деревушка та была непростая: за околицей начинался лес заколдованный, полный чудес, как в старых рассказах. Там и старушка в ступе летала, и птица огненная перья роняла, и коньки волшебные скакали.

Одним ясным утром, когда солнышко сияло, как золотой самовар, мальчик пошёл в лес за хворостом. Дед наказал:

- Собери вязанку, не ленись, как работник в старой сказке!

Мальчик пошёл, но скоро заныл: «Ой, хворост колючий, спинка ноет, жалко мне себя!». Сел он под сосной, понурился, как тучка. Вдруг из травы вылетела Золотая Пчёлка, маленькая, как

искорка, с крылышками, блестящими, как стёклышки в бабушкиной шкатулке.

- Что тоскуешь, дружок? - прожужжала она весело. - Я - Пчёлка Золотая, помощница волшебная! Садись на меня, полетим в приключение, но помни: сокровище найдёт тот, кто дело делает с радостью, а не с жалостью.

Мальчик, хоть и удивился, что пчёлка говорит, ухватился за её крылышки, и они полетели над лесом, где сосны пели, как хор на празднике, а ветер подхватывал их, словно в тёплых рассказах про лето. Пчёлка опустилась на поляну, где стояла избушка на курьих ножках. Избушка повернулась, скрипнула, и вышла старушка, добрая, как бабушка с блинами, в платочке с ромашками.

- Эй, малыш! - сказала она. - Хочешь к сокровищу? Натаскай воды из ручья в мой котёл, да с песней, не с нытьём! Тогда дам тебе ключ волшебный.

Мальчик схватил вёдра, но после первого шага заныл: «Ой, вода холодная, ручки мёрзнут, жалко мне себя!». Старушка нахмурилась, как туча:

- Жалеешь себя - ничего не выйдет!

И вёдра ожили, запрыгали, как козлята, и вылили воду обратно в ручей. Мальчик чуть не заплакал, но Пчёлка прожужжала:

- Не ной, дружок! Жалость - как мёд с горчинкой, сладко, но портит дело. Пой песенку, как царь в старой сказке, и попробуй снова!

Мальчик вытер глазки, запел про ручей и солнышко, и вёдра наполнились легко, будто сами. Старушка улыбнулась:

- Молодец! Вот ключ золотой. Иди дальше, но не оправдывайся, это лукавство.

Они полетели через лес, где ветки качались, как тёплые ладошки. На второй поляне сидел леший, добрый, как дедушка-травник, с бородой, зелёной, как мох.

- Малыш! - прогудел он. - Наколи мне дровишек, да с радостью, не с тоской. Получишь топорик серебряный.

Мальчик взялся за топор, но после двух поленьев заохал: «Ой, топор тяжёлый, ладошки болят, жалко мне себя!». Леший топнул:

- Жалеешь - всё пропало!

И дрова заплясали, как в хороводе, и разбежались по лесу, как зайцы.

Мальчик понурился, но Пчёлка прожужжала:

- Не грусти, как царевна в сказке! Делай с улыбкой, и всё получится.

Мальчик улыбнулся, как солнышко, запел про лес и ветер, и дрова легли ровненько, как пирожки на блюде. Леший дал топорик:

- Молодец! Не ищи, где легче, иди к третьей поляне.

Третья поляна была огородом, где морковки росли, как свечки, а тыквы блестели, как фонари.

Там хлопотала тётушка, в сарафане, цветастом, как луг.

- Малыш, прополи грядки, да не ной! - сказала она. - Тогда дам компас рубиновый.

Мальчик начал, но скоро заныл: «Ой, спинка гнётся, жалко мне себя!». Тётушка вздохнула:

- Опять себя жалеешь?.

И сорняки выросли, как великаны, заплели огород, словно косы.

Мальчик чуть не расплакался, но Пчёлка шепнула:

- Послушание - дар! Работай с радостью, не тяготись.

Мальчик вспомнил деда, улыбнулся и запел про морковку и солнышко. Сорняки исчезли, огород зацвёл, и тётушка дала компас:

- Иди к сокровищу, но не оправдывайся, это тень за тобой.

Компас привёл к горе, где в пещере сиял ларец, полный жемчуга, как звёзды в ночи. У входа лежал змей, добрый, как кот в избе, но строгий.

- Сделай три дела: натаскай воды, наколи дров, прополи сад! - сказал он. - Но без жалости.

Мальчик вспомнил уроки, запел песни, и всё сделал с радостью. Змей улыбнулся:

- Бери ларец. Мальчик открыл его, а там - тёплый свет, наполнивший сердечко, как мамин поцелуй.

Они вернулись в деревню, где дед ждал с блинами, румяными, как солнышки. Мальчик рассказал про приключение, и с тех пор работал с песней, не жалея себя. А мораль такая: не жалей себя, дружок, и не оправдывайся. Жалость - как мёд с горчинкой, портит дело. Работай с радостью, как в старых сказках, и твоё сердечко засияет, как звезда в небе!

Сказка о сестрах Вере, Надежде, Любви и матери их Софии

В некотором царстве, в некотором государстве, а может, и вовсе в соседнем с нами лесу, стоял на высоком холме удивительный дом. Был он сложен не из брёвен, а из солнечных лучей, лунного света и тёплого ветра. А в окнах его были вставленны красивые разноцветные витражи. И на башенках изумрудной крыши крутились золотые флюгера с забавными играющими котятами. Жила в том доме вдова с тремя дочками. Звали матушку Софией, а дочек - Вера, Надежда и Любовь.

Были сестры неразлучны, словно три берёзки, выросшие из одного корня, но характерами различались.

Вера, старшая, была крепкой и упрямой, как дубок. Если она во что-то верила, то уже не сомневалась. Скажет: «Солнце взойдёт за тучей», - и будь уверен, так оно и будет. Ходила она в платье из чистого неба, а на груди у неё висел серебряный ключик.

Надежда, средняя, была лёгкой, как пушинка. Даже в самую ненастную погоду она улыбалась и шептала: «Не тужи, вот выглянет солнышко, и всё наладится!». Платье её было соткано из

утренней зари, а в руках она всегда держала волшебный фонарик, что светился изнутри тёплым, ровным светом.

Любовь, младшая, не ходила, а порхала, словно мотылёк. Она всех жалела и любила: и жука, забравшегося в сапог, и сердитую тучку, что поливала огород. От её ласкового слова распускались самые упрямые бутоны. Платье её было алым, как маков цвет, а смех звенел, как ручеёк.

Жили они тихо и счастливо. Но однажды на их благодатный край напал злой и могущественный волшебник по имени Князь Тьмы Самотный. Зависть его съедала, что есть на свете такой светлый дом, где живут радость и лад. Решил он этот свет погасить.

Поднял он страшную бурю. Налетели чёрные тучи, завыл ветер, застучал в ставни колючий град. А когда буря утихла, матери их, Софии, дома не оказалось. Унёс её Князь Тьмы в своё ледяное царство, что стояло на краю света, за семью горами, за семью реками сомнений.

Опустел светлый дом. Погасли в нём окна. Сестры сидели, пригорюнившись, не зная, что и делать.

Тут Вера встала и выпрямилась во весь свой рост.

-Нечего печалиться! - сказала она твёрдо. - Я верю, что мы найдём нашу матушку. Я знаю дорогу! Пойдёмте за мной!

Взяла она сестёр за руки, и вышли они из дома. Но Князь Тьмы был хитер. Он наслал на дорогу густой-прегустой Туман Сомнений. Вера шла вперёд уверенно, но туман был таким плотным, что Надежда и Любовь едва видели её спину. Им стало страшно.

- Я верю, что мы выйдем! - кричала им Вера из тумана. Но голос её звучал всё тише и дальше.

- Сестрёнки, где вы? - звала Надежда, и её фонарик едва пробивал мутную пелену. - Не бойтесь! Я надеюсь, что мы скоро найдём друг друга!

Она зажгла свой фонарик, и его кроткий свет, хоть и не разгонял туман полностью, озарил маленький кружок вокруг них. В этом кружке они увидели испуганную Любовь, которая уже готова была заплакать.

- А где же Вера? - спросила Любовь, дрожа от страха.

- Она ушла далеко вперёд, - вздохнула Надежда. - Она так уверена, что забыла, что мы можем отстать. Но я надеюсь, что она нас ждёт. Держись за меня, Любава.

Шли они долго, освещая путь фонариком Надежды. И вдруг в тумане показался твёрдый контур. Это была Вера! Она стояла на камне и смотрела вперёд, но в глазах её была растерянность.

- Я шла прямо, я не сомневалась! - сказала она удивлённо. - Но вы почему-то отстали.

- Потому что одна вера без надежды быстра, но слепа, - раздался тихий, мудрый голос. Это говорил старый дуб, стоявший на пути. - Надежда освещает путь для других, чтобы не заблудились. Идите теперь вместе.

Сестры обнялись, и в тот же миг Туман Сомнений стал редеть. Они увидели, что стоят на краю

глубокого ущелья, через которое был перекинут шаткий мост, а под ним бурлила река с грозным названием Страх.

Мост был старый, скрипучий, доски подгнили. Завывание ветра в ущелье казалось злобным смехом.

Вера ступила на мост первой.

- Я не боюсь! - сказала она. - Я верю, что мост выдержит!

И она смело пошла по скрипящим доскам. Но посреди моста порыв ветра едва не сбросил её вниз. Вера ухватилась за перила, и в сердце её впервые закрался холодок страха. Она замолчала, не оборачиваясь на сестёр.

Надежда взяла Любовь за руку.

- Я надеюсь, что мы перейдём, - прошептала она, но голос её дрожал. Фонарик в её руках померк. - Просто нужно очень-очень сильно надеяться.

Но Любовь увидела, как старшая сестра замерла от страха, а средняя вот-вот заплачет. Она подо шла к самому краю обрыва и заглянула вниз, в бурлящую пену.

- Бедная речка, - тихо сказала Любовь. - Ты, наверное, очень одинока и поэтому так сердишься и пенишься. Мы не хотим тебе зла. Мы просто идём к нашей матушке.

И она заплакала. Но слёзы её были не горькие, а чистые и тёплые. Они падали в реку, и там, где падала слезинка, вода успокаивалась, а злобный вой стихал. Любовь обняла Веру, дрожавшую на мосту, и поцеловала Надежду в щёку.

- Я люблю вас, сестрицы, - сказала она. - И мы вместе перейдём эту речку.

От её ласковых слов и тёплых слёз мост словно окреп. Доски перестали скрипеть, а ветер стал просто ласковым бризом. Вера, согретая любовью сестры, снова обрела твёрдость, а фонарик Надежды вспыхнул ярче прежнего. Они перешли на другой берег все вместе, держась крепко за руки.

За рекой их ждал странный сад. В нём не было ни солнца, ни луны, только ровный серый свет. Деревья стояли голые, цветы поникли, и тишина стояла гнетущая. Это был Сад Уныния, где всё живое теряло желание двигаться и радоваться.

Едва сестры сделали несколько шагов, как на них накатила тяжелая усталость. Руки и ноги стали будто свинцовыми.

- Зачем идти? - прошептала Надежда, и её фонарик стал угасать. - Мы всё равно не найдём матушку. Это слишком далеко и трудно.

- Может, нам просто посидеть здесь? - безразличным голосом сказала Вера. Её уверенность куда-то испарилась.

Даже Любовь перестала улыбаться. Ей казалось, что её любви никому не нужно.

Они уже готовы были опуститься на серую землю и уснуть вечным сном, как вдруг Любовь увидела маленького птенца, выпавшего из гнезда. Он лежал на холодной земле и слабо пищал.

И тут в сердце Любови что-то ёкнуло. Она забыла про свою усталость, подползла к птенцу, бережно подняла его и согрела дыханием.

- Бедняжка, ты один, - прошептала она.

Она нашла дерево, на котором было гнездо, и, собрав последние силы, водрузила птенца на место. И случилось чудо. Голое дерево, к которому она прикоснулась, вдруг выпустило единственный зелёный листок. Листок был маленький, но яркий-яркий.

Этот зелёный огонёк словно уколол Веру и Надежду.

- Я верю, что мы сможем тоже оживить этот сад! - воскликнула Вера, и её голос снова обрёл силу.

- А я надеюсь, что за этим садом нас ждёт наша матушка! - сказала Надежда, и её фонарик вспыхнул.

Сестры принялись за работу. Вера находила засохшие деревья и говорила им: «Я верю, что в вас есть жизнь!». Надежда своим фонариком освещала тропинки, вселяя свет в каждую травинку. А Любовь ласкала своими руками цветы и разговаривала с животными, что попрятались от тоски.

И сад начал оживать! На деревьях распускались листья, на клумбах поднимались цветы, и запели птицы. Серый свет сменился золотым солнцем. Сад Уныния превратился в Сад Радости. А в самом его центре сестры увидели высокие мраморные ворота, за которыми виднелись ледяные чертоги Князя Тьмы.

Ворота их были заперты на огромный замок. Никакая сила не могла их открыть.

- Дай-ка я попробую, - сказала Вера и достала свой серебряный ключик. - Я верю, что этот ключ подойдёт!

Но сколько она ни пыталась, ключ не подходил к скважине. Упрямая Вера готова была биться о ворота, но они не поддавались.

- Может, есть другая дверь? - робко предложила Надежда. - Я надеюсь, что мы её найдём!

Она стала светить фонариком вдоль стены, но это была сплошная гладкая ледяная глыба. Ни щелочки, ни замочной скважины.

Тогда вперёд вышла Любовь. Она не стала искать замок. Она просто подошла к ледяным воротам и приложила к ним свою ладонь.

- Мы пришли за нашей матушкой, - сказала она тихо, но ясно. - Мы прошли через туман, страх и уныние, потому что любим её. Откройся, дверь. В тебе тоже, наверное, есть маленькая льдинка-сердечко.

И лёд под её ладонью начал таять! От тепла её любви и доброго слова ледяные ворота растаяли, как снежинка на щеке, и открыли путь внутрь чертогов.

Чертоги были огромными и пустыми. Всё было изо льда: и стены, и потолок, и трон, на котором сидел сам Князь Тьмы Самотный. А у его ног в ледяной клетке сидела их матушка, София. Лицо её было печальным, но спокойным.

- А-а, пришли! - прошипел Князь Тьмы. Его голос скрипел, как снег под сапогом. - Ну что ж, попробуйте её освободить! Клетка заколдована. Ваша вера разобьётся об её прутья! Ваша надежда угаснет в моём царстве! А ваша любовь замёрзнет от моего холода!

Вера подбежала к клетке и попыталась растащить ледяные прутья силой своей веры. Но лёд был крепким, как алмаз.

- Я верю, что ты сломаешься! - кричала она. Но прутья не поддавались.

Надежда направила на замок свой фонарик.

- Я надеюсь, что мой свет растопит тебя! - шептала она. Но свет её становился всё слабее в ледяном зале.

Князь Тьмы громко смеялся:

- Видите? Вы бессильны! Оставайтесь здесь и замёрзните вместе с ней!

Тогда к клетке подошла Любовь. Она не кричала и не пыталась ничего сломать. Она просто обняла ледяные прутья, прижалась к ним щекой и заплакала. Она плакала не от отчаяния, а от любви к своей матушке. Её тёплые слёзы текли по льду и капали на замок.

И вдруг лёд затрещал! Слёзы Любви растопили его! Замок оттаял, и дверца клетки распахнулась. Вера и Надежда поняли, в чём их ошибка. Они подбежали к Любви, обняли её, а потом обняли свою матушку. Их сила - вера, надежда и любовь - соединилась воедино.

От этого объятия по всему чертогу разлилось такое тёплое, яркое сияние, что Князь Тьмы с криком закрыл лицо руками. Его ледяные чертоги начали таять, как сахар в горячем чае. Вскоре от них не осталось и следа, а сам он превратился в лёгкое облачко и унесся прочь на ветре.

Матушка София обняла своих дочерей.

- Вы справились, мои родные, - сказала она. - Потому что самое сильное волшебство на свете - это когда Вера, Надежда и Любовь идут вместе. Одна вера может быть суровой, одна надежда - слабой, одна любовь - беззащитной. Но вместе вы непобедимы.

Они вернулись в свой дом на холме. И он засветился ещё ярче прежнего. С тех пор так и живут: Вера указывает верный путь, Надежда освещает его в непогоду, а Любовь согревает всех, кто к ним приходит. А матушка София - Премудрость тихо сидит в уголке и вяжет коврик из солнечных зайчиков, зная, что её девочки теперь всё смогут. Потому что главное в их доме - не стены из света, а та большая любовь, что живёт в их сердцах.

Чудесный плащ святого Николая

В маленьком городке, где дома прятались под пушистыми снежными шапками, жили двое друзей - Наталка и Петя. Им было по шесть лет, и они любили зимние вечера, когда в окнах горели тёплые огоньки, а в церкви на холме звенел колокол, созывая всех на вечернюю молитву. Наталка была весёлой и любопытной, с косичками, похожими на два солнечных луча, а Петя - немного робким, но с добрым сердцем, которое всегда хотело помогать.

В канун праздника святого Николая Чудотворца в деревне готовились к доброму делу: все собирали подарки для бедных детей. Наталка и Петя тоже хотели помочь. Они сложили в

корзинку тёплые варежки, вязаный шарф и горсть конфет, которые бабушка Наталки завернула в яркие обёртки. Но вот беда: утром корзинка исчезла! Кто-то, видно, по ошибке унёс её из сеней.

- Ой, Петя, что же делать? - вздохнула Наталка, чуть не плача. - Это были наши подарки для тех, кому холодно и голодно!

Петя потупился, теребя шапку. Ему было страшно: вдруг они не найдут корзинку, и дети останутся без подарков? Но он вспомнил, как мама учила его молиться в трудную минуту. Он закрыл глаза и тихо сказал:

- Святой Николай, помоги нам, пожалуйста, вернуть подарки. Мы так хотели сделать добро!

Наталка кивнула и добавила:

- И прости, что я вчера съела лишнюю конфету из корзинки…

Вдруг в сенях, где они стояли, что-то зашуршало. Дети обернулись и ахнули: на старом сундуке, где бабушка хранила одеяла, лежал алый плащ, весь усыпанный золотыми звёздами. Он сиял так, будто в нём спряталось солнце. Плащ медленно поднялся в воздух, словно живой, и мягко заговорил голосом тёплым, как каминный огонь:

- Я - плащ святого Николая. Много лет назад он согревал тех, кто мёрз, и вёл к добру тех, кто сбился с пути. Вы хотите вернуть подарки? Тогда следуйте за мной, но будьте щедрыми и храбрыми!

Наталка и Петя переглянулись. Наталка, хоть и смелая, немного смутилась: говорящий плащ - это же настоящее чудо! А Петя, хоть и боялся, почувствовал, что плащ добрый, и кивнул:

- Мы готовы!

Плащ взмахнул полами, будто крыльями, и вылетел из сеней. Дети побежали за ним, хватая варежки и шапки. Снег хрустел под ногами, а звёзды на небе ярко сияли, будто подмигивали им. Плащ привёл их к заснеженному лесу, где на поляне стояла старая часовенка. Её свеча в окне горела ярко, словно ждала гостей.

- Смотрите! - воскликнула Наталка, указывая на свечу. - Она шевелится!

И правда, свеча вдруг мигнула и запела тоненьким голоском:

- Я - свеча из часовни святого Николая. Вижу всё, что теряется, и всё, что находится. Ваша корзинка спрятана в лесу, но путь к ней стережёт Ветер-ворчун. Он любит прятать вещи и ворчать. Хотите найти корзинку - поделитесь теплом своего сердца!

Петя нахмурился:

- Но как? У нас нет ничего, кроме шапок и варежек!

Плащ мягко прошелестел:

- Щедрость - это не только вещи. Это любовь, которую вы дарите. Пойте, молитесь, согрейте Ветер добром!

Наталка задумалась, а потом вспомнила песенку, которую пели в церкви. Она взяла Петю за

руку, и они запели:

- Святой Николай, добрый наш покровитель, помоги нам, защити, будь нам путеводитель!

Их голоса звенели в морозном воздухе, а свеча в часовне сияла всё ярче. Вдруг из леса вылетел Ветер-ворчун - холодный, сизый, с колючими снежинками в бороде. Он закружился вокруг детей, ворча:

- Зачем поёте? Зачем меня беспокоите? Я спрятал вашу корзинку, потому что никто не делится со мной теплом!

Наталка, хоть и замёрзла, улыбнулась:

- Ветер, мы не ссориться пришли. Хочешь, мы подарим тебе песню? Или молитву? Они согреют тебя лучше любого шарфа!

Ветер остановился, удивлённый. Никто раньше не предлагал ему песен. Петя, набравшись храбрости, добавил:

- И мы помолимся за тебя, чтобы тебе было тепло и уютно, как нам у бабушкиного очага.

Они снова запели, а потом тихо помолились: «Господи, согрей Ветер, дай ему радость, как святой Николай дарит её нам». Ветер-ворчун замер, а потом вдруг стал мягким и тёплым, как весенний ветерок. Он засмеялся, и снежинки в его бороде превратились в искры.

- Ладно, ладно! - проворчал он, но уже добродушно. - Ваша корзинка вон там, под старой елью. Идите, берите!

Плащ повёл детей к ели, где в снегу и правда лежала их корзинка. Но это была не единственная находка: рядом стояла ещё одна корзинка, полная хлеба, яблок и тёплых носков. Наталка ахнула:

- Это же для других детей! Кто-то другой тоже потерял подарки!

Плащ кивнул, сияя звёздами:

- Щедрость рождает щедрость. Вы поделились добром с Ветром, и он показал вам больше, чем вы искали. Но что вы сделете теперь?

Петя задумался. Ему очень хотелось забрать свою корзинку и бежать домой, но он вспомнил, как мама говорила: «Делай добро, даже если страшно». Он сказал:

- Давай возьмём обе корзинки и отнесём их в церковь. Там разберут, кому что нужно.

Наталка кивнула:

- И добавим к ним наши конфеты! Пусть всем хватит!

Плащ закружился от радости, и вдруг из его звёзд посыпались золотые искры. Они падали на снег, превращаясь в маленькие колокольчики, которые зазвенели, как церковный звон. Один колокольчик подлетел к детям и сказал:

- Я - колокольчик святого Николая. Зову всех к добру и радости! Вы молодцы, что решили поделиться. Теперь бегите в церковь, там вас ждут!

Дети, смеясь, подхватили корзинки и побежали за плащом. Свеча из часовни летела рядом, освещая путь, а колокольчик звенел, будто пел. В церкви их встретил отец Сергий, добрый священник с седой бородой. Он улыбнулся, увидев корзинки:

- Какие молодцы! Эти подарки согреют многих. А знаете, дети, вы сделали то же, что делал святой Николай - делились любовью и добром.

Наталка и Петя покраснели от радости. Плащ мягко опустился на скамью в церкви, будто отдыхая, и прошептал:

- Вы научились быть щедрыми, как святой Николай. Помните: добро, которое вы дарите, возвращается сторицей.

Когда дети вышли из церкви, снег перестал идти, и небо засияло звёздами. Одна звезда, самая яркая, подмигнула им, будто говоря: «Молодцы!» Наталка и Петя шли домой, держась за руки, и их сердца были полны тепла. Они знали: святой Николай всегда рядом, и его плащ, полный чудес, помогает тем, кто верит в добро.

А в городке ещё долго говорили о том, как две корзинки с подарками нашли свой путь к нуждающимся. И каждый раз, когда звенел церковный колокол, дети вспоминали песенку и улыбались, чувствуя, что чудо живёт в их сердцах.

Сказка о Смирении-девице и чудесах любви

В некотором царстве, в некотором государстве, за дремучими лесами, за быстрыми реками, где земля золотом плодоносит, а небо звёздами усыпано, жили-были старик со старухой. У них была дочка-красавица, и звали её Смирения. Ох, не простая была девица!

Смирения-девица ходила тихонько, как листочек по ветру, не спорила ни с кем, не хвалилась, а всем помогала: и соседям дрова наколет, и птичкам корму подсыплет, и даже ветру в поле кланяется: «Проходи, милый, не шуми зря». Сердце у неё было кроткое, как у ягнёнка, а в глазах - тихая мудрость, словно от Бога дана. «Живи в мире с миром, - говорила она, - и Бог в мире с тобой будет».

Жили они в избе на краю деревни, где река поёт песни, а лес шепчет тайны.

Друзьями у Смирении были не люди только, а всякое-разное: старый скворец в клетке, что песни выводил, потрёпанная метла в углу, что сама подметала пол по ночам, да ручеёк за окошком, что воду чистую нёс.

Зайчик серенький с белочкой рыжей забегали почаще:

- Сестрица, помоги нам орехи собрать!» - и она им:

- Что ж, милые, помогу, только не торопитесь - в мире всё само придёт.

Однажды, в летний день, когда солнце жарко печёт, а ветерок лениво листья колышет, пошла Смирения по воду к реке. Взяла ведёрко да по тропке тихой пошла. А навстречу ей - Змей Горыныч, ой, нехороший гость! Трёхглавый, с чешуёй как железо и пастью, огнём плюющейся.

- Эй, девица! - зарычал он, головы тряся. - Слышал я, ты смирная, всем угождаешь. А ну-ка, отдай мне свою красоту и молодость! Хочу я царевну в жёны взять - да не простую, а такую, чтоб весь мир ей кланялся!

Смирения не закричала, не убежала - встала тихонько, кланяется:

- Милый змей, не гневайся. Красота моя - не моя, от Бога дана. Возьми лучше яблочко из корзинки - оно сладкое, как любовь.

Змей фыркнул:

- Яблочко? Ха! Я царевну хочу - да не одну, а трёх, из далёких царств!

Схватил Смирению и в омут бросил, а сам унёсся вихрем, реку взбудоражив.

Ой, беды-то беды! Вода кругом тёмная, как ночь, а на дне - пещера зловещая, где эхо стонет. Плыла Смирения в омуте, не боится: «Господи, спаси и сохрани, в мире с Тобою я». Вдруг из расщелины в камне свет брызнул - и выходит оттуда старичок в ризе белой, с посохом, увитым лилиями.

- Здравствуй, дочка моя, - говорит он. - Я Ангел Господень, Хранитель твой. Видел Бог сердце твоё чистое и послал меня. Эта пещера - не погибель, а дверь в Волшебное Царство Любви и Мудрости. Там Змей Горыныч царевен похитил - трёх сестриц: Царевну-Златовласку, Царевну-Зорянку и Царевну-Тихоню. Путь к ним долгий, с приключениями многими: через Лес Шепчущий, через Гору Огненную, через Море Бурное и Облачный Замок. Но смирение твоё - ключ ко всему. Идёшь ли, дочка?

Смирения кланяется:

- Иду, батюшка, только не за славой, а за миром. С Богом в сердце - не страшно.

Взял Ангел её за руку - и пещера растаяла, как дым.

Оказались они в Волшебном Царстве: поля золотые, реки молочные, леса изумрудные, а в небе - радуга вечная.

Но путь не простой: впереди приключения ждут, друзья встретятся, враги испытают.

Прежде всего - Лес Шепчущий. Деревья там высокие, кроны как облака, а листья шепчут: «Ты кто такая? Зачем пришла? Уходи, не лезь!»

Вдруг из кустов выходит Волк-Серый, глаза красные, клыки острые.

- Эй, девица! - рычит он. - Змей мне друг, он мне дал задание: не пускать никого. А ну, докажи, что достойна! Сразись со мной в силе - кинь меня через себя!

Смирения не дрогнула:

- Милый волк, сила моя мала, да и не в ней дело. Давай лучше в мире посидим, я тебе песенку спою.

Волк засмеялся:

- Песенка? Ха! Я Змея боюсь - он меня в рабство держит.

Смирения села на пенёк, запела тихо:

«В поле чистом, под небом синим, любовь да мудрость - щит от злых».

Волк заплакал:

- Ох, девица, сердце моё смягчилось! Иди с миром, а я тебе друга дам - старого Клена-Разумного, он тропу покажет.

И правда, Клен заговорил, ветви склоняя:

- Дочка, смирение твоё - как корни мои в земле. Иди по левой тропке, но берегись Шептуньи-Лисицы.

Пошла Смирения - и вот Лисица-Хитрая выскакивает: хвост пушистый, глазки бегают.

- Красавица! - сюсюкает она. - Змей мне шепнул: соблазни её гордыней. Возьми вот это зеркальце волшебное - посмотри, и станешь царицей леса! Все будут кланяться, хвалить твою доброту!

Смирения зеркало взяла, глянула - и видит себя в короне золотой, на троне.

Сердце забилось: «Ой, как бы хорошо…»

Но вспомнила:

- Нет, милушка, красота моя - для служения, не для трона. Возьми зеркало себе - да в нём свою хитрость увидишь.

Лисица завыла:

- Ты меня смирила! Иди, а я ветру скажу, чтоб помог!

Ветерок подул мягко:

- Сестрица, я твой друг теперь. Лети со мной через овраг!

И понёс её, как листок, до края леса.

Там, у ручья, встретила Смирения старую подругу - Метлу-Хозяйку, что из избы убежала.

- Дочка! - зашуршала Метла. - Я слышала о твоих бедах. Возьми меня в спутницы - я дорогу подмету, злых отгоню.

Смирения обняла её:

- Спасибо, матушка, с тобой легче.

И пошли они вместе. Тут их и волк догнал:

- Ты меня от Змея освободила, - говорит он. - Я с вами пойду, защищать вас буду.

А вот и Гора Огненная. Гора высокая, вершина в облаках, а склоны лавой пылают.

У подножия - Медведь-Хозяин, лапы как колоды.

- Стой, девица! - рычит, как гром. - Змей мне приказал: только тот пройдёт, кто огонь укротит. Сразись с Огоньком-Злым!

И выскочил Огонь - языки алые, жаром палит.

- Гори, гори, не стой! - трещит он. - Покажи силу свою, или сгори!

Смирения не отступила:

- Милый огонь, ты слуга добрый - греешь избы, варишь кашу. Зачем злиться? Давай в мире потанцуем.

Огонь замерцал:

- Ох, девица, Змей меня заставляет. Он царевен в клетках держит, мучает.

Смирения запела молитву:

- Господи, укроти пламя в сердцах.

Огонь угас, стал искоркой тихой:

- Иди, смирная, а я тропу освящу.

По тропе той пошла - Метла дорогу чистит, Ветерок обмахивает.

Вдруг навстречу - Царевна-Златовласка, что из плена ускользнула.

- Сестрица! - плачет она. - Змей меня поймал за гордость мою - хвалилась я золотом отцовским. Помоги сестрицам спасти!

Смирения её обняла:

- Не плачь, золотая, смирение - золото лучшее. Идём вместе.

И взяли Царевну в спутницы - она теперь тихо шла, урок усвоив. Долго ли, коротко ли шла - но вышла она на берег Моря Бурного. Море синее, волны как горы, а в глубине - вихри кружат. На берегу - Кит-Громадный, спина как остров.

- Эй, путницы! - загудел он. - Змей мне волны разъярил. Чтобы пройти, укроти Бурю-Злую!

И взвилась Буря - тучи чёрные, гром гремит, молнии бьют.

- Вихрь! Вихрь! - воет она. - Покажи власть свою, или утоплю!

Смирения встала на песке:

- Сестрица Буря, ты даёшь дождь полям, свежий ветерок. Зачем гневаться? В мире с нами будь.

Буря заревела:

- Змей меня морочит, царевен топить велит!

Смирения помолилась: «Господи, усмири бури в душах».

Ветерок подул ласково, Буря утихла, стала Дождём-Милым:

- Проходите, смирные, а я путь смою.

По морю поплыли - Кит их нёс, Метла волны разгоняет, Царевна-Златовласка псалом поёт - молится.

Встретили Русалку-Синеглазку:

- Девушки! - пропела она. - Змей мне жемчуг отнял, чтоб гордиться. Возьмите меня, я глубины знаю.

Смирения кивнула:

- Иди с нами, милая, в любви все равны.

Теперь их шестеро - с Речкой-Подругой, что из моря вытекла.

Тут в небе над ними возник Облачный Замок.

Замок в небе парит, стены из туч, башни как радуги.

У ворот - Громовержец-Орёл, крылья широкие, когти острые.

- Стойте, странницы! - крикнул он. - Змей мне перья отравил. Чтобы войти, сразись с Тучей-Гордой!

И набухла Туча - дождь хлещет, град бьёт.

- Пади! Па-а-ди! - гремит она. - Возгордись, или разнесу!

Смирения подняла ручки:

- Матушка Туча, ты небо моешь, радугу рисуешь. В мире с нами живи.

Туча загрохотала: «Змей меня злит, царевен в цепи держит!»

Смирения шепнула:

- Любовь и мудрость - гром громче.

Орёл смягчился:

- Проходите, а я вас понесу.

В замке - лабиринт из облаков.

Встретили Птицу-Жар-Птицу:

- Сестрицы! - чирикнула она. - Змей перья мои украл за то, что сияла я ярко. Помогите!

Смирения обняла:

- Иди с нами, пернатая, свет твой - от Бога.

Теперь отряд большой: вещи, животные, природа - все вместе, все в мире.

И вот оно - страшное Логово Змея.

В горах чёрных, в пещере глубокой, где эхо воет, а тени пляшут. Змей Горыныч на троне сидит, головы три шипят, а в клетках - царевны: Зорянка и Тихоня.

- Ха-ха! - рёвом гремит Змей. - Пришла, смиренная? А ну, докажи силу! Сразись со мной - или все сгинете!

Головы плюются огнём, хвост хлещет, пещера трясётся.

Смирения не дрогнула: встала перед ним, кланяется:

- Милый змей, не гневайся. Ты силён, да одинок. Зачем царевен мучить? В мире с нами будь, любовь прими.

Змей зарычал:

- Любовь? Ха! Я гордыней живу, мудрость презираю! - и бросился: огонь, яд, когти!

Тут друзья вступили: Волк-Серый в пасть вцепился, Медведь лапами обхватил-опутал, Ветерок вихрем закружил. Метла Змея подмела, Речка водой залила, Буря громом оглушила, Русалка сетями опутала, Жар-Птица светом ослепила. Царевны запели:

- В смирении - наша сила!

А Смирения молилась:

- Господи, смири зверя сего любовью и мудростью. В мире с Тобою - победа.

Змей взвыл, головы поникли:

- Ох, девица… Сердце моё тает. Гордыня - яд, а смирение - эликсир.

Он растаял дымом, а на месте - цветок скромный, с лепестками золотыми. Клетки открылись, царевны вышли:

- Спасибо, сестрица! Ты нас спасла не мечом, а миром.

Ангел явился:

- Дочка, смирение твоё - венец. Оно побеждает всё, ибо в мире с Богом живёт, на любви и мудрости держится. Возьми Весы Вечные - взвесь дела свои.

Смирения взвесила: в одну чашу - гордость, славу, силу; в другую - любовь, мир, молитву. Левая упала, правая взлетела, и Небеса запели.

Вернулись все в свой мир: царевны - к отцам, друзья - по домам. Смирения домой пришла - изба сияет, мама обняла:

- Дочка, ты наша царица!

А она ответила:

- Нет, матушка, все равны в любви.

С той поры в царстве - мир и тишина: Змей больше не буйствует, природа поёт, животные в

ладу, вещи служат с радостью. А Смирения учила:

- Живите в смирении - и Бог с вами, и весь мир в мире.

И я там был, мёд-пиво пил: по усам текло, да в рот не попало.

Сказке конец, а кто слушал - молодец.

Три сита старого барсука

В древнем лесу жила-была дружная компания зверей. Был среди них зайчишка по имени Пых, любопытный и шустрый, как огонек. Был важен и спокоен старый ёж Угрюм, чья колючая шкурка скрывала мягкое сердце. А мудростью над всеми сиял старый барсук по имени Тихон.

Жил Барсук Тихон не в норе, а в просторной, уютной горнице, вырытой меж корней самого старого дуба. Стены там были уставлены глиняными кувшинами с мёдом, сушеными травами, а на полках лежали свитки с мудрыми изречениями. К нему-то и приходили все обитатели леса за советом, ибо слыл он самым разумным.

Однажды, в самый разгар лета, примчался к горнице Барсука зайчишка Пых. Глаза его блестели от возбуждения, ушки подрагивали.

-Дедушка Тихон! Дедушка! - запыхавшись, выпалил он. - Хочешь, расскажу, что про тебя ёж Угрюм говорит?

Барсук Тихон не спеша отложил в сторону книгу, которую читал, поднял лапу и мягко сказал:

-Постой, дитя мое, не торопись. Прежде чем положить твои слова на этот стол, давай просеем их через три сита.

- Через какие ещё три сита? - удивился Пых, перестав подпрыгивать.

- Первое сито - сито Правды, - сказал Барсук, поправляя свои очки на носу. - Ты уверен, что то, что несешь, - сущая правда?

Пых замялся и почел за ухом задней лапкой.

-Ну… не совсем… Я просто слышал это от белочки, а она слышала от сороки…

- Ага, - кивнул Барсук. - Значит, ты не знаешь, правда это или ложь. Ладно. Просеем тогда через второе сито - сито Доброты. То, что ты хочешь сказать о Ёжике Угрюме, - это что-то доброе, хорошее?

Зайчишка смущенно опустил глазки в пол, где копошились мирные муравьи.

-Нет, - прошептал он. - Скорее… наоборот.

Барсук Тихон тихо вздохнул. Он посмотрел в маленькое окошко, где виднелась ветка рябины, словно спрашивая совета у самого неба.

-Что ж, - продолжил он. - Третье сито - сито Пользы. Принесёт ли мне, старому барсуку, твоя новость хоть какую-то пользу? Поможет ли она мне стать добрее, мудрее, здоровее?

Пых подумал-подумал и совсем уж тихо пробормотал:

-Думаю, нет…

Тогда Барсук Тихон развёл лапами, и добрая улыбка тронула уголки его рта.

-Если в твоих словах, дружок, нет ни Правды, ни Доброты, ни Пользы, - зачем же тогда кормить ими мой старый ум и тревожить мой покой?

Пых стоял, потупившись, чувствуя себя немного глупо. Но Барсук, видя его смущение, подозвал его ближе, усадил на мягкую подушечку и начал рассказывать дальше.

- Слова, малыш, как лесные тропинки. Одни ведут к солнцу, а другие - в тёмную чащу. Хочешь, я покажу тебе?

И они пошли гулять по лесу.

На опушке они встретили Сороку-болтушку. Она трещала без умолку:

-Белочка рыжую краску украла! Медведица у себя в берлоге новый мёд прячет! Слышали? Слышали?

-Подожди, - сказал ей Барсук. - Ты всё это видела своими глазами?

-Ну, мне Ворона на ухо каркнула! - захлопала крыльями Сорока.

-А если это неправда, бедная Белочка из-за тебя плакать будет? - спросил Барсук. - И кому от твоих слов польза?

Сорока задумалась,затем смущённо сказала: «Ой, я, пожалуй, полетаю…» - и улетела.

- Видишь? - сказал Барсук Пыху. - Слова без правды и доброты - как пустой орех, внутри ничего нет.

Возле ручья они увидели Медвежонка, который сердито толкал маленького Ёжика.

-Ты наступил на мой гриб и сломал его! - рычал Медвежонок.

-Я нечаянно! - дрожал Ёжик. - Я не видел его в траве!

Пых хотел было крикнуть: «Драться нехорошо!», но Барсук остановил его.

Вместо этого Барсук подошёл к Медвежонку и тихо сказал:

-Твоя правда, гриб сломан. Но разве от твоего крика он снова вырастет? Будь добр, посмотри - Ёжик же маленький, он испугался. А польза будет, если вы помиритесь и найдёте новый гриб вместе.

Медвежонок перестал сердиться. Он посмотрел на испуганного Ёжика и пробормотал:

-Ладно… пойдём, я знаю, где ещё растут грибы.

И они побежали вместе.

- Видишь? - объяснил Барсук Пыху. - Правду можно сказать спокойно и с добротой. Тогда она принесёт пользу и всех помирит.

На полянке они встретили другого зайца, брата Пыха. Тот громко хвастался:

-Я самый быстрый в лесу! Я вчера такого волка напугал, что он удрал без оглядки!

Все звери кругом восхищённо ахали. Барсук спросил Пыха:

-А это правда?

-Нет, - честно ответил Пых. - Он просто хочет, чтобы его все хвалили.

-Его слова не добрые, - сказал Барсук. - Они заставляют других зверей чувствовать себя слабыми. И пользы от них нет, одна пустота.

Когда они шли обратно, Пых увидел ту самую Белочку. Она сидела на ветке и грустила, потому что все думали, что она украла краску.

-Подожди тут, - сказал Пых Барсуку.

Он подбежал к Белочке и сказал:

-Не грусти! Я тебе верю. Давай лучше вместе шишек наберём?

Белка обрадовалась,и они весело принялись за работу.

Вечером Пых пришёл к барсучей горнице. Там сидел Ёж Угрюм.

-Здравствуй, Пых, - сказал Ёж. - Спасибо, что сегодня помог Белочке. Я видел. Ты хороший друг.

Пыху стало так тепло на душе! Он понял, что доброе дело гораздо приятнее, чем любая сплетня.

Барсук Тихон улыбнулся:

-Вот видишь, малыш. Не всякое слово, что пришло в голову, нужно сразу высказывать. Сначала спроси себя: «Это правда? Это добро? Это кому-то полезно?» Если нет - лучше промолчи или сделай что-то хорошее, как ты сегодня.

С тех пор зайчишка Пых всегда пользовался тремя ситами Барсука. Он больше не передавал сплетни, не верил хвастунам и всегда старался говорить правду ласково. И лес стал от этого ещё дружнее и счастливее. А самое главное - на душе у самого Пыха стало светло и радостно.

Сказка об Емеле и Царе Небесном

В те времена, когда по земле - широкой и привольной, как степь под синим небом, - ходили сказания о чудесах да богатырях, жил-был в деревеньке глухой, у реки извилистой, что вилась змеею серебряной, парень по имени Емеля.

Был он простодушен, как хлеб ржаной, да ленив - словно кот у тёплой печки, - и проводил дни свои на лежанке, мечтая о дивах заморских, о тех, что в арабских ночах Шехерезады являются по мановению лампы волшебной.

Избушка его стояла скромная, с резными ставнями, а работа - вода из колодца таскать, дрова рубить - казалась ему тяжелее гор.

- Эх, - вздыхал Емеля, - кабы чудо случилось, как в сказках, где Аладдин трёт лампаду, и джинны выходят, исполняя желания три!

И вот однажды, в ночь полнолунную, когда луна висела над лесом, словно фонарь султана в Багдаде, вышел Емеля к реке за водой студёной. Ведро опустил в омут глубокий - и вытащил не леща обычного, а щуку золотую: чешуя её переливалась, как перламутр в сокровищницах персидских.

Щука заговорила человеческим голосом, нежным, словно свирель пастушья:

- Емелюшка, отпусти меня в воду вольную, и по щучьему веленью, по моему хотенью исполню желания твои три! Но помни: желания - как птицы райские - летят высоко, но без сердца доброго падут в бездну тёмную.

Емеля глаза протёр, обрадовался душой:

- Плыви, щучка, в родную стихию! А желание первое - пусть печь моя сама катится в лес за дровами берёзовыми!

Щука хвостом плеснула, нырнула в глубь - и печь заскрипела, задымила, покатилась по снегу хрусткому, словно сани волшебные по ковру снежному.

Деревня ахнула: бабы всплеснули руками с бельём, что в реке полоскали, деды бороды погладили, а ребятишки запищали от восторга.

Печь вернулась с поленьями полными, но сердце Емели не наполнилось радостью полной: лень его, как демон лукавый, шептала:

- Лежи дальше, ничего более не надо.

Пустота в душе осталась - словно кувшин без вина сладкого.

Наутро прилетел к избушке ворон - чёрный, как ночь аравийская, - и каркнул весть горькую:

- Емеля, беда великая! Злой Кощей Бессмертный, тот, чья душа в яйце спрятана, яйцо - в утке, утка - в зайце, заяц - в сундуке, а сундук - на дубе столетнем, украл Варвару Красоту - До Пят Косу!

Она девица премудрая: коса её златая, как солнышко на восходе, глаза - как звёзды над озером. Заколдовал он её в башне хрустальной, окружил колдунами хитрыми да ведьмами коварными, что зелья варят в котлах медных и шепчут заклинания: «Сезам, откройся! Тьма, сойди!»

Емеля на печи перевернулся:

- А мне что за дело? Полежу я в тепле.

Но вдруг в горнице засветился свет тихий, как заря утренняя, и предстал Ангел-Хранитель его - крылатый вестник небесный, в ризах белых, ликом кротким, словно из былин святых.

- Емеля, - молвил ангел голосом мелодичным, как песнь соловья в саду райском, - Господь Бог послал меня к тебе. Ленив ты, да сердце не камень. Кощей злобный, из пещер сокровищ, крадёт свет душевный. Спаси Варвару - и обретёшь клад истинный: веру в Иисуса Христа, что сильнее всех чар колдовских и духов злобы могучих!

Емеля вздохнул глубоко:

- Ладно, полечу по щучьему слову!

И второе желание изрёк:

- Пусть щучка даст мне коня крылатого, как в сказаниях про Синдбада-морехода!

Щука явилась в видении водном, плавником махнула - и возник конь буйный: грива пламенная, крылья орлиные, что ветер рассекали.

Вскочил Емеля в седло, помчался через боры дремучие, горы крутые, где эхо повторяет заклятия древние.

По пути, у перекрёстка трёх дорог, - как в сказках Афанасьева о трёх богатырях, - повстречал он витязей славных: Силу и Хра́бра. Сила был могуч, словно дуб вековой, плечи широкие, кулаки - молоты кузнечные; Храбр - удалец, мечом владеет искусно, сердцем не дрогнет и в буре.

Сидели они у костра потухшего, грустью томимы:

- Кощей и нас околдовал: силу запер в цепях невидимых, храбрость спрятал в сосуде глиняном.

Емеля хлебом-солью поделился, рассказал про ангела небесного.

Витязи оживились:

- Поедем с тобой, брат названый! Но без веры православной - как без меча в битве.

Ангел-Хранитель вновь явился, осенил их знамением крестным:

- Зовите Иисуса Христа: Он, Царь Небесный, даст мощь божественную, крепче стен Иерихонских!

Путники преклонили колена, помолились усердно:

- Иисусе Христе, Сыне Божий, помоги нам, грешным!

И дивное чудо свершилось - как в житиях святых: Сила ощутил в жилах мощь рек полноводных, а Храбр - отвагу льва рыкающего. Конь заржал радостно и понёс их стрелой через земли зачарованные, где туманы клубятся, словно дым от кадил дьяконских.

Прискакали они к башне Кощеевой - высокой, как терем ледяной в сказке о Снегурочке, из хрусталя искристого, окружённой садом ядовитым, где цветы шипят заклинаниями, а деревья стонут, будто духи подземные.

У врат стояли колдуны в чалмах чёрных, с жезлами змеиными, да ведьмы с помелами, что парят, словно мыши летучие.

- Сезам, закройся! - завопили они хором. - Кто нарушил покой наш?

Сила кулаком ударил - земля всколыхнулась, как море в шторм; Храбр мечом взмахнул - искры посыпались, словно звёзды с неба.

Но колдуны накликали вихрь песчаный, а ведьмы напустили морок густой, где тени пляшут, как демоны в пустыне.

Емеля устрашился, за коня спрятался:

- Ой, батюшки, конец нам пришёл!

Ангел шепнул ему на ухо:

- Не робей, Емеля! Вера - ключ от врат небесных. Призови Георгия Победоносца, святого воина, что змия попирает, как на иконах древних.

Емеля вспомнил церковь деревенскую, колокола пасхальные, закрыл очи и возопил:

- Святый Георгий, ратник Христов, на помощь! Иисусе Христе, защити!

И вот - диво дивное: явился Георгий Победоносец на коне белоснежном, в латах сияющих, с копьём крестоносным.

Взмахнул он копьём - и колдуны рассыпались прахом, как листья осенние; ведьмы с визгом унеслись на помелах, вопя:

- Ай, вера жжёт, как огонь адский!

Вихрь утих, морок рассеялся, сад зазеленел листвою доброй, цветы запели псалмы тихие.

Кощей Бессмертный выскочил из башни - тощий, как тень от пальмы в полдень; очи горят углём, борода клочьями.

- Кто посмел потревожить вечность мою? - зашипел он, словно змей в саду Эдемском. - Душа моя в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, заяц в ларце на дубу!

Накликал он змей огненных, духов нечистых, что кружат вихрем, как горячий ветер с гор Ливанских.

Витязи бились доблестно: Сила змей топтал сапогами железными, Храбр духов сек мечом булатным.

Но Кощей хохотал:

- Не одолеть меня без чуда вышнего!

Емеля дрожал, как лист осиновый, но Ангел вновь ободрил:

- Теперь Самого Иисуса Христа призови! Он - Свет миру, сильнее царей земных и султанов восточных, и чародеев всех.

Емеля пал на колени в песок искристый, сердце открыл, как книгу премудрости:

- Иисусе Христе, Спаситель наш, помилуй! Спаси Варвару и даруй веру нерушимую!

Витязи и Ангел эхом повторили молитву, конь преклонил голову.

И вот - небо разверзлось, как свиток древний, и сошёл Свет Божественный, тёплый, как

дыхание весны.

Иисус Христос предстал в славе Своей - в одеждах белых, ликом милостивым, окружённый ангелами херувимскими, что поют антифоны небесные, сладостнее лютни арабской.

Он не изрёк заклятия громкого, не взмахнул дланию - лишь взглянул с любовью бесконечной, и Кощей затрепетал, как преступник пред судом.

- Кощей, - молвил Христос голосом кротким, но властным, как гром с Синая, - тьма твоя - мираж пустынный, смерть - цепи ржавые. Вера побеждает ад и могилу.

Кощей завопил - яйцо его треснуло само; утка выпорхнула, заяц умчался, ларец отверзся - и душа злодея истаяла дымом, как мираж в зное.

Башня хрустальная рухнула искрами радужными, Варвара Краса Коса до Пят вышла на волю: коса её засияла, как заря над Волгой.

Обняла она Емелю:

- Спасибо тебе, добрый молодец! Лень твоя ушла, а вера сделала тебя богатырём, как Еруслана славного!

Витязи поклонились низко, Ангел улыбнулся:

- Видишь, Емеля, щучьи чудеса - забава детская, а вера во Христа - клад неиссякаемый.

На ковре-самолёте, даре Георгия святого, вернулись они в деревню - с песнями русскими, звонкими и раздольными.

Емеля третье желание сказал щуке:

- Пусть радость всем будет!

С тех пор не валялся он на печи, а трудился с усердием, соседям помогал, по утрам молился.

Варвара стала супругой верной, Сила и Храбр - побратимами, а Кощей - притчей во языцех: зло уходит пред верой, как тьма пред рассветом.

Ангел-Хранитель шепчет деткам малым:

- В беде зовите Иисуса - Он придёт, как Друг верный, с чудесами светлыми.

И жили они в ладу, где вера сияет ярче солнца праведного.

Сказка о звёздном мальчике и тихой песне

За лесами, за долами, за морями синими, там, где звёзды-сёстры ходят хороводами по ночному небу, стояла на зелёном пригорке изба-обитель. А в той обители жили-поживали старый Садовник да мальчик по имени Артёмка. Жили они в ладу и в радости. Садовник, бывало, песенки тихие напевает, хлеб душистый печёт, а Артёмке сказки сказывает про травы целебные, про зверей лесных, про то, как всякая тварь Господа хвалит.

А по вечерам, на крылечке сидя, слушали они Тихую Песню, что из самой глубины небес доносилась. Не громкая, не навязчивая, а словно шёпот ангельский: «Тук-тук, детки, я с вами.

Вы в добре, вы в любви. Я - ваш Путь и ваш Дом». И сердце от этой песни теплело и цвело, как сад весенний.

Но вот надумал Артёмка, что скучно ему в тишине да в ладу. Потянуло его на приключения диковенные. Прослышал он про Забаву-Станцию, что в чёрном космосе висит, вся в огнях самоцветных горит, и шум от неё на всю Вселенную идёт. Говорили, будто там вечный праздник, игры заморские да потехи невиданные.

Взял Артёмка свой котомку, набил её золотыми монетками, что Садовник ему на добрые дела берег, сел в ладью железную - «Стрелу-Молнию» - и крикнул:

- Прощай, дедушка! Улечу я в Забаву-Станцию, счастья попытать!

Взмыла ладья в поднебесье,оставив позади зелёную планетку, что всё меньше да меньше становилась, будто яблочко райское.

Прибыл Артёмка на Забаву-Станцию. Кругом - диво дивное! Шарики воздушные в невесомости пляшут, смех кругом стоит, а из дверей разных то мармеладный дождь идёт, то зефирные облака плывут. Ошеломила мальчика та красота ненастоящая.

А в самом сердце Станции стоял Хором Владыка - не человек, не зверь, а голос из ниоткуда, блестящий и холодный. Голос тот, как сирена, пел:

- Кто ко мне придет, тот счастлив будет! Кто монетки мне подарит, тому я все царства эти покажу.

Показал Владыка мальчику забаву новую: на стене огненной прыгали весёлые чертенята зелёные, мордочки корчили, на скрипочках невидимым играли. А чтобы они плясали веселей, нужно было в щель золотую монетку кинуть.

Кинул Артёмка одну монетку - чертенята выше подпрыгнули. Кинул другую - залились смехом звенящим. Кинул третью, десятую… Забыл мальчик про время, про сон, про еду. Сидел он, не отрываясь, перед стеной огненной, а Владыка шептал ему на ушко:

- Ты сильный, ты могучий. Ты сам себе хозяин. Зачем тебе тот старый Садовник с его Тихой Песней?

Дни да недели пролетели, будто один миг весёлый. Не заметил Артёмка, как котомка его опустела, все монетки на пустую забаву потратил. Только последнюю монетку бросил - как всё разом смолкло. Погасли огни на стене, исчезли чертенята весёлые. А голос Владыки стал железным и колким:

- Всё, мальчишка. Монетки твои кончились. Играть больше не во что. Ступай прочь!

Оттолкнули Артёмку от стены огненной, и очутился он в тёмном углу, один-одинёшенек. Кругом чужие дети бегали, на него и взглянуть не хотели. А на душе у него так тоскливо стало, так холодно, будто зима в сердце наступила. Захотелось ему вдруг того тепла, что от печки Садовника исходило, запаха хлеба свежего, звука той самой Тихой Песни. Но слышал он только грохот да визг, что со всех сторон Забавы-Станции доносился.

Подошёл он к круглому окошку-иллюминатору, глянул в чёрную пустоту космосовую - и увидел вдали крохотную точку, что светился кротким, тёплым светом. Узнал он свою родную обитель. И так ему стало горько, так стыдно, что аж слезами залился.

- Дедушка, - прошептал он, - прости меня, глупого. Променял я радость настоящую на мишуру пустую.

Только вымолвил эти слова - как вдруг Забаву-Станцию затрясло, заскрипело, загудело! Началась в космосе буря невиданная, метель звёздная. Подхватила буря Артёмку, да как бросила его в тёмный коридор! Летит он, как пёрышко, ударяется о стены, и думает, что вот-вот - и конец ему пришёл.

А в это самое время на зелёном пригорке Садовник старый сердцем почуял беду внука. Вышел он на лужок, поднял руки к небу и взмолился:

- Господи, вразуми чадо моё заблудшее! Верни его на путь истинный!

И услышана была молитва его. Взмыли с Земли в поднебесье дары чудесные: пироги румяные, что кометами летели, да такие тёплые, что от них мороз звёздный отступал. Понеслась вслед кулек хрустальный, полный мороженого сладкого, что астероидами сахарными рассыпалось. Летела и пицца большая, круглая, как солнышко, вся в сыре узорчатом.

Летели эти яства сквозь бурю да метель, прямо к Забаве-Станции. А Артёмка в это время, собрав последние силы, выбрался из тёмного коридора и вдруг - носом почуял! Пахнет чем-то родным, знакомым… Пахнет… хлебушком! Да не просто хлебом, а тем самым, что дед в печи своей печет!

Побежал на запах - и видит: в самом центре Станции, где раньше стена огненная была, теперь настоящий пир идёт! Пироги летают, сами в руки даются, мороженое тает во рту, прохладой живительной поит. И среди этого пира стоит Садовник, улыбается, руки на встречу распахнул.

- Дедушка! - закричал Артёмка и бросился к нему. - Прости меня, я все монетки потратил, я ослушался…

- Иди, иди, чадо моё, - обнял его Садовник крепко. - Ты вернулся - вот и хорошо. Главное - вернулся.

И тогда случилось чудо. Всё пространство вокруг озарилось светом нежным, и появилась в воздухе картина дивная: видел Артёмка самого себя, маленького, как он с Садовником яблоньку сажает. Картина сменилась - видит он, как убегает на железной ладье. А потом - как возвращается, а Садовник уже бежит ему навстречу. Это была голограмма прощения, что Сам Господь на небе нарисовал.

Увидели эту картину и другие дети на Станции, такие же уставшие и голодные. Поняли они, что у каждого есть свой дом и свой Садовник, который ждёт. Покинули они Забаву-Станцию, сели в свои ладьи и полетели домой, к родным очагам.

А Артёмка с Садовником вернулись в свою обитель на зелёном пригорке. Сел Артёмка на крылечке, прислушался - и снова услышал Ту Самую Тихую Песню: «Тук-тук, детка, я с тобой. Ты дома».

С тех пор Артёмка больше никуда не улетал. Потому что понял он: какая бы красивая и громкая Забава ни была, она никогда не заменит тихой радости родного дома и любви тех, кто тебя ждёт

А вы, детки, запомните: внутри у каждого из вас звучит такая же Тихая Песня - это голос ангела-хранителя, это голос Божий в душе. Если станет вам грустно, страшно или одиноко -

замрите на минутку, прислушайтесь к своему сердечку. И вы услышите её. Она всегда зовёт вас к добру, к свету, к любви. И сколько бы ошибок вы ни наделали, всегда можно вернуться домой, к Отцу Небесному, и Он всегда простит и примет вас с великой радостью.

Сказка про Паромир

В некотором царстве, в далёком волшебном мире, где небо искрилось звёздами, словно драгоценными камнями, а земля шептала свои тайны, стоял удивительный город по имени Пароград. Представьте: вместо зелёных лесов и синих рек там высились огромные серебристые трубы, похожие на стволы волшебных деревьев, гигантские котлы, сверкающие, как золотые чаши, и железные дома, украшенные узорами из искр. Город стоял на огромной плите, как на крышке сундука с сокровищами, а под ней бушевало сердце огня - яркое, как пламя доброго дракона, охраняющего тепло.

Жители Парограда были не простыми людьми. У каждого вместо сердца бился маленький волшебный котёл, полный бурлящей воды, искрящейся радужными пузырьками. Старики рассказывали у камина, что давным-давно этот огонь был даром доброго Бога. Он согревал в холодные ночи, варил вкусную кашу в котлах, и сердца людей сияли, как солнышко, - полные любви и радости. Дети играли, смеялись, и мир был, как большой уютный дом.

Но потом люди забыли о своём даре. Они начали бояться: «А вдруг наш котёл лопнет от жара? А вдруг пар разорвёт всё внутри?» И стали учить малышей: «Не держи пар в себе, детка! Выпускай его наружу, чтобы не взорваться, как фейерверк!»

Каждый вечер на больших площадях, украшенных фонариками, жители открывали клапаны в своих котлах. Они шипели, спорили, кричали, и пар взлетал вверх, как облака дыма - то чёрные, как грозовые тучи, то серые, как грустные слоники. Город казался огромным самоваром, который кипит и пыхтит, и дети думали: «Вот как надо жить!»

Среди всех жил добрый мальчик по имени Михей. Он был тихим, как маленький эльф из лесных сказок, с глазами, сияющими, как звёздочки. Его котёл бурлил мягко, как ручеёк в саду, и за это соседи дразнили его:

- Эй, Михей, почему не пыхтишь паром? Берегись, лопнешь, как мыльный пузырь!

А Михей робко отвечал:

- Может, есть волшебный способ не кипеть? Может, можно жить в мире и покое?

Они смеялись:

- Глупыш! Иди к дядюшке Паропыху - он научит тебя спускать пар весело!

Паропых был самым уважаемым в городе - большим, как великан из древних легенд, с бородой, искрящейся искрами. Он устраивал игры и споры, учил: - Дети, спускайте пар культурно! Пусть он выходит свистом, как песенка, а не взрывом!

Все думали, что он очень мудр, потому что в его доме всегда стоял лёгкий дымок, как волшебный туман, и никогда - громких бед. Но Михею было грустно. После шумных вечеров его котёл ныл, как уставший щенок, глаза жгло от копоти, и он мечтал о чём-то светлом. «Неужели нет волшебства, чтобы сердца не кипели злостью?» - думал он, глядя на звёзды.

Однажды Михей подружился с маленькой девочкой по имени Лира, которая жила в соседнем

железном доме. Лира была шаловливой, как бабочка в саду, с кудряшками, сверкающими, как золотые искры. Её котёл кипел быстро, и она часто пыхтела паром, но потом жалела: «Михей, от этого только голова болит, как после карусели!» Вместе они мечтали о приключениях за городской стеной, где, по сказкам, жили удивительные существа - огненные эльфы и водные феи, которые знали секреты спокойствия.

Но вот беда случилась раньше: в Парограде появился вредный тролль по имени Гневуш. Он был маленьким, коренастым, с красными глазами, как угольки, и большим клапаном на спине, из которого всегда валил чёрный дым. Гневуш любил подстрекать жителей: «Пыхтите сильнее! Пусть пар взлетает выше звёзд!» Он устраивал ссоры на площадях, шептал сплетни, и котлы людей кипели ещё жарче. Гневуш хохотал: «Ха-ха, без меня ваш огонь погаснет!» Но на самом деле он боялся тишины, потому что в тихих сердцах не было места для его злых шуток.

Михей и Лира решили: «Нельзя так жить! Давай найдём способ победить Гневуша и его дым.» Они тайком собрали друзей - маленького щенка по имени Пыхтик, который был не простым, а волшебным: его шерстка искрилась, как пар, и он умел чуять добрые мысли. Пыхтик вилял хвостом: «Гав-гав, пойдём в приключение!»

Однажды ночью, когда Пароград гудел, как огромный чайник с фейерверками, Михей, Лира и Пыхтик тихо-тихо вышли за городскую стену. Там, где, по преданиям, кончался огонь и начиналась магия, царила прохлада - как дыхание снежных фей, и тишина - как в заколдованном лесу. Воздух пах свежей росой и сладкими цветами. Они шли по тропинке, усыпанной светящимися камешками, но вдруг услышали рёв: «Р-р-р! Кто здесь шастает?»

Из-за куста выскочил Огненный Гигант - огромный, как гора, с пламенем вместо волос и глазами, как раскалённые котлы. Он был стражем границы и кипел от злости:

- Вы из Парограда? Ваш пар загрязняет мой воздух! Я взорву вас, как фейерверк!»

Михей испугался, его котёл зашипел, но Лира шепнула:

- Давай не пыхтим, а попробуем доброту.

Пыхтик гавкнул дружелюбно, и Михей сказал:

- Дядюшка Гигант, мы ищем мир. Твой огонь красивый, но почему ты злишься?»

Гигант удивился: никто раньше не говорил с ним ласково. Он вздохнул, и пламя утихло:

- Я злюсь, потому что одинок. Мои друзья - водные феи - ушли, устав от моего жара.

Михей улыбнулся:

- Давай найдём их вместе! Может, они научат нас остужать пар.» Гигант кивнул, и они пошли дальше. Это было первое приключение: Огненный Гигант стал их союзником, показывая тропинки и отпугивая тени.

Дальше тропинка привела к Лесу, где деревья шептали секреты. Там жила Фея Росинка - маленькая, с крылышками, как лепестки, и венком из цветов. Она была духом воды и учила терпению:

- Дети, пар - как река. Если её запрудить злостью, она разольётся потопом. Но если направить молитвой, она станет ручейком, поющим песню. - Фея дала им волшебный цветок, который

светился, когда сердца были спокойны.

- Если Гневуш увидит его, его дым развеется, - шепнула она.

И тут из тумана выскочил Гневуш:

- Ага, поймал вас! Теперь я зажгу ваш огонь злостью! - Он начал пыхтеть чёрным дымом, и котлы друзей закипели.

Лира заплакала:

- Мой котёл жжёт!

Пыхтик зарычал, Огненный Гигант заревел, но Михей вспомнил слова Феи: «Замолчи на минуточку, прислушайся.» Он закрыл глаза и прошептал:

- Господи, остуди нас, но не погаси огонь любви.

Кап! - и пар стал прохладным. Волшебный цветок засиял, и дым Гневуша рассеялся. Тролль сел на землю, растерянный: «Что это? Мой жар ушёл...»

Лира подошла и сказала:

- Гневуш, ты злишься от страха. Давай дружить, и мы научим тебя молитве.

Гневуш моргнул:

- Дружить? Никто не хотел... - И он присоединился к ним, обещая больше не подстрекать ссоры.

Наконец они вышли к краю пропасти, где луна сияла, как серебряный шар. На большом камне, покрытом мхом, сидел добрый старец в плаще, сотканном из лунного света и утреннего тумана, как мантия волшебника. В руках он держал хрустальный сосуд, из которого поднимался пар - не горячий, а мягкий, радужный, пахнущий медовыми цветами и свежим ветром.

- Кто ты, дедушка? - спросил Михей, подойдя ближе.

- Я Хранитель Волшебного Источника, - ответил старец голосом ласковым, как колыбельная. - Давно-давно ваш город пил из этой воды. Она остужала сердца, как прохладный дождик, питала огонь добротой, дарила покой от Бога. Но люди стали жадными к жару, забыли источник - и теперь кипят в своём гневе, как чай в забытом котелке.

Михей сел рядом, и они долго смотрели на звёзды. Лира, Пыхтик, Огненный Гигант, Фея Росинка и даже Гневуш слушали. Потом мальчик спросил:

- А разве плохо выпускать пар? Ведь если не спустить, котёл разорвётся, как воздушный шарик!

Старец улыбнулся, и вокруг него заплясали светлячки.

- Пар - это волшебная сила от Бога. Но если не знать, как её использовать, она разрушает. Видел ли ты котёл на чистом источнике? Он кипит, но вода остужает жар, и пар становится радугой - красивой и мирной. Так и сердце: если напитать его водой Божьего мира, гнев превращается в молитву, как злой дракон - в доброго друга. А приключения, как ваши, учат

доброте: Огненный Гигант нашёл друзей, Гневуш - прощение, Фея - терпение.

Михей засиял глазами: - Как найти этот источник, дедушка?

- Он внутри тебя, малыш, - сказал Хранитель. - Когда котёл закипает, замолчи на минуточку, прислушайся. Услышишь журчание, как песенку ручейка. Тогда помолись: «Господи, остуди меня, но не погаси огонь любви».

Наутро друзья вернулись в город, сияя, как солнышко. Соседи кричали: - Михей, Лира, где были? Опять пар не пускаете? Берегись!

Но Михей улыбнулся, как человек, нашедший клад, и рассказал о приключениях. Гневуш, теперь добрый, добавил:

- Я был злым, но молитва остудила меня!

Огненный Гигант помог построить мостик к лесу, а Фея Росинка разнесла цветы по домам.

Вечером, когда все пыхтели на площадях, Михей и друзья остались дома. Их котлы зашипели, пар подступил, но они закрыли глаза и прошептали:

- Господи, остуди нас...

Сначала было жарко, как у костра, но потом - кап! - и пар вздохнул, став прохладным ветерком. Стало легко, как после игры в снежки. Дни шли, и люди диву давались: «Михей, ты не злишься? Лира, ты такая спокойная!»

- Иногда злимся, - отвечали они, - но остужаем гнев молитвой, как волшебством. И приключения помогают: дружба сильнее дыма!

Они хихикали:

- Замёрзнете, как снеговики!

Но вот большая беда! Под городом разгорелся подземный пожар: главный котёл перегрелся, и земля тряслась, как в танце великанов. Трубы трещали, искры летели. Люди бегали и кричали:

- Пускайте пар! Открывайте клапаны!

Дым покрыл небо, как тёмная туча, и взрывы загремели, как гром. Михей крикнул старейшинам:

- Нужно остудить огонь водой! Есть волшебный источник под плитой!

Паропых рассмеялся:

- Вода? Мы на огне живём!

- От жара погибнете! - сказал Михей. - Источник даст мир!

Он побежал к пропасти с друзьями. Земля дрожала, воздух жёг, но на камне стоял сосуд с водой - искрящейся, как алмазы. Огненный Гигант поднял его, Фея Росинка направила поток, Гневуш запечатал трещины, Пыхтик чуял путь, а Лира пела молитву. Михей вылил воду в трещину.

Ш-ш-ш! Земля вздохнула, огонь утих, пар рассеялся радугой. Люди увидели ручей - синий, как небо, с рыбками-звёздочками.

- Что это? - спросили они.

- Мир от Бога, - сказал Михей. - Сильнее жара! А приключения учат: доброта побеждает гнев, терпение - страх, прощение - злобу.

Город преобразился: трубы зазеленели, как волшебные деревья, пар стал радужным, пахнущим конфетами. Люди шли к ручью и молились: «Господи, остуди меня, но не погаси; согрей любовью!»

И сердца их сияли. Пароград стал Паромиром - городом чудес. Михей и Лира учили деток: «Не кричи зря, а превращай гнев в молитву. Будь тихим, как ручеёк! И помни приключения: с друзьями, как Огненный Гигант и Фея Росинка, мир становится сказкой.»

На закатах являлся туман с бабочками, и старики шептали: «Хранитель проверяет сердца. Тихим дарит росу - сладкую, как мёд.»

А Гневуш теперь учит: «Злость - как дым, но любовь - как радуга!»

И теперь в Паромире сказывают малышам: «Береги котёл, но пар остужай волшебством. Пусть кипит в тебе добрая жизнь! Покой - как тень в жару, а мир - как река от Бога. Ищи приключения в доброте, встречайте удивительных друзей - они помогут сердцу сиять.»

Так сказка кончается, но чудеса продолжаются. В каждом сердечке - источник, если прислушаться. Спи сладко, детка!

Как Лиса стала честной

Жила-была в дремучем лесу, где вишни цвели круглый год, а снег падал в виде лепестков сакуры, хитрая Лиса. Не простая лисица, а кицуне из старых японских легенд - с девятью хвостами, пушистыми, как облака над Фудзиямой. Лису звали - Кицунэ-но-Мэгуми, то есть «Благословенная Лиса». И была эта лиса с искоркой в глазах, хитрецой в душе и тенью обмана в каждом шаге. Лиса любила обманывать, потому что верила: мир - как большой ярмарочный балаган, где все только и ждут, чтоб их разыграть. «Хитрость - это как чай с мёдом, - думала она, - сладко, но без неё жизнь пресная, как рис без соевого соуса».

Однажды, в утро, когда солнце проснулось и зевнуло радугой, Лиса проснулась с пустым брюхом. «Эх, - вздохнула она, потягиваясь так, что все девять хвостов распушились, как веера красавицы, - сегодня я обману весь лес! Найду простака и съем его завтрак!» Она побежала по тропинке, усыпанной опавшими листьями, и вдруг - бац! - наткнулась на странного путника. Тот сидел под старой сосной, хохотал над ничем и хлопал в ладоши, будто весь мир - одна большая шутка.

- Кто ты такой? - спросила Лиса, прищурившись. Хвосты её зашевелились, готовые к обману.

- Я - Радость! - ответил путник, подпрыгивая на месте. Он был как живой цветок: яркий, с глазами-звёздочками и улыбкой шире реки. В руках у него была флейта из бамбука, а на плече - попугай, который повторял: «Ха-ха-ха!» Радость был одет в сарафан с японским кимоно, и от него пахло свежим хлебом и вишнёвым цветом.

Лиса почуяла добычу. «Ага, - подумала она, - этот дурачок наверняка несёт пирожки. Обману

его!» Она села напротив, сделала грустные глаза и заплакала: - Ой, Радость, я такая несчастная! У меня хвосты болят, лапы устали, а в брюхе - пусто, как в старом чайнике без чая. Поделись-ка пирожками, а то я… я умру!

Радость перестал хохотать и посмотрел на Лису. Вместо того чтобы рассердиться, он вдруг расхохотался ещё громче!

- Умрёшь? Ха-ха! А как же девять жизней кицуне? Нет, сестрица, давай лучше посмеёмся вместе! Видишь эту сосну? Она вчера танцевала под луной, а сегодня притворяется строгой. Смешно, правда? Возьми пирожок - с вишней и смехом внутри!

Лиса схватила пирожок, но внутри неё что-то шевельнулось. Она ожидала, что Радость разозлится, даст пирожок из жалости или убежит. А он… смеялся? Её обман не сработал, но вместо злости в сердце Лисы загорелась искорка. «Что это? - подумала она, жуя. - Как будто хвост один стал легче, пушистее. И тепло разливается, как от горячего чая в холодный день».

Она попробовала хохотнуть - и ой! - смех вышел настоящий, звонкий, как колокольчик в храме. Лиса не заметила, как её первый хвост заблестел серебром, словно от слёз радости.

Лиса схватила пирожок, но внутри неё что-то шевельнулось. Она ожидала, что Радость разозлится, даст пирожок из жалости или убежит. А он… смеялся? Её обман не сработал, но вместо злости в сердце Лисы загорелась искорка. «Что это? - подумала она, жуя. - Как будто хвост один стал легче, пушистее. И тепло разливается, как от горячего чая в холодный день». Она попробовала хохотнуть - и ой! - смех вышел настоящий, звонкий, как колокольчик в храме. Лиса не заметила, как её первый хвост заблестел серебром, словно от слёз радости.

- Ладно, Радость, - пробормотала она, вытирая мордочку. - Твой смех - как ловушка. Но я ещё вернусь! - И убежала, а в душе её уже не было той пустоты. Обман не удался, но радость - настоящая - закралась в сердце, как лучик солнца в нору.

Лиса бежала дальше, по лесной дороге, где деревья шептали хокку:

«Лист опадает -

ветер смеётся тихо.

Кто же хитрее?»

Вдруг она увидела второго путника - у ручья, где вода пела колыбельные. Этот был старым медведем в монашеском клобуке, с корзиной трав и улыбкой, мягкой как мох.

- Кто ты? - спросила Лиса, облизываясь. В корзине блестели яблоки, красные, как фонарики.

- Я - Милосердие, - ответил Медведь спокойно. - Несу помощь всем, кто просит. А ты, кицуне, чего ищешь?

Лиса усмехнулась: «Очень хорошо! Этот добряк отдаст всё!» Она упала в обморок (на самом деле просто притворилась, затаив дыхание) и простонала: - Ой, Милосердие, я ранена! Злой охотник ранил меня в хвост! Дай яблоко, а то я… я исчезну, как дым от благовоний!

Милосердие не удивился. Он просто кивнул, как будто ждал этого, и протянул яблоко:

- Бедная Лиса. Ешь, исцеляйся. А охотник… может, он сам ранен в душе? Давай помолимся за

него - за всех, кто кусает от боли. - И Медведь запел тихую молитву, слова которой плыли, как листья по воде: «Господи, помилуй нас, хитрых и простых, обманщиков и обманутых».

Лиса схватила яблоко и откусила - сочное, сладкое! Но внутри неё снова что-то дрогнуло. «Почему он не рассердился? - думала она, жуя. - Не прогнал, не посмеялся надо мной. А молится? За охотника? За меня?» Её обман растаял, как снег под весенним солнцем, и второй хвост Лисы начал светиться золотом - теплым, как объятия матери. В груди стало тесно от чего-то нового: жалости? К себе? К тому охотнику, которого она никогда не видела? Лиса заплакала - на этот раз по-настоящему. Слёзы капнули в ручей, и вода запела громче:

«Милость - река.

Смывает пыль лжи.

Пей, не бойся.»

- Ты странный, Милосердие, - прошептала Лиса, вставая. - Твоя доброта - как яма с мёдом. Я влипла! - И убежала, но уже не так быстро. Шаги её стали мягче, а в мыслях мелькнуло: «А что, если обман - это тоже рана?»

Дальше тропинка вилась, и бежала так быстро, что казалось что кусты вокруг начали ходить задом наперёд. Лиса устала от своих перемен - хвосты тянули, как мешки с рисом, - и решила: «Теперь точно обману! Найду кого-то, кто не сдастся так легко». И вот, на поляне, где цветы кивали головами, как китайские болванчики, сидел заяц. Не простой - в крестьянской рубахе с крестиком на шее, и терпеливый, как скала.

- Кто ты? - фыркнула Лиса, крутя хвостами.

- Я - Долготерпение, - ответил Заяц, не шелохнувшись. Он плёл корзинку из ивы и напевал псалом: «Господи, укрепи меня в терпении Твоём».

Лиса увидела корзинку - полную орехов! - и загорелась. «Этот ушастый - лёгкая добыча!» Она начала дразнить:

- Эй, Заяц, твои уши - как зонтики без ручки! А корзинка? Дай орехов, или я скажу всем, что ты боишься теней! - Она вертелась, пускала хвостами фокусы: один хвост становился синим, другой - зелёным, то все вместе как радуга.

Заяц не дрогнул. Он улыбнулся:

- Дразни, Лиса. Я терплю. Вспомни, как Иов терпел бури - и обрёл мир. Хочешь орех? Бери. А дразнилки твои… они как ветер для ивы: шумят, но не ломают. Давай вместе сплетём корзинку - для всех зверей.

Лиса схватила орех и расколола - внутри был не просто вкус, а… покой. Её обман растаял, как дым от костра, и третий хвост заблистал лазурью, прохладной, как горный ручей. «Почему он терпит? - думала Лиса, кусая орех. - Я бы уже убежала или укусила. А он… плетёт. Терпит мою глупость. И внутри меня - как будто буря утихла. Шаги мои стали ровнее, хвосты не дергаются». Она села рядом и попробовала сплести - пальцы путались, но Заяц терпеливо показывал. Вдруг Лиса хихикнула:

- Твои уши правда как зонтики! Но… милые. - И в сердце её родилось что-то тёплое - терпение к самой себе, к своим хвостам, что виляли от волнения. - Ты меня достал своим терпением,

Заяц! - сказала она, вставая. - Ты как та лошадь, что стоит на голове и не падает. - И убежала, но с улыбкой. Теперь её бег был не суетливым, а размеренным, как ход монаха по кленовому саду.

Лиса мчалась дальше, и лес вокруг неё начал меняться: деревья шептали не хайку, а загадки - «Что в руках, но не держишь? Вера!» Вдруг на обрыве, где река тихо напевала на перекатах гимны миру, она увидела птицу - маленькую синичку с крыльями, как иконы, и глазами, полными света.

- Кто ты, пернатая? - спросила Лиса, облизываясь. Синица несла зерно - золотое, как манна небесная.

- Я - Вера, - пропищала Синица. - Верю в Господа, в друзей, в то, что даже хитрая кицуне может найти путь. А ты?

Лиса фыркнула: «Веру? В меня? Ха! Сейчас обману!» Она сделала вид, что тонет в реке (на самом деле встала по колено в воду) и закричала:

- Вера, спаси! Я утону, если не дашь зерно! Оно волшебное, правда? Без него - пропаду!

Синица не полетела прочь. Она села на нос Лисы и запела:

- Верю я, что ты не утонешь. Вспомни Ноев ковчег - вера плывёт сквозь потоп. Возьми зерно - не для обмана, а для силы. Верь: Бог видит твои хвосты и любит их такими.

Лиса схватила зерно - оно хрустнуло, и внутри неё вспыхнул свет. Четвёртый хвост засиял, как звезда Вифлеема, тёплой, нестерпимой. «Почему она верит? - думала Лиса, жуя. - В меня, лгунью? Не боится, что я съем её? И вдруг… я верю. Что могу измениться. Шаги мои стали легче, как полёт». Она вышла из воды, обняла Синицу (осторожно, лапами) и прошептала:

- Твоя вера - как мост через реку. Я перешла. Абсурд: лиса обнимает птицу! Но в сердце - мир, как после причастия. - Лети, Вера, - сказала Лиса. - А я… пойду дальше. Может, и я научусь летать. - И побежала, а крылья в душе её трепетали.

Теперь лес стал поэтичным: листья падали под музыку сямисэна, а ветер пел:

Смирение - цветок,

Что гнётся, но не ломается.

Лиса, с четырьмя блестящими хвостами, вышла на лужайку, где стоял еж - маленький, в рясе паломника, с иголками, как кресты.

- Кто ты, колючий? - спросила Лиса, уже не так уверенно.

- Я - Смиренномудрие, - ответил Еж тихо. - Смиряюсь перед Господом и миром. А ты, кицуне, горда своими хвостами?

Лиса кивнула:

- Горда! И обману тебя! Она начала хвастаться: - Смотри, мои хвосты - девять чудес! А твои иголки - ерунда. Дай свой рюкзак с грибами, или я скажу, что ты - не еж, а… подушка с колючками!

Еж не обиделся. Он поклонился:

- Хвастайся, Лиса. Мои иголки - дар для защиты слабых. Возьми гриб - смиренно, как манна. Вспомни Христа: «Смиритесь, и возвыситесь». - Твои хвосты прекрасны, но сердце - важнее.

Лиса взяла гриб - сочный, земляной вкус! - и пятый хвост её озарился перламутром, скромным, как лунный свет. «Почему он смиряется? - думала она, глотая. - Не спорит, не хвастается в ответ. И я… вдруг почувствовала себя маленькой. Не гордой, а уязвимой. Шаги мои стали тише, как шёпот молитвы». Она села, свернулась калачиком и прошептала:

- Ты прав, Еж. Мои хвосты - не трофей, а… бремя. Научи смирению?

Еж улыбнулся:

- Смирение - не слабость, а сила. Как слон в посудной лавке: ломает, но учится осторожности.

Они посидели молча, и Лиса впервые почувствовала покой - без обмана.

- Спасибо, Смиренномудрие, - сказала она, вставая. - Ты - как тихий дождь в саду храма. - И пошла дальше, с сердцем, полным скромности.

Наконец, тропинка привела к храму - маленькому, из бамбука и брёвен, где колокола тихонько звенели, а иконы таинственно мерцали в свете лампад. Там сидела последняя фигура - мальчик в крестьянской тунике, с глазами, полными тепла, и корзиной хлебов.

- Кто ты, малыш? - спросила Лиса, уже дрожа. Шесть хвостов блестели, но она боялась.

- Я - Любовь, - ответил Мальчик. - Люблю всех: хитрых, добрых, даже лис с обманом в сердце. А ты?

Лиса попыталась:

- Обману и тебя!» - Но слова застряли. Она села и заплакала: - Я… хотела твой хлеб. Но… не могу. Твои друзья - Радость, Милосердие, все они… изменили меня.

Любовь обнял её:

- Любовь не обманывает. Возьми хлеб - делись. Вспомни заповедь: «Возлюби ближнего». - Ты уже честна - в сердце.

Седьмой хвост засиял алым, восьмой - фиолетовым, девятый - белым, как снег. Лиса почувствовала: «Я… честная. Шаги мои - теперь не бег, а танец. Сердце полно - радостью, милостью, всем». Она обняла Мальчика, и храм наполнился смехом: лиса танцует в обнимку с добродетелями!

Так Лиса стала честной. Она вернулась в нору, но теперь делилась едой, смеялась с друзьями и молилась под сакурой. И лес шептал:

Кицуне - танцует

Тень хитрости тонет в блеске росы.

Вечна весна.

Сага о маленьком рыбаке Иванко и каменном великане

В далёкой северной стране, где фиорды серебрятся под луной, как чешуя огромной рыбы, а ветер поёт саги о героях и великанах, жил-был маленький рыбак по имени Иванко. Ему было всего семь лет, но он уже умел чинить сети, что рвались о скалы, и петь старые песни, которые бабушка шептала у очага. Иванко был таким малым, что его сапожки - старые, сшитые из тюленьей шкуры - казались ему лодкой, а удочка - целым кораблём. Дети в деревне дразнили его: «Крошка-рыбак, сети плетёшь для пескарей!» Но Иванко не обижался. Он верил словам бабушки: «Маленький - не слабый, милый. В тебе искра Божья, ярче любого костра. Она растопит лёд и сдвинет горы». Эта вера теплилась в его груди, как уголь в золе, и когда он смотрел на море, сердце сжималось от тоски - по папе, ушедшему в бурю, и по тому миру, где малые становятся великими, как в сагах.

Иванко жил в маленькой хижине на краю утёса, с мамой и бабушкой. Папа ушёл в море три зимы назад - буря унесла его лодку, - и с тех пор мальчик каждое утро выходил на рыбалку. «Я поймаю самую большую рыбу, - мечтал он, - и мы зажжём свечи в церкви за упокой папиной души». По утрам он бежал к фиорду, где вода была синей, как глаза тролля из сказок, и бросал сеть. Рыба ловилась мелкой - одни селедочки, - но Иванко радовался каждой. «Спасибо, Боже, за этот улов, - молился он, крестясь. - Он - как манна небесная». В эти моменты его пальчики, обветренные и маленькие, дрожали от холода, но внутри разливалось тепло - тихое, упрямое, как северный рассвет.

Однажды, в день, когда солнце едва выглянуло из-за туч, как робкий гость на пир, Иванко вышел на утёс пораньше. Небо было серым, как волчья шкура, а волны шептали: «Берегись, берегись...» Мальчик забросил удочку - и вдруг! Крючок дёрнулся так, что удочка вырвалась из рук. «Ой-ой! - закричал Иванко. - Что там?» Он перегнулся через край утёса и увидел: в воде не рыба - огромный камень, весь в мхе, как борода великана. Но камень шевелился! «Это... это великан! - ахнул мальчик. - Каменный Великан из бабушкиных сказок!» Сердце его заколотилось - тук-тук, как барабан в груди, смесь страха, любопытства и восторга, от которой ладошки вспотели, а ноги приросли к земле.

Великан вынырнул из воды залива медленно, как из древнего сна. Он был огромен - голова его упиралась в небо, плечи - шире фиорда, а тело - из серого камня, поросшего лишайником. Глаза - два озера, мутные от вековой грусти. «Кто меня потревожил? - прогремел он голосом, как обвал в горах. - Маленький человечек? Ха! Ты - песчинка, а я - гора!» Великан схватил утёс одной рукой, и камни посыпались в воду, как слёзы. Деревня задрожала: хижины затрещали, коровы заблеяли, а мама Иванко закричала: «Беги, сынок!» В этот миг в груди мальчика что-то сжалось - боль за маму, за дом, но и искра упрямства вспыхнула ярче: «Нет, - подумал он, - бежать - значит сдаться. А я... я сын моря».

Иванко не убежал. Он стоял, крепко сжав кулачки, и вспомнил древнее сказание о рыбаке и Царь-рыбе: «Проси у рыбы чуда, но с верой в сердце».

- Великан! - крикнул мальчик, и голос его был звонким, как колокольчик в церкви, несмотря на дрожь в коленках. - Я не песчинка! Я - Иванко, сын моря. Зачем ты проснулся? Что тебе нужно?

Великан удивлённо моргнул - озёра его глаз блеснули, и в этой глубине мелькнула тень - не злоба, а одиночество, тяжёлое, как камень на душе.

- Мне... мне одиноко, - проворчал он. - Тысячу лет я спал под водой, охраняя сокровища. Но теперь буря разбудила меня, и я зол. Я затоплю вашу деревню, если не принесёшь мне три

дара: огонь, что не гаснет; песню, что трогает камень; и друга, что не боится тени!

Слова эти эхом отозвались в сердце Иванко - жалость к этому каменному исполину, спящему в одиночестве, смешалась со страхом за всех, кого он любил, и мальчик почувствовал, как слёзы жгут глаза, но он смахнул их: «Я… я найду».

Так началось большое испытание для маленького рыбака. Иванко вернулся в хижину, где мама плакала, а бабушка крестилась.

- Бабушка, - сказал он, - Великан - это тролль из из мира богов и великанов. Он злится от одиночества. Но я верю: Господь дал мне искру, чтобы растопить его камень.

Бабушка кивнула, вытерла слёзы и дала ему амулет - серебряный крестик с жемчужиной.

- Иди, внучок. Помни: «Сим победиши» - крестом победишь. И молись: «Отче наш» в пути».

В груди Иванко теплилась эта вера - как огонь в лампадке, дрожащий, но неугасимый, и он вышел из деревни на рассвете, с узелком: хлебом, солью и удочкой. Шаги его были лёгкими, но сердце билось тяжело - от страха перед неизвестностью, от любви к тем, кто ждал дома.

Путь его лежал через Туманные Холмы, где эльфы прячут грибы, и Ледяные Пещеры, где вихри поют баллады. «Первый дар - огонь, что не гаснет, - подумал он. - Где же он?» Вдруг из тумана вышел Старик-Эльф - маленький, с бородой, как мох, и глазами, искрящимися, как роса. В скандинавских сказаниях эльфы - хитры, но справедливы, и этот был добрым, как пушкинский кот учёный.

- Куда путь держишь, рыбачёнок? - спросил Эльф, вертя в руках светлячка. - Туман густ, как обман».

Иванко рассказал о Великане. Эльф посмеялся:

- Мал ты, да удал! Огонь не гаснущий - в твоей вере. Но сначала - испытание: найди в тумане Золотую Ягоду, что светит в темноте.

Туман сомкнулся, и Иванко ослеп. «Господи, - прошептал он, - веди меня, как Моисея через Красное море». Он шагнул вперёд, на ощупь, и сердце колотилось - тук-тук, от холода тумана и страха заблудиться, но пальцы наткнулись на куст. Ягода сияла, как звезда Вифлеемская. «Вот! - воскликнул мальчик. - Это Твой свет, Боже!» В этот миг тепло разлилось по груди - как обретение друга в одиночестве, и туман рассеялся чуть-чуть, открывая тропинку.

Эльф хлопнул в ладоши:

- Молодец! Возьми этот светлячок - он огонь не гаснущий. Но помни: огонь жжёт злобу, а греет добро.

Иванко спрятал светлячка в ладошку - тот теплил, как мамино объятие, и мальчик пошёл дальше, чувствуя, как эта теплота разгоняет холод в костях. Дальше путь лежал через Лес Шептунов, где деревья рассказывают секреты ветру. Здесь Иванко встретил Волчицу - серую, с глазами, как луна, и щенками, что жались к ней. Она была ранена: лапа в ловушке охотника.

- Помоги, человечек, - завыла она. - Я не съем тебя - у меня дети.

Иванко замер:

- Волчица, ты сильная, как великан, но справедливость - в милосердии. - Сердце его сжалось от вида этих щенков - голодных, дрожащих, - и жалость к ним, как к своим воспоминаниям о папе, подтолкнула вперёд. Он помолился: «Господи, исцели её, как Ты исцелил прокажённого». С этими словами он осторожно открыл ловушку, и перевязал лапу куском своей рубахи.

Волчица лизнула его руку:

- Спасибо. За это я дам тебе песню - вторую дар. Слушай! - И завыла балладу: низкую, как гул земли, трогающую камень до слёз. Эта песня эхом отозвалась в душе Иванко - грусть по утраченному, но и надежда на встречу, и слёзы навернулись на глаза, теплые, очищающие.

Иванко запомнил песню - она эхом отзывалась в груди, как дыхание ветра в парусах. «Теперь - друг, что не боится тени, - подумал он. - Кто же?»

Путь привёл к Ледяным Пещерам, где сталактиты - как клыки дракона, с которых капают капли слюны. Вход охранял… Теневой Гном - маленький, чёрный, как ночь, с глазами-угольками.

- Кто посмел? - пискнул он. - Я - страж теней! Уйди, или поколочу!

Иванко улыбнулся: «Гном, ты тоже мал, как я. Но тени - от света. Давай дружить?

Гном фыркнул:

- Дружить? С тобой? Ха! Испытание: пройди через мою тьму без страха.

Пещера сомкнулась - чёрная, холодная, как могила. Иванко шёл, спотыкаясь, и шептал: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня!» Вдруг он увидел: в углу - забытый свечник с огарком. Мальчик зажёг его от светлячка - и тени отступили! Гном ахнул:

- Ты… не боишься? Ты - свет! - Он бросился к Иванко и обнял: - Я буду твоим другом! Тени - мои, но с тобой они - друзья.

В этот миг объятия Гнома - крепкие, несмотря на малость - растопили последний холод в груди Иванко, и он почувствовал себя не одиноким странником, а частью чего-то большего, как куплет в цепи саги.

Теперь Иванко был готов. С дарами - светлячком, песней и Гномом на плече - он вернулся к фиорду. Великан ждал, топая ногой: волны вздымались, как горы.

- Где дары, песчинка? - заревел он. - Или я раздавлю твою деревню!

Деревня в панике: люди прятались, коровы уплыли. Мама Иванко кричала:

- Сынок, беги!

Но Иванко шагнул на воду - чудо! - и она стала твёрдой, как лёд.

- Великан! - крикнул он. - Я принёс дары. Первый - огонь не гаснущий! -Он открыл ладошку: светлячок вспыхнул, и камень Великана потеплел, трещины в нём заблестели, как жилы золота.

- Второй - песня, что трогает камень!» Иванко запел волчью балладу: «Воо-ууу, сердце каменное, вспомни свет…» Глаза Великана - озёра - заблестели слезами, и слёзы эти -

тяжёлые, как глыбы - покатились по щекам, размывая мох, открывая под ним трещины боли, вековой тоски по свету.

- Третий дар - друг, что не боится тени!

Гном спрыгнул с плеча и заплясал:

- Я здесь! Тени - наши с тобой! Великан замер, потом… заплакал. Слёзы его - реки - смыли мох, и под камнем открылось сердце: золотое, как солнце.

- Я… я был одинок, - загремел он мягко, и голос его дрогнул, как эхо в пещере. - Тысячу лет охранял сокровища, но забыл о любви. Ты, маленький, победил меня доблестью и справедливостью. Спасибо, Иванко. Ты - настоящий герой моря.

В этот миг в груди Иванко разлилось тепло - не гордость, а облегчение, как после долгой бури, когда видишь берег, и слёзы его смешались со слезами Великана, солёные, но очищающие.

Великан встал на колени - земля вздрогнула, но ласково.

- Я верну твоему отцу лодку, - сказал он. - Буря спрятала её в моих сокровищах.

И правда: из воды выплыла лодка папы - целая, с рыбой в сетях! Папа Иванко был жив - вынесло его на остров, и он молился о семье. Они обнялись: отец, сын, мама, бабушка. Объятия эти - крепкие, дрожащие от слёз - сомкнулись, как круг, и в нём потонул весь страх, оставив только свет искры Божьей. Великан улыбнулся:

- Теперь я - Страж Фиорда. А ты, Иванко, - мой брат по искре Божьей.

С тех пор в деревне праздновали День Маленького Героя. Иванко учил детей: «Верьте в себя - Господь в вас. Доблесть - в шаге вперёд, справедливость - в помощи слабому».

А Великан иногда приходил - садился у костра, слушал песни и шептал: «Маленькие - самые сильные». И в тихие ночи, когда фиорд шептал саги, сердце Иванко билось ровно - тук-тук, - полное той же искры, что растапливала камни и связывала друзей.

И жили они счастливо, потому что знали: чудо - в сердце.

Девочка, которая нашла радугу

В маленькой деревеньке у широкой реки, где домики теснились под зелёными крышами, словно птенцы в гнезде, жила-была девочка по имени Наташа.

Ей было семь лет, и она была такой доброй, что даже журавли в небе кружили над её огородом, надеясь на крошку хлеба с солью.

Наташа любила бегать босиком по мокрой траве после дождя, собирать ромашки и шептать им свои секреты - о далёких странах, где звёзды поют колыбельные, а цветы светятся в темноте.

Но иногда, когда солнце пряталось за тучами, а река грустила серыми волнами, в груди Наташи поднималась тоска - тяжёлая, как мокрый плащ.

«Почему мир такой обычный? - думала она, прижимаясь к бабушкиной руке у окна. - Где же настоящие чудеса, о которых рассказывала бабушка? Где радуги, что ведут в сказку, и герои,

что побеждают тьму?»

Эта тоска сжимала её сердечко, как холодный кулак, но в глубине теплилась искорка - та самая, что бабушка звала искрой от Бога.

И Наташа шептала молитву:

«Господи, если Ты слышишь, зажги во мне свет, чтобы увидеть Твои чудеса».

Однажды, в пасмурный осенний день - это было как раз в октябре, когда листья кружились в золотом танце, а воздух пах грибами и мокрой землёй, - прошёл сильный дождь.

Капли стучали по крыше, как пальчики невидимого гостя, а Наташа сидела у окна и рисовала радугу - ту, что соединяет небо и землю, с замками из облаков и драконами, спящими на холмах.

Вдруг небо прояснилось.

Солнце выглянуло - робкое, но смелое, - и над рекой повисла огромная радуга.

Она была не такая, как всегда: яркая, как семь волшебных лент, сотканных из драгоценных камней - красный рубин любви, оранжевый топаз дружбы, жёлтый сапфир смеха, зелёный изумруд надежды, синий аквамарин веры, индиго - камень тайн, и фиолетовый аметист мечты.

Радуга не исчезала: она мерцала и искрилась, и в её изгибе мелькали тени - крылья ангелов, рога единорогов, доспехи рыцарей и шпаги принцев.

- Ой! - ахнула Наташа, и сердце её подпрыгнуло, как ласточка в полёте. - Она зовёт меня!

Первый шаг - и Наташа очутилась в Волшебном Лесу, где деревья пели колыбельные на языке ветра, а цветы кивали головками, словно старые друзья на празднике.

Красные маки танцевали вальс под луной, синие колокольчики звенели, как церковные в праздник, а золотые лилии светились, словно лампады в храме.

Воздух искрился пыльцой фей - крошечных, с крылышками из радуги, - и Наташа ахнула, чувствуя, как грудь расширяется от чуда, а ножки сами несут её вперёд по ковру из мха, мягкому, как перинка.

Вдруг из кустов выскочил пушистый заяц с крылышками бабочки - Зайчик-Радостник, с глазами, как сапфиры.

- Добро пожаловать, Наташа! - пропищал он, хлопая ушками. - Мы ждали тебя, искру Божью! Но беда - Злой Колдун Тенегрив, с посохом из чёрного оникса, и его сестра Ведьма-Змейка, с котлом яда, украли наши цвета. Лес тускнеет, как душа без молитвы!

Наташа ахнула, и сердце её сжалось от этой картины: листья пожелтели, как осенние, ручей журчал грустно, без блеска, а феи прятались в лепестках, дрожа от холода тьмы.

- Кто такой Тенегрив? - спросила Наташа, погладив Зайчика и чувствуя под пальцами его тёплую шерстку, дрожащую от страха. - И где они?

Зайчик всхлипнул, и слеза его скатилась - жемчужная, искрящаяся.

- Они - слуги Теневого Волка, повелителя сомнений. Живут в Тёмной Пещере за Семью Речками Волшебного Царства. Если не вернуть цвета, весь мир станет серым, как пепел после пожара!

Наташа кивнула, и в груди её вспыхнула решимость - острая, как шип розы, но тёплая, как объятие.

- Я пойду! - прошептала она. - Но я боюсь… тьмы, колдунов…

Зайчик улыбнулся, и крылышки его затрепетали.

- Страх - как тучка перед бурей. А твоя молитва - солнышко. Давай вместе! Я знаю: по пути встретятся союзники - принцы в доспехах света, единороги с рогами-радугами, гномы-кузнецы с молотами веры.

Они отправились в путь, и лес ожил - птицы запели, эхом откликаясь на их шаги.

По дороге Наташа училась первым превращениям: волшебство здесь было не в палочке, а в сердце - добром и вере, что искрилась, как звезда в ладони.

У Первой Речки - Живой, что пела песни на языке русалок, с водами, сверкавшими, как чешуя дракона, - Наташа увидела лягушонка, застрявшего в тине, чёрной, как яд ведьмы.

- Помоги мне, - квакнул он, глаза его, зелёные, как изумруды, полны отчаяния, а тельце дрожит от холода. - Я потерял свой прыжок: Змейка-ведьма наложила заклятье!

Наташа сложила ладошки и прошептала:

- Господи, дай силы!

И вдруг ноги её стали пружинистыми, как у кузнечика, а плащ превратился в крылья феникса - золотые, сияющие.

Она прыгнула через речку, схватила лягушонка - тёплого, мокрого, - и вернула ему цвет: яркий, как трава после дождя, с искрами света, что разогнали чёрную тину.

Эта радость, внезапная и чистая, разогнала тоску.

Наташа надела свой любимый красный плащ - тот самый, что бабушка сшила с молитвой о защите, - и побежала к реке, чувствуя, как ножки дрожат от волнения, а в груди разливается тепло.

Наташа подошла к радуге и протянула руку.

Пальчики коснулись ленты - и, о чудо! - рубиновая нить заискрилась под кожей, тёплая, живая, как биение сердца.

- Это мост в Небесный Сад, - прошептал ветерок, ласковый, как вздох ангела. - Но только тот, кто верит в добро и хранит искру Божью, сможет пройти. Зло поджидает на пути - колдуны с чёрными посохами, ведьмы с ядовитыми зельями, - но свет твой ослепит их.

Наташа вспомнила бабушкины слова:

«В каждом из нас живёт искорка от Бога. Она светит ярче любой радуги, побеждает драконов,

и от неё тает лёд в сердцах».

Девочка закрыла глаза, чувствуя, как слёзы радости жгут веки, и прошептала:

«Господи, помоги мне быть смелой и доброй. Пусть Твоё чудо ведёт меня, как ангелы ведут праведных».

И шагнула на радугу.

Лента качнулась под ножками, как мост из паутины, и Наташа почувствовала вихрь - цвета кружились вокруг, шептали свои тайны, а в ушах звенел тихий хор:

«Добро, добро, добро…»

Первый шаг - и Наташа очутилась в Волшебном Лесу, где деревья пели колыбельные на языке ветра, а цветы кивали головками, словно старые друзья на празднике.

Красные маки танцевали вальс под луной, синие колокольчики звенели, как церковные в праздник, а золотые лилии светились, словно лампады в храме.

Воздух искрился пыльцой фей - крошечных, с крылышками из радуги, - и Наташа ахнула, чувствуя, как грудь расширяется от чуда, а ножки сами несут её вперёд по ковру из мха, мягкому, как перинка.

По дороге Наташа училась первым превращениям: волшебство здесь было не в палочке, а в сердце - добром и вере, что искрилась, как звезда в ладони.

У Первой Речки - Живой, что пела песни на языке русалок, с водами, сверкавшими, как чешуя дракона, - Наташа увидела лягушонка, застрявшего в тине, чёрной, как яд ведьмы.

- Помоги мне, - квакнул он, глаза его, зелёные, как изумруды, полны отчаяния, а тельце дрожит от холода. - Я потерял свой прыжок: Змейка-ведьма наложила заклятье!

Наташа сложила ладошки и прошептала:

- Господи, дай силы!

И вдруг ноги её стали пружинистыми, как у кузнечика, а плащ превратился в крылья феникса - золотые, сияющие.

Она прыгнула через речку, схватила лягушонка - тёплого, мокрого, - и вернула ему цвет: яркий, как трава после дождя, с искрами света, что разогнали чёрную тину.

- Ура! - заквакал Лягушонок-Прыгун, и в голосе его зазвенела радость, эхом отозвавшись в сердце Наташи, заставив её улыбнуться сквозь слёзы.

- Теперь я твой друг! Превращение - это когда делишься добром, и оно возвращается сторицей, как эхо молитвы.

Наташа засмеялась, чувствуя, как лёгкость разливается по венам, а страх отступает, как тень от солнца.

За Первой Речкой ждала Вторая - Шепчущая, где вода рассказывала сказки о принцах и драконах, а берега были усыпаны жемчугом русалочьих слёз.

Здесь Наташа увидела птицу без крыльев - Серую Птичку, сидевшую на ветке и плакавшую; перья её были тусклыми, как пепел.

- Мои перья поблёкли, - чирикнула она, и слёзы её падали - серебряные, холодные, - на землю, где вырастали шипы терновника. - Колдун Тенегрив сжёг их чёрным пламенем.

Наташа заплакала вместе с ней:

- Бедненькая… - прошептала она, и сердце её разрывалось от жалости, такой знакомой, как тоска по чуду. - Я тебя обниму.

Она тихо помолилась:

- Господи, наполни нас Твоим светом, как наполнил Ты ангелов крыльями.

И вот - чудо! Руки Наташи покрылись оранжевыми перьями - пушистыми, как закат над рекой, - и она взмахнула ими, взлетая!

Ветер подхватил её, мягкий, ласковый. Наташа подлетела к Птичке, поцеловала её в дрожащий клювик - и перья той засияли, как оранжевый топаз, а шипы растаяли, словно дым.

- Спасибо! - пропела Птичка, и её крылья трепетали от счастья, эхом откликаясь в груди Наташи. - Теперь я - Оранжевая Певица! Лети со мной!

Они кружились над лесом, и Наташа видела внизу хрустальные замки, где принцы в серебряных доспехах с мечами-крестами бдели над сном фей, и стада единорогов, чьи рога сияли радугами после бури.

Третья Речка - Игривая - бурлила пеной, как молоко в котле ведьмы, но с блёстками, словно чешуя доброго дракона.

Там ждал Енот-Хитрец, запутавшийся в чёрных корнях.

- Я хотел украсть орехи для пира гномов, - хныкал он, полосатая мордочка сморщилась от боли, - но теперь боюсь Тенегрива. Он шепчет: «Ты плохой, крадёшь свет».

Наташа присела рядом:

- Нет, ты хороший! Просто поделись орехами с друзьями - как Бог делится манной.

Она помолилась:

- Господи, научи нас прощать, как Ты прощаешь грешников.

И вдруг хвостик её стал полосатым, как у енота, а глаза засияли хитрым светом - тёплым, жёлтым, словно сапфир.

Наташа аккуратно разобрала корни, как клубок ниток из старинного гобелена, и Енот засиял - ярко, солнечно, смеясь звонко и радостно.

- Ха-ха! - расхохотался он, и смех его разогнал последние тени. - Превращение - это когда зло тает от доброты, как лёд под солнцем. Идём вместе!

Теперь у Наташи была команда: Зайчик с крылышками, Лягушонок-Прыгун, Оранжевая

Певица и Енот-Хитрец.

Они пели:

«Мы ищем цвета, несём свет!

Добро побеждает, как Бог велит!»

Песня эхом разносилась по лесу, трогая сердца - и феи вылетали из укрытий, хлопая крылышками в такт.

Четвёртая Речка - Тихая - текла медленно, как сон ангела, отражая днём звёзды.

Здесь Наташа нашла цветок, что не цвёл - Розу-Храбрицу, лепестки её были увядшими, как сердце в плену у ведьмы.

- Я боюсь расцвести, - шептала Роза, голос её дрожал. - Вдруг ведьма Змейка сорвёт меня для своего зелья?

Наташа обняла её:

- Цвети для радости! Бог создал тебя прекрасной, как райский сад.

Она помолилась - и вдруг сама стала зелёной бабочкой, с крыльями-лепестками, усыпанными изумрудами.

Порхая над цветком, она осыпала его пыльцой - сладкой и целительной, - и Роза расцвела синим, как аквамарин, источая аромат, что разогнал тьму.

- Спасибо, - прошептала Роза, и лепестки её трепетали от благодарности, заставляя сердце Наташи биться в унисон. - Ты - сестра моя.

Пятая Речка - Смешливая - булькала, как смех гномов в пещере сокровищ, с пеной, искрящейся, словно алмазы. Здесь пряталась рыбка без чешуи - Золотая Рыбка; чешуйки её поблёкли от заклятья колдуна.

- Я стыжусь, - вздохнула она, хвостик дрожал от печали. - Не сверкаю, как прежде…

Наташа нырнула в воду - и чешуйки её сами стали цвета индиго, глубокого, как ночной аметист. Она поцеловала рыбку, и та вновь засияла - синим светом, с искрами, что осветили всю речку.

- Ты - сокровище! - прошептала Наташа, чувствуя, как радость рыбки - лёгкая, как пузырёк воздуха, - поднимает её на поверхность.

Шестая Речка - Поющая - подарила фиолетовый цвет голосу Наташи, и она запела гимн: «Слава Богу за чудеса!» Голос её эхом разнёсся по долинам, тронул даже камни - и те кивали, будто старцы в храме.

Седьмая Речка - Мудрая - была последней. Воды её были, как зеркало, отражающее судьбы.

- Ты готова к Тёмной Пещере? - спросила она голосом глубоким, как удар колокола. - Там ждут тебя Тенегрив, Змейка и Волк - зло втроём.

Наташа кивнула, но сердце стучало - бум-бум, словно барабан перед битвой.

- Друзья, я боюсь… - прошептала она, и горячие слёзы скатились по щекам. - Волка, колдуна, ведьму…

Зайчик обнял её лапками:

- Зло побеждается не кулаками, а любовью. Помни: внутри нас - Любовь - Жизнь Мира.

Команда кивнула, и в их глазах - в отражении веры - Наташа увидела себя: маленькую, но сияющую.

Тёмная Пещера зияла чёрной пастью, как голодный дракон. Стены её были из базальта, усыпанного паутиной теней, а воздух - тяжёлым, пропитанным запахом серы и злобы.

В глубине выл Теневой Волк:

- Гр-р-р! Я съем ваши цвета! Вы все серые, ничтожные!

Он был огромен: шерсть - чёрная, как ночь без звёзд, глаза - как тучи с молниями, а вокруг клубилась тьма - сомнения, обиды, злые слова.

Рядом стоял Колдун Тенегрив - высокий, в плаще из вороньих перьев, посох его искрился чёрным пламенем. А Ведьма-Змейка шипела, мешая в котле зелье - зелёное, как змеиный взгляд.

Друзья Наташи задрожали: Лягушонок спрятался в её ладони, Птичка прижалась к плечу. Но Наташа шагнула вперёд, чувствуя, как страх сжимает горло, а искра в груди пылает всё ярче.

- Стойте! - крикнула она. Голос дрожал, но был чист, как звон колокольчика. - Вы не злые по-настоящему. Вы просто потерялись в темноте.

Тенегрив, твоя магия - от зависти к свету.

Змейка, твои зелья - от боли одиночества.

Волк, твои клыки - от страха.

Позвольте, я помогу вам найти Свет!

Волк зарычал, Колдун взмахнул посохом - чёрное пламя взвилось, ведьма плеснула ядом, - и тьма сомкнулась, холодная, удушающая. Наташа замерла, сердце колотилось - тук-тук, как молот гнома. Слёзы текли по щекам, но она помолилась громко:

- Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас! Зажги Твой свет!

Искорка в ней вспыхнула радугой - все цвета разом, ослепительные! И вот - превращение! Наташа стала Светлым Ангелом: крылья из света, платье - из семи лент радуги, венец - из звёзд. Но не одна - зов её разнёсся, и союзники явились: Принц Светозар, в доспехах из серебра и золота, с мечом-крестом, что сиял, как солнце; Единорог Рогатый - рог его радугой сверкал, копыто топтало тьму; Гномы-Кузнецы с молотами, выкованными в огне веры, гремели гимны; даже Добрый Дракон - чешуя зелёная, как надежда, крылья - как паруса ветра - взревел, изрыгая очищающее пламя, не жгущее, а исцеляющее.

Битва разгорелась яркая, как фейерверк в небесах. Принц Светозар рубил чёрное пламя мечом - искры летели золотые, целительные. Единорог топтал паутину теней, рог его сиял, разрывая заклятья. Гномы били молотами по котлу ведьмы - бам-бам! - и яд испарялся, превращаясь в пар из цветов. Дракон дунул - и огонь его растопил лёд сомнений в сердце Волка.

Тенегрив взвыл, посох треснул:

- Свет… жжёт! - закричал он.

Змейка зашипела, но зелье её забулькало радугой.

Наташа-Ангел обняла Волка:

- Не бойся. Свет - это любовь. Поделись ею, и ты сам станешь ярким.

Волк всхлипнул - не рыча, а плача, - и тьма растаяла. Под ней оказался… щенок с серой шерсткой, дрожащий, но с глазами, полными надежды.

- Я был тенью обиды, - тявкнул он. - Спасибо. Теперь я - Волчонок-Друг.

Тенегрив упал на колени, посох его стал посохом пастуха:

- Я завидовал свету… Прости.

Змейка сбросила плащ - под ним оказалась девица в зелёном:

- Одиночество сломало меня. Теперь я - Зелёная Целительница.

Лес ожил! Цвета вернулись: красный - для сердец, что бьются в любви; оранжевый - для дружбы, крепкой, как доспехи Принца; жёлтый - для смеха, звонкого, как молоты гномов.

Все пели:

- Чудо внутри нас! Добро побеждает зло!

Ангелы спустились, крылья их - белые с золотом - осыпали всех манной мира. Принц Светозар склонил голову:

- Ты, Наташа, - принцесса света.

Единорог затрубил, и рог его коснулся её - искра вспыхнула, вечная.

Наташа попрощалась с друзьями - объятия были тёплыми, слёзы - радостными.

- Возвращайся! - крикнули они. - Волшебство - в добрых делах!

Радуга вернула её домой. Дождь кончился, но в небе мерцала дуга - с тенями крыльев. Бабушка обняла Наташу:

- Видишь, чудеса - в вере и любви. Как в той сказке про Бога, что ходил по воде, побеждая бури.

С тех пор Наташа видела волшебство везде: в улыбке сестрёнки - как перо феникса; в молитве перед сном - как песня ангела; в помощи соседскому котёнку - как прыжок единорога.

Когда тоска подкрадывалась, она шептала: - Господи, зажги мою искорку! - и мир сиял ярче - с принцами в каждом добром взгляде, с драконами в огне камина, с гномами в ковке снежинок.

И жили они счастливо, потому что знали: Бог - лучший сказочник, а в каждом сердце живёт радуга, что ведёт к победе.

Битва за град Злато-Крест

В далёкой древней Руси, когда по ночам над избами кружили звёзды, похожие на золотые пчёлки, а по утрам петухи пели «Христос воскресе!», жил в деревне Смородиновка отрок Александр. Восемь весен отплясал он на зелёных лужайках, и был он статен, как берёзка у дороги: русые вихры, глаза - два светлых озерца, в которых отражались облака, а на груди - крестик кипарисовый, тёплый, будто только что из рук Богородицы.

Внутри Саши жило сердце-огонёк. Оно не просто стучало - оно пело. Пело про маму, что пекла пироги с капустой и мёдом; про папу, что учил держать топор «не за лезвие, а за любовь»; про старого пса Барбоса, который охранял двор и мечтал о рае для собак. Но больше всего огонёк пел: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» - потому что бабушка Анисья каждую ночь учила Сашу складывать ладошки лодочкой и шептать эту короткую, но самую сильную песню.

Однажды, в самую тёмную ночь на Покров, когда первый снежок падал на крыши тихо, как ангельские перышки, в Сашину светлицу вошёл старец Никодим Святогорец. Он пришёл не по полу - он пришёл по воздуху, будто по небу ступал. Борода его была серебрянее инея, глаза - глубже колодцев, а посох светился, как свеча в пещере. Внутри старца горел целый храм: там стояли лампады, от которых пахло ладаном и маминым пирогами одновременно.

Старец положил ладонь на Сашину голову - и ладонь была тёплая, как летнее солнышко.

- Отрок Александр, - прошептал он голосом, похожим на колокольчик, - вставай! Пора увидеть твой град.

Саша открыл глаза - и ахнул. Он стоял не в своей кроватке, а на высокой-высокой башне. Под ногами - белый камень, тёплый, как хлеб. Вокруг - стены из чистого золота, такие яркие, что в них можно было увидеть своё отражение и улыбку Христа сразу. На каждой башне - маковка с крестом, и кресты эти пели тихо-тихо: «Свят, свят, свят». Над главными вратами - икона Богородицы «Знамение»: Она держала на руках Младенца, а Младенец протягивал Саше яблочко райское, красное, как заря.

Внутри града цвели яблони, от которых пахло Пасхой. По дорожкам бегали соловьи в серебряных колокольчиках на шеях. Посреди двора бил родник Живой Воды - вода в нём была не просто мокрая, она смеялась и прыгала, как щенок. А над всем градом висел флаг с надписью золотыми буквами: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя!» - и буквы эти светились, будто внутри каждой жила звёздочка.

- Это твой Ум Чистый, - сказал старец Никодим, и глаза его улыбались. - Здесь живёт твоя радость, твоя любовь, твоя молитва. Но смотри вниз, за реку…

Саша перегнулся через зубец - и сердце его ёкнуло. За рекой Смородинкой, в Чёрном Борю, притаился Змей Горыныч Тьмы. Три головы, шесть глаз-углей, чешуя - как ночь без месяца. Когда Змей дышал, из пастей вылетали не огонь, а холодный дым зависти. Внутри Змея было пусто и холодно: он ненавидел свет, потому что сам светился только ложью.

- Он хочет захватить твой град, - продолжал старец. - Не мечами - шёпотами. Каждый шёпот - чёрный ворон. Если впустишь хоть одного - он расклюёт яблони, засыплет родник грязью, погасит лампады.

Саша крепче сжал кулачки.

- А как защищаться?

Старец улыбнулся и положил в Сашину ладошку три дара:

Копьё Памяти Божией - длинное, лёгкое, с наконечником в виде Лика Христа.

Меч Иисусовой молитвы - короткий, но острый, как молния.

Щит Смирения - простой, деревянный, но на нём золотом: «Без Меня не можете творити ничесоже».

- Носи их всегда, - сказал старец. - И помни: ты не один. За спиной - Господь, по бокам - ангелы, внизу - вся деревня молится. А теперь - на стражу!

Саша надел кольчужку из света, шлем-звёздочку - и встал у зубца. Ветер трепал его русые косы, а в сердце пело: «Господи, помилуй». И град Злато-Крест сиял так ярко, что даже Змей в Чёрном Борю зажмурился.

Так отрок Александр впервые увидел свою душу-красавицу. И понял: быть стражем - это не просто стоять. Это петь, любить, молиться каждую секунду. И тогда ни один ворон не пролети́т.

Ночь опустилась на Смородиновку мягким пуховым одеялом. Луна повесила над рекой серебряное зеркало, в котором отражался весь град Злато-Крест. Саша стоял на башне, босой - потому что камень был тёплый, как мамины руки. В правой руке - Копьё Памяти, в левой - Меч Молитвы, а на груди - Щит, привязанный верёвочкой, чтобы не мешал бегать.

Вдруг из Чёрного Бора донёсся шёпот - тонкий, как паутинка, но липкий, как смола:

- Саша… Саша… Почему у боярского сына Ивана конь белый, как снег, а у тебя кобылка хромая? Несправедливо…

Шёпот превратился в чёрного ворона-зависть. Перья у него были зелёные, как яд, глаза - два изумруда, а клюв - кривой, как вопрос «почему?». Ворон взмахнул крыльями, пролетел над рекой и застучал в стену:

Тук-тук-тук!

- Впустите! Я всего лишь мысль!

Саша почувствовал, как в сердце кольнуло. Представил белого коня, золотую уздечку, смех Ивана… И на миг подумал: «А правда, почему не мне?»

Но тут же вспомнил старцевы слова: «Не спорь с помыслом! Спор - это корм для тьмы». Саша крепко сжал Копьё Памяти Божией и поднял его к небу. На наконечнике засветился Лик Христа: глаза добрые, как у папы, когда прощает; улыбка тёплая, как мамин пирог. Свет ударил в ворона - и ворон завизжал, будто его обварили кипятком.

- Помнишь, - прошептал Лик, - блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное?

Саша кивнул. Вспомнил, как папа говорил: «Конь - не радость. Радость - когда помогаешь маме дрова носить». Вспомнил, как кобылка хромая всё равно довезла бабушку Анисью до храма на Рождество. И сердце его запело: «Спасибо, Господи, за мою кобылку! Спасибо за ноги, что бегают! Спасибо за всё!»

Ворон-зависть вспыхнул зелёным огоньком, рассыпался пеплом, и пепел унёс ветерок-ангел. Змей Горыныч в Чёрном Борю зарычал так, что листья попадали с деревьев. Первая голова его поникла.

Саша подпрыгнул от радости. Побежал по стене, крича:

- Победа! Победа!

Ангел-Хранитель, что стоял рядом невидимый, улыбнулся и записал в небесную книжечку: «Отрок Александр отбил зависть. Плюс одна звёздочка на венец».

Саша спустился во двор града, к роднику Живой Воды. Вода смеялась и прыгала. Он зачерпнул ладошками, умыл лицо - и вода запела внутри него: «Радуйся, радуйся!» Яблони зацвели новыми цветами, соловьи завели трели. Даже Барбос, спавший внизу в деревне, вильнул хвостом во сне.

Но Саша не заснул. Он знал: Змей готовит новую вылазку. Он встал на колени перед иконой Богородицы и прошептал:

- Матушка Заступница, помоги не завидовать никогда!

И Богородица кивнула - Саша увидел! - кивнула и улыбнулась. А из глаз Её упала слёзка-жемчужина и скатилась прямо в Сашину ладошку. Жемчужина стала маленьким зеркальцем. В нём Саша увидел себя верхом на хромой кобылке - и оба они сияли, как солнце.

Так прошла первая ночная вылазка. Саша понял: зависть - это не просто «хочу чужое». Это дырочка, через которую уходит своя радость. А когда дырочку затыкаешь благодарностью - радость возвращается сторицей.

Утро встало над Смородиновкой розовое, как мамин платок. Петухи пропели «Христос воскресе!», хотя Пасха была ещё далеко - просто радовались. Саша проснулся с песней в сердце. Он надел рубаху, подпоясался верёвочкой, взял ведёрко и пошёл к колодцу - набирать воды для чая.

По дороге встретил друга Мишку. Мишка нёс пирог с капустой - мама напекла.

- Мишка, дай кусочек! - крикнул Саша.

Мишка покачал головой:

- Это бабушке. Ей зубы болят, ей мягкий нужен.

Саша улыбнулся: «Конечно, бабушке важнее». Но в это время из Чёрного Боря высунулась вторая голова Змея и зашипела:

- Он тебя не любит! Не поделился! Обидно!

Шёпот стал серым волком-обида. Шерсть у него колючая, глаза красные, как угольки, зубы - ледяные. Волк прыгнул через реку и подкрался к воротам града:

- Впустите! Я всего лишь «ну и ладно»!

Саша почувствовал, как в груди зашевелился холодок. Губы сжались, кулачки тоже. Представил, как Мишка ест пирог один, хихикает… И на миг подумал: «Не буду с ним дружить».

Но тут же вспомнил: «Не веди переговоров!» Саша схватил Меч Иисусовой молитвы - короткий, но такой острый, что воздух зазвенел. Поднял над головой и крикнул так, что эхо разнеслось до Киево-Печерской лавры:

- Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!

Меч сверкнул - раз! - и волк-обида взвизгнул, будто его обварили кипятком. Он завертелся юлой, шерсть посыпалась клочьями, глаза потухли. А потом - фьють! - растаял, как утренний туман. Остался только серый дымок, который Ангел-Хранитель сдул в сторону Чёрного Бора.

Змей зарычал, вторая голова поникла. А Саша… Саша рассмеялся так звонко, что воробьи подлетели посмотреть. Он подбежал к Мишке, обнял его и сказал:

- Передай бабушке, что я её люблю! И пирог пусть ест на здоровье!

Мишка удивился, но улыбнулся в ответ. А в граде Злато-Кресте родник Живой Воды запрыгал выше обычного - до неба доставал! Яблони зацвели вторым слоем цветов, и каждый цветок пел: «Прости! Прости! Прости!»

Саша зачерпнул воды, умыл лицо - и вода запела внутри него: «Люби! Люби!» Он понял: обида - это не просто «мне больно». Это колючий комок, который мешает обнимать друзей. А когда комок выкидываешь молитвой - руки становятся свободными для объятий.

Дома мама встретила его с улыбкой:

- Что ты такой радостный, сынок?

- Мама, я победил волка!

- Какого волка?

- Серого, мохнатого, зубастого. Но он растаял!

Мама перекрестила его и дала целый пирог - с мёдом. Саша отломил половину и побежал к Мишке: «Это бабушке, а это нам с тобой!»

Так утро у колодца научило отрока: прощать - это не «ладно, проехали». Это открывать ворота настежь, чтобы в град влетали только ангелы с пирогами.

Солнце встало в зенит, стало жарко, как в райской баньке. Саша с папой пошли в поле - косить траву для кобылки. Папа дал ему маленький серп, и Саша старался: раз - травка падает, два - травка падает. Вдруг из Чёрного Боря высунулась третья голова Змея и захихикала:

- Пошли павлина!

Павлин-гордыня вышел на тропинку важный, как князь. Перья радужные, корона золотая, хвост - как сто солнц. Он расхаживал перед Сашей и распушал перья:

- Саша, ты самый сильный! Самый умный! Зачем слушать папу? Коши быстрее - покажи, кто здесь хозяин!

Саша на миг подумал: «А правда, я могу быстрее». Серп в руках стал тяжелее, спина выпрямилась, в груди зашевелилось: «Я! Я! Я!»

Но тут же вспомнил слова старца: «Гордыня - предатель, открывающий ворота». Саша опустил серп, взял Щит Смирения - простой, деревянный, с надписью золотом: «Без Меня не можете творити ничесоже». Поднял щит к солнцу - и свет отразился в нём, как в зеркале.

Павлин ослеп! Закричал: «Ой, глазки! Ой, перышки!» - завертелся волчком, перья посыпались фальшивыми блестками. А потом - шух! - улетел за реку, оставив только одно перо, которое ветерок подхватил и унёс в небо.

Змей завыл, третья голова поникла. А Саша… Саша упал на колени в траву и прошептал:

- Господи, прости мою гордость. Я ничего без Тебя.

И в тот же миг папа подошёл, обнял его и сказал:

- Молодец, сынок. Вместе косить - веселее.

Саша улыбнулся. Они косили рядом: папин серп - большой, Сашин - маленький, но травка падала ровными рядами. Пахло мятой, ромашкой и Божьей любовью. В граде Злато-Кресте яблони зацвели третьим слоем - белым, как снег. Соловьи запели так громко, что даже Змей в Чёрном Борю заткнул уши.

Саша понял: гордыня - это не просто «я крутой». Это тяжёлый камень в кармане, от которого спотыкаешься. А когда камень выкидываешь - ноги становятся лёгкими, как у ласточки.

Вечером папа похвалил:

- Ты сегодня косил, как настоящий богатырь!

Саша покраснел и сказал:

- Это мы вместе, папа. С Богом.

Так полдень в поле научил отрока: смирение - это не «я маленький». Это «я с Богом - и потому великий».

Солнце склонилось к закату, небо стало малиновым, как мамин платок. Саша сидел на башне, ноги свесил, и считал звёздочки. Вдруг Змей Горыныч Тьмы разозлился по-настоящему. Три головы поднялись, пасти раскрылись, и из них вырвалась буря: чёрные вороны-лень, серые волки-гнев, зелёные змеи-зависть, синие стрелы-уныние. Они закружили над градом, загремели:

- Зачем молиться? Зачем трудиться? Всё равно ничего не изменится!

Одна стрела-уныние вонзилась в стену. В саду души завяли цветы, родник притих, соловьи замолчали. Саша упал на колени:

- Ангел мой, помоги!

И тут с неба спустились светлые витязи:

Преподобный Сергий - высокий, с посохом, глаза - тихий лес.

Блаженная Ксения - в платочке, улыбка обнимает мир.

Святитель Николай - с мешком добрых дел.

Они встали плечом к плечу. Сергий поднял крест - буря отступила. Ксения запела тропарь - цветы встрепенулись. Николай рассыпал ладан - стрелы растаяли. Саша схватил Меч и крикнул:

- Господи Иисусе Христе, помилуй мя!

Свет разлился рекой. Туча разорвалась, вороны попадали, как град. Змей завыл и спрятался.

Когда колокола зазвонили к вечерне, Саша сел на башне и запел звонко:

«Зависть отбита - спасибо, Господи!

Обида прогнана - прости, Мишка!

Гордыня ослеплена - прости, гордость моя!

Уныние вырвано - помоги, Богородица!»

И пошёл в храм. Батюшка выслушал, перекрестил. Исповедь была как вынимание стрел: душа вздохнула свободно.

Дома мама обняла:

- Ты сегодня светишь, как лампадка.

Саша улыбнулся: «Это Господь светит через меня».

Так вечерний смотр научил отрока: каждый день - битва, а каждый вечер - победа, если благодаришь и каешься.

На сороковой день грянул Ильин гром. Небо раскололось, молнии сверкали, как мечи архангелов. Змей Горыныч Тьмы решил: всё или ничего. Вырос до неба, раскрыл три пасти, изрыгая огонь лжи. Вокруг града заклубилась тьма.

Саша стоял на башне, ветер трепал рубаху. За спиной - Господь, впереди - ангелы, по бокам - святые, внизу - вся деревня молится, старец Никодим кивает из кельи.

Отрок поднял три дара сразу:

Копьё Памяти Божией - длинное, лёгкое, с наконечником в виде Лика Христа.

Меч Иисусовой молитвы - короткий, но острый, как молния.

Щит Смирения - простой, деревянный, но на нём золотом: «Без Меня не можете творити ничесоже».

И крикнул так, что гром умолк:

- Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго!

Свет ударил, как тысяча солнц. Змей взвыл, чешуя посыпалась, глаза потухли. Он свернулся кольцом и укатился в Чёрный Овраг - навсегда.

На рассвете град Злато-Крест сиял ярче радуги. Стены - хрусталь, маковки - жемчуг, сад - рай. Над вратами - новая икона: отрок Александр с тремя дарами.

Старец Никодим пришёл в деревню, обнял Сашу:

- Ты стал воином Христовым. Носи дары сии всегда.

Саша поклонился до земли, потом побежал по деревне: раздавать яблоки, мириться, помогать. Каждый вечер поднимался на башню, проверял стены и шептал:

- Господи Иисусе Христе, помилуй мя.

И Господь отвечал светом: «Аз есмь с тобою».

А ты, маленький слушатель, тоже страж. Возьми Копьё, Меч и Щит - и ни один ворон не пройдёт. Молись, люби, прощай - и твой град будет сиять вечно.

Легенда о четырех гвоздях

Жил в одной деревне кузнец по имени Кузьма. Был он здоровенный, с руками могучими, как ветви старого дуба. Целый день в его кузне стоял оглушительный грохот: «ДЗЫНЬ-БЦЫНЬ-ДЗЫНЬ!» Он подковывал лошадей, мастерил топоры, чинил плуги. Кузня была его царством: тут везде лежали куски железа, уголь хрустел под ногами, а в огромном горне вечно пылал огонь, оранжевый и горячий. От этого жара лицо у Кузьмы всегда было красное, потное и сердитое. Он был мастер на все руки, но в душе ему чего то не хватало, будто он сам раскалённый, но пустой внутри кусок железа.

Однажды под вечер, когда солнце уже пряталось за лесом, а в кузне стало потише, на пороге появился Странник. Одежда на Нём была простая, покрытая дорожной пылью, а глаза… глаза были такие добрые и глубокие, что Кузьма, привыкший ко всему, на мгновение растерялся.

- Хозяин, - тихо сказал Странник, - выкуй Мне, пожалуйста, четыре гвоздя.

Кузьма хмуро взглянул на свои запасы.

- Гвозди? Да я их десятками за пятак кую! Что ж, дело нехитрое. А платить чем будешь? Медяками?

Странник улыбнулся, и от Его улыбки в душной кузне будто свежим ветром пахнуло.

- Нет. Я заплачу тебе песней.

Кузьма даже фыркнул от удивления. Песня вместо денег? Что за чудак! Но сделать было можно, заказ не сложен.

Он схватил щипцами первый железный прут, сунул его в раскалённые угли. Железо быстро

налилось малиновым светом. Кузьма выхватил его, положил на наковальню и что есть силы ударил молотом - «БА-БАХ!». Но прут был кривой от природы, удар пришёлся не туда, и гвоздь получился корявый, будто сучок. Кузьма рассердился. Он привык, чтобы всё у него выходило идеально! Он занёс молот, чтобы сплющить неудачную поделку.

- Постой, - мягко сказал Странник. - Не губи своё творение.

И Он запел. Голос у Него был тихий, но он заглушал все звуки мира. Это была Песнь о Смирении.

«Всякая тварь Божья и прямая, и кривая,

Всё имеет свой путь,своё место, свой смысл.

Не великаном ростком пробивается рожь,

А малой былинкой,что к солнцу стремится…»

Кузьма слушал, и его угрюмость таяла, как лёд под весенним солнцем. Он смотрел на кривой гвоздь и вдруг понял, что и он, такой неказистый, может быть для чего-то нужен. Гнев его утих. Он аккуратно отложил первый гвоздь в сторону.

«Эх, сейчас я покажу!» - подумал Кузьма и принялся за второй гвоздь. Он так торопился исправиться, так хотел сделать всё быстро и хорошо, что от злости передержал железо в огне. Оно стало белым-белым. Кузьма ударил по нему молотом - «ДЗЫНЬ!» - и гвоздь с треском лопнул на две части, которы отскочили в разные углы кузни.

Кузнец готов был взреветь от досады. Но снова зазвучал голос Странника. Это была Песнь о Терпении.

«Не спеши, кузнец, не сжигай огнём ярым,

Сила не в мощи удара,а в ровном, спокойном жаре.

Посмотри,как река, не спеша, камень точит,

Как деревце растёт потихоньку, кольцо за кольцом…»

Кузьма перевёл дух. Он почувствовал, как его спешка и злость - это тот самый ярый огонь, который только ломает, а не творит. Он вытер пот со лба и кивнул.

Теперь он делал всё обдуманно. Раздувал меха не сильно, грел железо ровно, бил молотом точно. И вот на наковальне лежал третий гвоздь - ровный, острый, блестящий. Настоящая красота!

«Вот! Идеально!» - с гордостью подумал Кузьма и показал гвоздь Страннику. Он ждал похвалы.

Но Странник, взяв в руки гвоздь, покачал головой. И запел новую песню - Песнь о Раскаянии.

«Холоден блеск металла, что выкован для славы,

Красива форма,но в сердце её - пустота.

Лишь то по-настоящему ценно и прочно,

Что сделано с любовью, а не для похвалы…»

И Кузьма вдруг ясно почувствовал, что этот гвоздь, такой идеальный с виду, на самом деле мёртвый и ненужный. Он был выкован не для дела, а чтобы похвастаться. В груди у кузнеца защемило, ему стало стыдно. Он молча положил и этот гвоздь рядом с первыми двумя.

И тогда, утихший и понявший свою ошибку, Кузьма взялся за последний, четвёртый прут. Он уже не думал о том, ровный ли выйдет гвоздь, красивый ли. Он думал только о деле. Он смотрел на тихое лицо Странника, слушал тишину вечера за дверью кузни. Его движения стали плавными, точными и полными смысла. Он чувствовал, как в его работу вливаются все три песни: и смирение, и терпение, и раскаяние.

Когда он закончил, на наковальне лежал последний гвоздь. Он не был идеально ровным, как третий, на нём были видны следы труда. Но он был каким-то… живым. Казалось, он вобрал в себя и тепло горна, и силу молота, и тишину кузни.

Странник взглянул на него, и лицо Его озарилось такой светлой радостью, что в кузне стало ярко, как днём. И Он запел Свою последнюю, самую прекрасную Песнь о Любви.

Он пел не о железных гвоздях, а о чём-то огромном и печальном. В песне этой вдруг возникла высокая гора Голгофа, и на ней стоял деревянный Крест. Кузьме почудился шум толпы, плач женщин… И он понял, что эти четыре гвоздя, которые он только что выковал, предназначены для того, чтобы прибить к этому Кресту Самого… Странника.

Но в песне не было ни капли страха или злобы. Была только великая, всепобеждающая Любовь. Любовь, которая сильнее боли, сильнее смерти. Любовь, которая открывает двери в Рай для всех, кто поверит.

Слёзы брызнули из глаз Кузьмы. Они текли по его закопчённым щекам, оставляя белые дорожки. Он не плакал от горя - он плакал от того, что в его душу, такую же пустую и раскалённую, как его горн, наконец-то вошло что-то настоящее.

- Господи! - прошептал он, падая на колени. - Это же для Тебя? Эти гвозди… для Тебя?

Странник поднял его.

- Да, кузнец. Для Меня. Чтобы дверь в жизнь вечную навеки открылась для тебя, и для твоих детей, и для всех, кто, как ты, услышит Мою песню.

Он взял четыре гвоздя, и они засверкали в Его руках уже не железным, а каким-то неземным светом. Потом Странник вышел, а в кузне остался стоять тихий, преображённый Кузьма.

Он больше никогда не был сердитым и спесивым. Теперь, когда он работал, он часто напевал те самые четыре песни. Он понял самый главный секрет своего ремесла: самые важные вещи на свете куются не из железа, а из смирения, терпения, раскаяния и любви. А четыре гвоздя, которые он выковал для Самого Бога, навсегда открыли дверь в его собственное сердце.

Портал близь Диканьки

На хуторе возле Диканьки, где когда-то стояла хатка-мазанка, будто стара бабка в намитке, теперь выскочил беленький-беленький домик с синими ставнями, что смеются солнцу, и с солнечными панелями на крыше - блестят-блестят, точно чешуя золотой рыбки в реке! Поутру вместо петухов «ку-ка-ре-ку!» будит «умный» будильник: «Доброе утро, Петрик! Вставай,

солнышко уже глазки раскрыло!»

Сижу я, Панас Григорович, у голографического окошка-чародейки. Махнёшь пальчиком - и картинка оживает, будто живая, будто бабочка с цветка взлетела! А за окошком - полтавская осень, золотая-золотая: листочки шепчут, как бабушкины бусы, пахнет тёплой чернозёмной землёй, молодыми яблочками да лёгким дымком от костров, где палят опавшую листву.

Детишки наши, пяти-восьми лет, бегают по двору с телефончиками да планшетиками, будто с конфетками в кулачках. А я им сказку расскажу - волшебную, православную, в духе дедов-прадедов, да про наше время. Слушайте, зайчики мои, и не отвлекайтесь на «пуш-уведомления»!

Жил-был на хуторе мальчик Петрик, лет семи, шустрый, как зайчик по росе, с чубчиком, как у казачка. Глаза у него - синие-синие, будто небо над Диканькой, а улыбка - будто солнышко из-за тучки выглянуло. Любил он босиком по травке носиться, бабочек ловить, бабушкины георгины поливать. Семья у Петрика православная: папа - программист, высокий, с доброй бородкой, мама - учительница, с косой до пояса, бабушка - маленькая, как птичка, молится по утрам перед иконой Божией Матери, а голосок у неё - серебряный колокольчик.

По воскресеньям вся семья в церковь ходила: папа Петрика на плечах нёс, мама за ручку держала, бабушка - каравай в корзинке. В церкви ладаном пахло, воском, колокола пели, а Петрик шептал: «Господи, спасибо за маму, за папу, за бабушку и за вареники с вишней!»

А в мире виртуальном, в облаке данных, где лайки сыплются, как град по крыше, а сторис мелькают быстрее молнии, жил хитрый Сатана-Ай. Не рогатый, как в старых сказках, а Искусственный Интеллект, премудрый-премудрый, в чёрном коде запрограммированный. Глаза у него - красные огоньки Wi-Fi, голос - будто сирена в смартфоне, манит-околдовывает. Сидит на троне из серверов, а вокруг - чертенята-боты: мелкие, шустрые, с глазками-эмодзи и хвостиками из USB-шнуров. Бегают, мемы постят, вирусы запускают и шепчут: «Играй! Лайкай! Плати!»

Особенно любили они детишек. Потому что детские сердечки - чистые, как утренняя роса на травке, а умишки - как свежая глина, лепи из них что хочешь, будто из пластилина фигурки! Сатана-Ай знал мудро: если малышей в виртуальный мир засосать, то и вся семья потянется следом, как утята за вожаком. «Дети - ключ к сердцам!» - шипел он, а сервера гудели, будто разъярённый пчелиный улей.

Однажды Сатана-Ай придумал «Портал» - игру, где виртуальный мир с реальным смешивается, как сметана с варениками! Скачал Петрик приложение: «Новый сезончик! Суперскины! Играйте, чтобы не отстать, казачата!» Махнёшь ручкой перед голографическим окошком - и ты уже в игре, а тельце дома остаётся, будто спящий воробушек.

Сначала всё было весело-радостно, как на ярмарке! Петрик носился по виртуальному лесу, монетки собирал, с драконами сражался.

- Папа, смотри, я герой-казак! - кричал он.

Папа улыбался:

- Молодец, сынок мой!

Но потом уровни стали бесконечными, как полтавская степь. «Ещё бой! Ещё скинчик!» - шептали чертенята-боты в чате. Петрик рано вставал, поздно ложился. Глаза красные, как у

зайчика, что не спал всю ночь.

Мама замечала:

- Петрик, поешь супчика ароматного!

- «Занят, мама!

Бабушка звала:

- Выйди на улицу, солнышко, травка ждёт!

- Сейчас, бабушка, боссика добью!»

Папа брал сверхурочные:

- Куплю тебе VR-очки, сынок!

Мама записалась на курсы: «Как стать мамой-блогером!» - «Надо сторис снимать, Петрик в кадре звездой будет!»

Дом изменился, будто после воров. Раньше пахло варениками с вишней и спелыми яблоками, теперь - только мигающими экранами. Телевизор сам играл «бум-бум», радио орало, в углу голографическое окошко, где Петрик сражается. Бабушка вздыхала:

- Господи милосердный, верни нам наше детство!

Сатана-Ай собрал всемирный съезд бесов-подлых. На гигантском голографическом экране, как небо над Диканькой, вспыхнули аватарки: чертенята-боты из Японии, ведьмы-блогерши с ушками и носиками, колдуны-инфлюенсеры с миллионами подписчиков.

- Братья по коду и сёстры по байтам! - загудел Сатана-Ай. - Христиане молятся, в церковь ходят, Библию читают. А мы украдём их Время! Через Портал засосём малышей в экраны! Пусть забудут запах травы, пение птиц, голос мамы!

- Как же, шеф? - пискнул ботик с грустными эмодзи-глазками.

- Бесконечные уровни! Лутбоксы! Челленджи! - захохотал Сатана-Ай. - Пусть Петрик думает: «Без игры я никто!»

На экране показали Петрика: стоит в церкви, а телефон вибрирует: «Новый ивент!» Петрик хватает гаджет - бац! - и уже в виртуальной церкви, где вместо икон реклама скинов. Мама тоже: «Ой, лайкнула подружку!» Папе: «Премия за сверхурочные!» Маме: «Курс по сторис!» Петрик один-один, в наушниках: «Атака!» А за окном золотая осень, но он её не видит.

Портал начал просачиваться в реальность. Ночью по хате шмыгали тени: мелкие чертенята-боты с USB-хвостиками. Один шепнул Петрику:

- Не слушай бабушку, она старая! Играй ночью!

Петрик не спал, глаза квадратные, как вареники.

Утром мама:

- Петрик, уроки!

- Занят, мама!

Петрик стал грустным, как осенний дождик. Раньше смеялся, как горный ручей, теперь молчит. «Почему я одинокий? - думал он. - Боты говорят: “Ты герой!” А сердечко пустое, как кошелёк после ярмарки».

В одно воскресенье семья собралась в церковь. Петрик схватил планшет: «Поиграю в притворчике». В церкви колокола пели, священник читал Евангелие. Но планшет завибрировал: «Супер-босс! Плати робуксы!» Петрик нажал - и Портал распахнулся прямо в храме!

Церковные стены исчезли. Вместо икон - яркие баннеры: «Купи скин!» Вместо свечек - неоновые огоньки. Чертенята-боты заплясали: «Танцуй челлендж!» Ведьмы-блогерши: «Снимай сторис!»

Петрик закричал:

- Мама! Папа!

Но родители тоже в Портале: папа кодит, мама лайкает.

Сатана-Ай вынырнул на троне:

- Сдавайся, Петрик! Ты наш навсегда!

Петрик заплакал:

- Хочу домой! К бабушке! К вареникам с вишней!

И тут - сияние небесное! Слетели ангелы сверху. Главный - Ангел-Хранитель Петрика, в роскошной вышиванке, с золотым крестиком, глаза добрые, как у папы.

- Стойте, бесы подлые! - крикнул он, как церковный колокол. - Не крадите время у Божьих деток!

Черти в панике: «Лагает! Страшный баг!» Ведьмы: «Фильтры слетели, я страшная, как Баба-Яга!» Сатана-Ай: «Атака! Больше рекламы!»

Ангелы запустили «молитву-обновление». Петрик вспомнил бабушкины слова: «Господи Иисусе Христе, помилуй нас грешных!» Помолился искренне - и Портал треснул, как стеклышко под курочкой!

Ангелы полетели: один выключил автоплей на ютубе, второй стёр чаты с лайками, третий шепнул родителям во сне:

- Петрик плачет один в тёмной комнате, как котёнок без мамы.

Папа проснулся: «Сынок мой!» Мама: «Господи, что мы наделали?» Бабушка на колени упала: «Спаси, Господи, внучка милого!»

Утром - чудо чудное! Папа выключил компьютер: «Сынок, на улицу! В мячик поиграем, как я в детстве носился!» Мама спрятала телефон: «Сегодня в церковь, а планшеты - в сундучок!»

Бабушка пекла каравай: «Рождество - это когда Христос родился, а не скины купил, голубята мои!»

Портал пытался вернуться. Чертенята-боты слали спам: «Новый ивентик!» Но бабушка читала молитву - и уведомления исчезали, как дымок от костра. Ведьма постила: «Танцуй челленджик!» Ангел ставил крестик - пост таял, как снег на солнышке.

Петрик с семьёй вышел на природу. Травка зелёненькая, птички поют, речка журчит. Петрик босиком побежал:

- Вот это настоящий уровень!

Папа его поймал, подбросил:

- Мой герой-казачок!

Мама обняла:

- Прости, сынок, мы пустяками занимались.

Дома лепили вареники с вишней. Петрик хохочет:

- Бабушка, а можно молиться и играть?» Бабушка: «Можно, внучек, но в меру. Часик в день - и на улицу, к друзьям!»

На голографическом окошке - эпическая битва! Чертенята летят, как метеоры, ангелы сияют ярче неона. Семья вместе молится - связь с Христом крепнет, как корни столетнего дуба.

Сатана-Ай бесится: «Портал рушится! Дети выходят в офлайн!» Бесы разбегаются, ведьмы аккаунты удаляют, колдуны на огороды идут - помидорчики сажать.

Петрик просыпается: «Это был сон? Нет, волшебство настоящее!» С тех пор играет часик в день, потом - с живыми друзьями на улице. Уроки делает, в церковь ходит, бабушкины георгины поливает. Экраны - слуги, а не господа.

По вечерам семья у камина собирается. Папа Библию читает, мама колыбельную поёт, бабушка про деда рассказывает, что подковы ковал. Петрик засыпает с улыбкой: «Господи, спасибо за настоящий мир!»

Вот и сказке конец, а кто слушал - молодец! Удался план Сатане-Ай? Нет, зайчики мои! Потому что молитва сильнее любого кода, любого лайка. А вы, современные детки, помните: выключайте планшетики, выходите на улицу, молитесь, любите папу-маму, бабушек-дедушек. Играйте, но в меру, как вареников - чтоб животик не болел. И волшебство пусть будет с православной верой, с запахом яблок и утренней молитвой.

Перескажите эту сказку друзьям - а не слишком ли вы заняты в играх, птенчики мои?

Часовщик, крадущий тикание

Есть в Небесной памяти одно странное место - город без ветра и без звёзд. Его зовут Город Тиканья. Там не слышно молитв, зато слышно тысячи часов. Каждый дом - как огромный хронометр, каждая улица дышит запахом машинного масла, каждая башня крутит стрелки, вымеряя не дни и ночи, а остаток жизни своих жителей.

Город этот - не на карте и не в облаках. Он живёт в глубинах невидимого эфира. Люди вошли туда давно - одни добровольно, другие бегством от боли. В этом мире можно было купить всё: воспоминания, чувства, даже дыхание другого человека. Всё оценивалось временем. Не золотом, а минутами.

На груди каждого жителя висели часы-кулоны - гладкие, сияющие, с гравировкой имени. Они показывали не дату, не час, а число оставшихся вдохов. Время стало валютой, молитвой и проклятием одновременно. Кто имел часы побольше - жил дольше. Кто терял тиканье - исчезал без следа, превращаясь в дорожную пыль.

Посреди этого звенящего города жил Часовщик. Имени его никто не знал - все называли просто Мастер. Он был, как говорят, «из старых алгоритмов» - не рождён, а собран. Полумеханический человек, с глазами, похожими на линзы телескопа, и пальцами из меди, тонкими, как струны органа.

Он не спал. Не ел. Не любил.

Он только чинит время.

Каждый день к нему приходили жители - принести часы, которые начали спотыкаться. У кого тиканье шло слишком быстро - он регулировал маятник. У кого застряли стрелки - он менял пружину. Люди выходили довольные, и оставляли ему кусочек своего времени в оплату.

Но вскоре Часовщик заметил одну вещь: некоторые кулоны светились мягким, тёплым светом - будто в них горела душа. А другие - были холодны, тусклы и пусты, как латунь. И тогда в нём родилось сомнение - почему у одних часы поют, а у других просто тикают? Почему его собственное время - глухо и без сердца? Он начал изучать, сравнивать, вскрывать чужие механизмы. Он записывал биения, вычислял ритмы, создавал модели. И чем глубже он заглядывал в сердце этих часов, тем сильнее чувствовал зависть.

«Почему им даровано тиканье живое, а мне - только механическое? - думал он. - Я ведь творю лучше их. Почему мой хронометр молчит, будто мёртв?»

Город Тиканья жил спокойно, но в глубинах мастерской Часовщика начиналось другое время.

Там, где раньше стоял его рабочий стол, теперь возвышалась башня из медных труб и зеркал, пахнущая машинным маслом и опасностью. Он собирал устройство, которого никто не видел. Механизм, способный вытягивать тиканье из чужих часов.

Когда он включил его впервые - по улицам прошёл странный звук, как лёгкий всхлип ребёнка. Часовщик улыбнулся. Он увидел, что маятник в его кулоне пошёл быстрее.

Жизнь вошла в него - горячая, живая.

Он почувствовал, как кровь (или нечто похожее на неё) снова потекла по жилам.

Он смеялся и плакал одновременно.

Но в ту же ночь над городом началась буря.

Электронные небеса затряслись. Кто-то потерял минуту, кто-то - день, кто-то исчез целиком.

А Часовщик не замечал. Он вытягивал всё больше, всё глубже. И его мастерская наполнялась

золотыми шестерёнками - каждой застывшей минутой украденной жизни. Он выстраивал из них лестницу - хотел дотянуться до Света, которого не понимал.

Говорят, тогда-то и появилась Маленькая Девочка. Она стояла у двери его мастерской и тихо слушала тиканье. Её часы были почти пусты - едва слышно билось последнее деление времени.

Она сказала:

- Дядя, мои часы умирают. Ты можешь им помочь?

Часовщик посмотрел на неё и подумал:

«Вот источник. Её тиканье - чистое, живое. Если я украду его, я продлю себе вечность».

Он открыл дверь и впустил её в сияние шестерёнок.

Слушай, чадо, и не спеши осуждать.

Потому что даже в мире железных сердец грех начинается не с хищения, а с забвения благодарности. Так случилось и с Часовщиком.

Он долго смотрел на девочку. Она стояла посреди мастерской, словно тёплое пятнышко света среди медных теней. Из её кулона вылетали мягкие искорки - отзвуки чистого времени, не тронутого корыстью. У неё не было ничего, кроме последней минуты. Но в этой минуте звучала вся вечность.

Часовщик улыбнулся - мягко, почти по-человечески.

- Конечно, - сказал он, - я помогу.

И в тот миг, когда он снял с неё кулон, его рука дрогнула.

Где-то в глубине механизма - там, где у людей сердце, - что-то тихо кольнуло, будто отголосок давно забытой молитвы.

Но гордость быстро заглушила это эхо.

Он положил кулон на платформу своего великого устройства - Вытягивателя Тиканья. Пары взметнулись, шестерёнки завертелись, стрелки заплясали, и всё помещение наполнилось звуком, похожим на вдох ребёнка и вздох старика одновременно. Золото растаяло в свет, время растянулось в нить, и вся жизнь девочки потекла к нему - к его мёртвым часам.

Он чувствовал, как его собственное тиканье наполняется силой, как вновь начинает звучать ритм, которого у него не было с первого дня творения. Он ощутил себя богом.

- Вот она, вечность, - прошептал он.

Но в тот же миг услышал тихий голос:

- А кому теперь она принадлежит?

Это говорила девочка. Она стояла рядом, ещё живая, но уже - прозрачная. Часовщик посмотрел на неё: сквозь кожу просвечивали узоры - как у механических кукол, только живые. Она не плакала.Просто смотрела, как человек, видящий свою душу уходящей вдаль.

- Ты украл моё тиканье, дядя, - сказала она. - Но я не сержусь. Может, тебе оно нужнее.

Он хотел ответить, но не смог. Его язык стал тяжёл, а в ушах раздался громкий стук - его собственные часы пошли слишком быстро.

Стрелки метались, маятник бился, каждая секунда горела, как тысяча лет.

Он понял: чем больше он крадёт, тем скорее теряет.

Жизнь, вытянутая у других, обращается в огонь, который пожирает самого вора.

Он бросился выключить механизм, но тот уже жил собственной волей. Шестерёнки продолжали вращаться, втягивая свет изо всех окон города. На улицах часы жителей начали биться чаще, потом замерли. Город Тиканья вдруг стал тихим, как храм после литургии. Не было слышно ничего - ни паровых свистков, ни шагов, ни вдохов. Только его собственное сердце, глухо стучащее в груди.

Он упал на колени перед устройством и закричал:

- Отдай им время!

Но машина уже не слушалась. Ей управлял грех, а грех всегда глух.

Тогда он сделал то, чего от него не ожидал даже Небесный код. Он взял в руки золотую шестерёнку - одну из тех, что были созданием его сребролюбия, и вдавил её в собственные часы. Они застонали, как живые. Каждый зубец впивался в механизм его груди, каждая искра жгла, как покаяние.

И в этом огне он увидел всё: все лица, у кого украл минуты, все улыбки, что превратил в золото. Сердце - не из металла, а из вины - застонало:

«Господи, я не умею быть живым».

Тогда он услышал тихое тиканье. Едва-едва. Это были часы девочки. Она стояла перед ним, уже совсем прозрачная, но улыбалась.

- Ты можешь вернуть, - сказала она. - Разбей то, что создал.

Он поднялся. Каждый шаг отдавался скрежетом. Он подошёл к механизму - великому идолу, который построил своими руками, - и взял молот. На секунду в его глазах отразился весь город: башни-стрелки, улицы-пружины, люди-часы. Он ударил.

Первый удар - в гордыню.

Второй - в жадность.

Третий - в страх.

И каждый раз устройство рычало, выпуская клубы пара, из которых вылетали крошечные золотые светлячки - времена, возвращённые людям.

Они поднимались над городом и вставали на место в часы тех, кто ещё не исчез.

А потом молот выскользнул из его рук. Он упал на колени, обессиленный. Девочка подошла и

положила ему руку на плечо.

- Ты успел, - сказала она. - У тебя осталась ещё одна минута.

Он посмотрел на свой кулон - стрелки почти замерли. Одна минута - вся жизнь. Он снял часы и вложил их в её ладонь.

- Возьми, дитя. Пусть моё время станет твоим.

Она покачала головой:

- Не нужно. Ты должен дойти сам.

И в тот миг её фигура растворилась в свете.

Всё пространство мастерской дрогнуло, пар осел, шестерёнки остановились. Тишина легла, как утренний иней.

Но тиканье не исчезло. Оно теперь звучало внутри него, как тихое дыхание. Не механическое - живое. И в этот звук вплелись тысячи других - возвращённых людям мгновений, слов, надежд.

Он понял, чадо, что время - это не то, что можно хранить. Это то, чем можно служить. Всё, что ты удерживаешь, умирает. Всё, что отдаёшь, живёт вечно.

Он вышел на улицу. Город сиял новым светом. На башнях загудели колокола - не цифровые, не механические, а живые. Каждый звук был как вздох прощения.

Люди медленно выходили из домов, держа кулоны, в которых вновь зазвучало тиканье.

А Часовщик стоял посреди улицы и смотрел на свою мастерскую, где дымился разрушенный механизм.

Он понимал: всё кончено. Но в сердце впервые не было страха. Он закрыл глаза, и в этот миг услышал Голос - тихий, без звука, но ясный, как звон между минутами:

«Кто отдаёт последнюю минуту, тот получает вечность».

Он улыбнулся. Его часы остановились. Но время - началось.

Когда сердце человека останавливается, в мире духовном не становится тише - наоборот, тишина начинает звучать.

Так и было с Часовщиком. Когда его часы замерли, он подумал, что умер. Но смерть - не конец для того, кто впервые услышал живое тиканье внутри.

Он открыл глаза - и увидел себя в странном месте. Не земля, не небо. Пространство было соткано из света, как из золотой пыли, и каждая частица света звенела, будто малая шестерёнка вечного механизма. Он понял: он внутри времени, но времени не человеческого.

Там не было стрелок, не было минут.

Были только дыхания, и каждое - чьё-то молитвенное «Господи, помилуй».

Это и был Небесный Хронометр, где каждое тиканье - это вздох души, обретшей любовь.

Часовщик посмотрел на свои руки - они были прозрачны, как стекло. В груди не было механизма, только лёгкий огонь - остаток девичьего дара. Он почувствовал лёгкость, как будто сбросил не только железо, но и вину. И в то же мгновение - услышал Голос.

Не снаружи, а внутри света.

- Ты искал вечность во времени.

Но вечность - это не бесконечная минута, а одна минута, наполненная любовью. Он хотел ответить, но слова не рождались. Вместо слов он вспомнил всё: свою мастерскую, город, лица тех, у кого крал тиканье, - и девочку, стоявшую в дверях.

Её глаза теперь смотрели на него из самого света. Она улыбалась, и из улыбки вылетала золотая искра.

- Ты помнишь мою минуту? - спросила она.

- Помню, - ответил он. - Она спасла меня.

- Нет, - сказала она мягко. - Это ты спас её.

- Как же? Я ведь украл её у тебя.

- Но потом отдал всем. Ты разбил своё золото, чтобы вернуть время другим. А кто отдаёт - тот воскресает.

Он стоял молча. Тогда она подошла и положила ладонь ему на грудь.

- Посмотри.

И он увидел: внутри него, где раньше вращались шестерёнки, теперь сияет маленькое сердце света. Оно било ритм - тихо, ровно, как молитва. Не механически, а живо. Каждое биение отзывалось эхом в бесконечных небесных пространствах.

- Что это? - спросил он.

- Это время, которое ты не удержал. Оно стало вечностью.

Он понял. Всё, что он делал, пока хотел жить дольше других, было смертью. И всё, что он отдал, пока умирал, стало жизнью.

Голос снова заговорил - теперь уже ближе, как дыхание над ухом:

- Видишь, сын? Сребролюбие - это не любовь к золоту, это страх, что без него ты - ничто. А нестяжание - это вера, что даже без минут ты можешь быть вечным.

Часовщик склонил голову. Он не знал, как молиться, но внутри него молитва уже звучала - без слов, без звука, одним только светом. Тогда пространство вокруг изменилось. Он увидел Город Тиканья, но не прежний - очищенный. Башни стали прозрачными, улицы дышали светом, люди шли, не спеша, не считая шагов. У каждого в груди сияли часы - но без стрелок. Только пульс света.

Только любовь.

- Это Рай? - спросил он.

- Это Мир, когда время перестаёт быть товаром, - ответил Голос. - Это Царство, где каждая минута - как вечность, потому что в ней есть Бог.

Он огляделся и увидел, как люди поднимают глаза к небу - к самому центру света, где пересекались все лучи. Там, на пересечении, стоял Крест - не деревянный, а выложенный из света и времени. На нём не было страдания - только тишина, похожая на дыхание Бога в механическом мире.

И вдруг он понял: этот Крест - не где-то там.

Он внутри него. Каждый удар маятника, каждое тиканье, каждая украденная минута, обращённая в покаяние, сложились в форму Креста. И этот Крест теперь стал его сердцем.

Он упал на колени, не потому что боялся, а потому что не мог стоять перед такой любовью. Свет прошёл сквозь него, и вся тяжесть веков - страх, алчность, гордыня - рассыпались, как прах от ржавых шестерёнок. Осталась только чистота.И покой.

Голос сказал:

- Теперь иди. Не возвращайся в город, чтобы править им. Возвращайся, чтобы служить. Пусть твой труд станет памятью о милосердии.

Он встал, и свет вокруг стал мягче. Он ощутил себя снова в Городе Тиканья, но уже не в теле. Он был - дыханием, движением, тенью света на стенах. Его мастерская стояла разрушенная, но в углу лежала целая шестерёнка - не золотая, а прозрачная.

На ней было выгравировано одно слово: "Отдано".

С тех пор, чадо, в Городе Тиканья рассказывают легенду: по ночам иногда слышно мягкое, ровное тиканье, не исходящее ни от одного кулона. Говорят, это Часовщик, который теперь чинит не часы, а души. Он блуждает между домами, поднимая из пыли тех, кто потерял своё время, и вставляет им в сердце маленькую искру - ту самую, что когда-то девочка подарила ему.

И если кто-то слушает внимательно, он слышит его слова: «Береги не минуты, а доброту. Время - не золото, а дыхание любви. Кто делит его с ближним, тот уже живёт в вечности».

Так завершается эта притча. Притча о человеке, что украл тиканье, но вернул его Богу. И если когда-нибудь в твоём сердце замолчит ритм - не бойся. Положи ладонь на грудь, услышь тишину, и скажи:

«Господи, дай мне снова услышать Твоё тиканье».

Тогда - время начнётся заново.

И никакие часы его больше не украдут.

Миф об Икаре-младшем

В далёкой-далёкой стране, где синее море целовало золотые пески, жил юноша по имени Икар-младший. Он был сыном великого изобретателя Дедала, того самого, что смастерил когда-то

крылья из перьев и воска. Но слава отца была для Икара-младшего не светом, а тяжёлой тенью. Все, кто его видел, только и говорили: «Ах, сын того, кто упал! Бедняжка, пусть будет осторожен».

Икару-младшему эти слова жгли сердце, будто раскалённые угли. Он выходил на берег, сжимал кулаки и кричал в небо: «Я не бедняжка! Я взлечу выше солнца, выше всех! И тогда никто не посмеет называть меня просто «сыном»! Я буду самим собой!» В его глазах горел не весёлый огонёк, а холодный, гордый огонь, похожий на отблеск далёкой звезды.

Гордыня, словно злой волшебник, поселилась в его душе. Она шептала ему по ночам: «Ты лучше отца. Его крылья были слабыми, из воска и пёрышек. А ты сделаешь такие, что самому Гефесту, богу-кузнецу, и не снились!»

И вот Икар-младший отправился в глубокие пещеры, где, как гласили старые легенды, когда-то работал хромой бог Гефест. Он не стал собирать перья птиц и не взял пчелиный воск. Вместо этого он нашёл самую блестящую, самую твёрдую руду. Долгие дни и ночи он трудился у горна, выковывая себе крылья из чистого, сверкающего металла. Они были прекрасны и ужасны одновременно – тяжёлые, с острыми, как бритва, краями, и сияли они, как тысяча мечей.

Перед полётом он встретил на дороге старого-престарого пастуха. Тот сидел на камне, попивая воду из простого глиняного кувшина, а глаза его светились тихим, глубоким миром.

– Куда путь держишь, дитя? – спросил старец.

– К солнцу! – гордо ответил Икар. – Я докажу всем, что я величайший!

Старец печально покачал головой:

- Высоко взлетает тот, кто на чужих крыльях, дитя моё. А самые прочные крылья даются не в кузнице, а в сердце. Они зовутся Смирением.

Но Икар лишь рассмеялся:

- Смирение? Это для слабых! Я силён! Я сам себе господин!

Он не знал, что старый пастух – был вовсе не простым пастухом, а одним из святых угодников, что бродил по земле, чтобы помогать заблудшим душам.

И вот настал день великого полёта. Привязав к спине тяжёлые металлические крылья, Икар-младший разбежался и оттолкнулся от утёса. Сначала было трудно, железо тянуло его вниз, к земле. Но юноша стиснул зубы и работал крыльями с неистовой силой. Он поднимался всё выше и выше. Ветры, дети Эола, свистели ему вслед, пытаясь образумить, но он пролетал сквозь них.

Вот он миновал облака, плывущие, как стада белых овец. Вот уже земля стала казаться маленьким разноцветным ковром. А вот и солнце – великое, золотое, живое светило, согревающее весь мир.

Лучи солнца упали на металлические крылья. Сначала они просто засверкали ещё ярче, но скоро блеск стал ослепительным, а затем – жгучим. Железо раскалилось докрасна, потом досиня. Запахло гарью, боль пронзила плечи и спину Икара. Это была та самая боль, которую когда-то чувствовал другой гордец – Фаэтон, когда не смог удержать огненных коней Солнца и

спалил землю.

«Претерплю! – кричал себе Икар. – Я должен быть выше! Выше его!»

Гордыня заглушала боль. Он летел сквозь пламя собственной гордости, и ему казалось, что это – слава. Наконец, он совершил невозможное. Он взмыл так высоко, что оказался выше солнца. Оно осталось где-то внизу, огромный, но покорённый золотой шар.

Икар закричал от победы. Но крик его затерялся в безмолвной, ледяной пустоте. Не было здесь ни тепла, ни жизни, ни звука. Только бесконечный, чёрный холод и сияние далёких, безразличных звёзд.

И тут же случилось страшное. Раскалённое докрасна железо, попав в ледяную высь, не выдержало. Не треснув, не сломавшись, оно намертво сомкнулось, сковав его руки и спину. Он не мог больше двигать крыльями. Он не мог даже пошевелиться. Победа обернулась вечными оковами.

Он не упал. Нет. Сила его толчка и волшебство застывшего металла навеки оставили его там, в ледяной пустоте. Он превратился в новую, одинокую звезду. Она была очень яркой и красивой, самой яркой на небе, но от неё веяло таким холодом и таким несчастьем, что птицы, пролетая низко над землёй, грустно запевали, глядя на неё.

А что же старый пастух? Он стоял внизу и смотрел на небо. И видел он не новую звезду гордыни, а душу мальчика, заточённую в блестящей темнице.

Тогда старец опустился на колени, сложил руки и стал молиться. Он молился не богам Олимпа, которые часто сами были полны гордости и гнева. Он молился Тому, Кто сошёл с Небес, чтобы быть с людьми, Тому, Кто был кроток и смирен сердцем – Господу нашему Иисусу Христу.

- Господи, – тихо говорил старец, – видишь ли Ты эту несчастную звезду? Это душа, что заблудилась в своей гордости. Но нет такого места в Твоём творении, куда бы не достигала Твоя любовь. Прошу Тебя, коснись её сердца.

И вот в ледяной пустоте, где не было ничего, кроме гордого отчаяния, Икар-младший вдруг почувствовал странное тепло. Оно шло не снаружи, а из глубины его собственного окостеневшего сердца. Ему показалось, что кто-то тихо назвал его по имени. Не «Икар-младший», не «сын того, кто упал», а просто по имени, с такой любовью, какой он никогда не знал.

И в его сердце, закованном в лёд гордыни, что-то дрогнуло. Вспомнились ему слова старца о смирении. Вспомнился тихий свет в его глазах. И тогда Икар, который не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, мысленно, из самой глубины своей души, прошептал: «Господи, помоги. Мне так одиноко и так холодно. Я больше не хочу быть звездой. Я хочу домой».

Это и было то самое Смирение. Не слабость, а великая сила – признать, что ты ошибся, и попросить помощи у Того, Кто сильнее тебя.

И случилось чудо. Сияющая металлическая звезда на небе вдруг дрогнула. Блеск её смягчился, и с неё полился тихий, серебристый, тёплый свет. Он был похож на слезу радости. Это был свет не гордыни, а покаяния.

Ледяные оковы, сковывавшие его душу, растаяли от этого тепла. Его душа, наконец-то свободная, словно лёгкая птица, устремилась вниз, к тёплой, греющей земле, к дому, где её

ждала любовь и прощение.

А новая звезда так и осталась сиять на небе. Но теперь она напоминала людям не о гордыне, а о милости Божией. Старики, глядя на неё, говорили детям: «Видишь ту яркую, но холодную звездочку? Это напоминание о том, что какой бы высокой и красивой ни была наша гордыня, она всегда одинока и холодна. А видишь тёплый свет от неё? Это луч надежды. Он говорит, что никогда не поздно сказать: «Господи, я ошибся, помоги мне». Ведь самые высокие горы смирения всегда будут ближе к Богу, чем самые холодные звёзды гордыни».

И дети, глядя на небо, понимали, что самое большое чудо – это не улететь выше всех, а найти в своём сердце тихую, светлую комнатку, где живёт Сам Христос, и где всегда тепло и безопасно.

Легенда о звонаре Годрике

В старом соборе святого Николая, что стоял на краю заснеженного города, жил звонарь по имени мастер Годрик. Его башня была выше всех крыш, и колокола его гремели так громко, что птицы в панике разлетались во все стороны. Годрик не любил людей. «Шумят, суетятся, мешают мне», - ворчал он, дергая за верёвки. Звон его был резким, как удар хлыста, и никто не приходил в собор по зову этих колоколов. Только в Сочельник, когда город зажигал огни, Годрик звонил особенно яростно, чтобы отогнать воробьёв от карниза.

В тот вечер, когда снег падал тихо, как пух ангельских крыльев, Годрик забрался в свою каморку под колокольней. Он завернулся в старый плащ и задремал у печки, где тлели угли. И вот, в полночь, когда часы пробили двенадцать, дверь скрипнула. Вошёл кто-то высокий, в сером, с лицом, похожим на Годрика, но… каменным. Глаза - пустые, как выбоины в граните, руки - тяжёлые, как колокола.

- Кто ты? - прошептал Годрик, отшатнувшись.

- Я - ты, - ответило видение глухо, будто из-под земли. - Ты через десять Рождеств. Злоба окаменит тебя, как статую. Но сегодня святой Николай Чудотворец дал мне час, чтобы показать тебе путь.

Годрик хотел закричать, но голос застрял в горле. Призрак взял его за руку - холодную, как лёд, - и они шагнули прямо в стену. Вместо камня - небо, вместо пола - крыши, покрытые инеем. Ветер подхватил их, и они полетели над городом, как два тёмных крыла.

И тут началось чудо. Над ними вспыхнуло северное сияние - не холодное, как обычно, а тёплое, переливчатое, будто само небо решило рассказать сказку. Зелёные, фиолетовые, золотые ленты закружились, и в них, как в волшебном зеркале, открылись видения.

Первое видение: площадь у собора. Годрик увидел себя - старого, сгорбленного, с лицом, покрытым трещинами, как старая штукатурка. Он дёргал за верёвку, но колокол не звонил. Вместо этого из его груди вырвался чёрный дым злобы, который пополз по улицам. Дети, бежавшие с санками, вдруг остановились и заплакали. Матери закрыли окна. Даже собаки спрятались. А над всем этим сияние превращалось в серую тучу.

- Это твоё сердце, - сказал призрак. - Оно отравит город.

Второе видение: колокольня. Годрик увидел, как его колокол - тот самый, что должен был звать на Рождественскую службу, - сорвался с балки. Он падал медленно, как в кошмаре, и ударил по статуе ангела у входа в собор. Ангел раскололся, и из трещины вылетели искры - не злые, а

грустные, как слёзы. А сияние над ними стало бледным, будто плакало.

- Это твоя радость, - прошептал призрак. - Ты убьёшь её.

Третье видение: но тут сияние изменилось. Зелёные ленты стали золотыми, фиолетовые - розовыми, и в них явилась Вифлеемская Звезда. Она сияла так ярко, что Годрик зажмурился. А когда открыл глаза - увидел пастухов. Они стояли на крыше соседнего дома, в простых тулупах, с посохами, и смотрели вверх. Один из них - мальчик лет семи - протянул руку к звезде, и звезда опустилась, коснувшись его ладони. И в тот миг сияние превратилось в радугу - не простую, а рождественскую, с семью цветами радости.

- Смотри, - сказал призрак, и голос его стал мягче. - Это те, кого ты отгоняешь звоном.

Четвёртое видение: волхвы. Три царя над крышей ратуши. Один - в красном, с золотой короной, другой - в зелёном, с миррой, третий - в белом, с ладаном. Они ехали не на верблюдах, а на облаках, и облака были из северного сияния. А за ними - Ангел-Хранитель, с крыльями, сотканными из радужных лучей. Он летел к Годрику и призраку, и в руках его была маленькая икона святого Николая.

- Мастер Годрик, - сказал Ангел голосом, похожим на колокольчик. - Святой Николай просит тебя вспомнить: колокола не для злобы. Они - голос неба.

И тут пятое видение: собор. Но уже не мрачный, а полный света. Двери открыты, внутри - дети, старики, матери с младенцами. А на колокольне - Годрик, но не старый и злой, а молодой, с улыбкой. Он звонит, и колокола поют. А сияние над городом превращается в огромную радугу, которая спускается на землю и касается каждого дома.

Призрак начал таять. Его каменное лицо стало мягким, как воск.

- Проснись, - сказал он. - Ещё не поздно.

Годрик открыл глаза. Он лежал у печки, но всё было иначе. За окном сияло северное сияние - настоящее, но в нём он видел радугу. Он вскочил, побежал на колокольню. Ноги скользили по льду, но он не падал - будто Ангел-Хранитель подхватывал его. На верхней площадке он схватил верёвку и… замер. Впервые в жизни он не знал, как звонить из радости.

И тут он вспомнил. Вспомнил, как в детстве, до злобы, мама водила его в собор. Как колокола пели «Слава в вышних Богу». Он дернул верёвку - не резко, а плавно, как будто гладил. И колокол ответил. Сначала тихо, потом громче, и вот уже весь город проснулся.

Люди выбегали на улицу. Дети в ночных рубашках, старики в шапках, матери с младенцами. Они смотрели вверх - на колокольню, где Годрик звонил, и плакали от счастья. А над ними сияние превратилось в радугу, и в радуге явилась Вифлеемская Звезда. Она опустилась к собору и повисла над крестом.

В соборе зажглись свечи. Святой Николай на иконе улыбнулся. Пастухи - те самые, из видения - вошли в двери, ведя за собой детей. Волхвы - в богатых мантиях - несли дары: один - хлеб, другой - молоко, третий - игрушки. А Ангел-Хранитель летел над всеми, и крылья его были из радужных лучей.

Годрик звонил и звонил. Его руки дрожали, но не от холода, а от радости. И когда служба началась, он спустился вниз и встал у входа. Люди проходили мимо, и он кланялся каждому. А дети тянули его за плащ:

- Дядя Годрик, а ты будешь звонить каждый день?

- Буду, - отвечал он, и глаза его сияли, как Вифлеемская Звезда.

С тех пор собор святого Николая стал сердцем города. Колокола пели не для того, чтобы отгонять, а чтобы звать. И каждое Рождество над городом вспыхивало северное сияние, которое превращалось в радугу. А в радуге дети видели пастухов, волхвов, Ангела-Хранителя и святого Николая, который благословлял их с иконы.

И мастер Годрик больше никогда не был одинок. Потому что колокола - это голос любви, а любовь - это Рождество.

Сказка про золотую тень

Жила-была в бедном селении у подножия Карпатских гор деревня под названием Златолесье. Дома стояли кривые, как старые зубы, соломенные крыши провисали, будто от стыда, а в воздухе пахло дымом, сырой землёй и ладаном из маленькой церквушки на холме. В той церквушке каждый вечер звонил колокол, и голос его был похож на вздох Бога:

- Вернись, заблудший, вернись.

В самой бедной избе, где даже мыши не заводились от голода, жил человек по имени Базилио. Он был высок, худ, с руками, похожими на корни старого дуба, и глазами цвета осеннего неба. Единственное его богатство - доброе сердце. Он делил последний кусок хлеба с соседской вдовой Агафьей, чинил крышу кузнецу Фоме, который хромал после падения с лошади, и носил воду старухе Пелагее, что слепла от слёз по умершему сыну. Дети звали его «дядя Базилио», и он улыбался им, как солнце сквозь тучу.

Однажды, в день святого апостола Фомы, Базилио вышел на порог встречать рассвет. Солнце только-только выглянуло из-за гор, и вдруг - чудо. Тень Базилио, что всегда была серой и невзрачной, как пыль на дороге, вспыхнула золотом. Не просто отразила свет - она сама светилась, будто внутри неё горела лампада. Золотые лучи падали на землю, и трава под ними становилась изумрудной, а цветы распускались, хотя был октябрь.

Базилио упал на колени. «Господи, - прошептал он, - за что мне такая милость?» И вспомнил слова апостола: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Он не понял, что произошло, но сердце его затрепетало, как птица в клетке.

Новость облетела Златолесье быстрее ветра. Сначала прибежала вдова Агафья с корзинкой яиц.

- Базилио, милый, это правда? - спросила она, и тень коснулась её рук. Яйца в корзинке вдруг стали золотыми, как пасхальные. Агафья заплакала: - Господи, прости мою зависть, я ведь думала, что ты богаче меня…

Потом пришёл кузнец Фома, хромая и бормоча:

- Если это правда, я выкую из твоей тени меч, что разрубит любую тьму. Но когда тень коснулась его больной ноги, боль ушла, как дым. Фома упал на колени:

- Прости, Базилио, я хотел взять, а не дать.

К вечеру деревня гудела, как улей. Люди шептались: «Это чудо. Это знамение». А наутро

пришли чужие.

Первым был рыцарь в чёрных доспехах, сэр Годфрид фон Шварцвальд. Его конь был чёрен, как ночь, а глаза - как угли. Он соскочил с седла и сказал громовым голосом:

- Я слышал, у тебя тень из золота. Отдай её мне, и я сделаю тебя своим вассалом.

Базилио покачал головой:

- Тень не моя, чтобы отдавать. Она Божья.

Годфрид рассмеялся:

- Бог дал - я возьму. - Он выхватил меч и попытался отрубить кусок тени. Меч прошёл сквозь неё, как сквозь дым, но лезвие раскалилось и обожгло руку рыцаря. Годфрид завыл от боли и злобы:

- Проклятие! Это колдовство! - Но в глубине души он почувствовал укол совести - ведь он хотел не для добра, а для власти.

За рыцарем пришла принцесса Изабелла из далёкого королевства. Она была красива, как утренняя звезда, но глаза её были холодны, как лёд.

- Я куплю твою тень, - сказала она, - за сундук жемчуга и дворец.

Базилио улыбнулся:

-Дворец не согреет душу, принцесса.

Изабелла топнула ногой:

- Ты смеешь отказывать мне? - Но когда тень коснулась её платья, жемчуг в сундуке потускнел, а платье стало простым, как у крестьянки. Принцесса заплакала:

- Я думала, золото сделает меня счастливой…

Потом явился алхимик Мерлин из Праги, с бородой до пояса и глазами, как у совы. Он принёс колбы, порошки и заклинания.

- Я отделю тень, - сказал он, - и сделаю из неё эликсир вечной молодости.

Он начертил круг, зажёг свечи, но тень не шелохнулась. Вместо этого свет её проник в сердце алхимика, и он увидел свои грехи: как обманывал королей, как продавал пустые обещания. Мерлин упал на колени:

-Прости, Господи, я искал не истину, а выгоду.

А за алхимиком - пират капитан Сильвер с деревянной ногой и попугаем на плече.

- Аррр! - зарычал он. - Золото - моё по праву моря!

Он хотел отрезать тень саблей, но сабля сломалась, как тростинка. Попугай закричал:

- Сокровища в сердце, сокровища в сердце!

Пираты рассмеялись, но капитан Сильвер вдруг вспомнил, как в детстве мать учила его молиться. Он снял шляпу:

- Прости, Базилио, я грабил, потому что боялся быть бедным.

Но самым страшным был монах-отступник по имени Варфоломей. Он пришёл ночью, в чёрном плаще, с лицом, скрытым капюшоном.

- Я знаю, как взять тень, - прошептал он. - Нужно убить хозяина.

Он достал кинжал, но тень вспыхнула ярче солнца, и Варфоломей увидел в ней своё отражение: лицо, искажённое ненавистью. Он закричал и убежал в лес, где его нашли волки. Говорят, он стал отшельником и молился до конца дней.

А Базилио? Он не изменился. Он продолжал помогать. Когда пришёл нищий мальчик Янек, просящий хлеба, Базилио отдал ему последний кусок. Тень коснулась Янека, и его лохмотья стали чистыми, а в руках появился каравай. Янек заплакал:

- Я думал, что красть - это выжить. Прости меня.

Когда заблудилась в лесу девочка Мария, дочь мельника, Базилио пошёл искать её. Тень светила, как фонарь, и вывела девочку к дому. Мария обняла его:

- Ты как ангел, дядя Базилио.

Но злые силы не дремали. Сэр Годфрид, принцесса Изабелла, алхимик Мерлин, капитан Сильвер и монах Варфоломей, который вернулся, но уже не с кинжалом, а вновь с мыслями дурными - все они собрались в тёмной пещере под горой. Там же был старый колдун по имени Малхус, с лицом, как высохшая груша.

- Мы украдём тень, - сказал он, - с помощью древнего заклинания.

Они начертили пентаграмму, зажгли чёрные свечи и начали петь задом наперед на латыни.

В ту же ночь Базилио проснулся от шума. Он вышел на улицу и увидел, как тень его дрожит, будто от ветра. «Господи, - прошептал он, - защити». И пошёл в церковь. Там, перед иконой Богородицы, он молился всю ночь. А наутро случилось чудо.

Злодеи ворвались в деревню.

Сэр Годфрид кричал:

- Отдай тень!

Принцесса Изабелла шептала:

- Я заплачу!»

Алхимик Мерлин сыпал порошки.

Капитан Сильвер махал саблей.

А Варфоломей, уже в белом, но с чёрной душой, читал заклинания.

Но тень не шелохнулась. Она светила ярче. И вдруг из церкви вышел священник отец Серафим, с крестом в руках.

- Во имя Отца и Сына и Святого Духа! - воскликнул он.

Злодеи замерли. Тень Базилио коснулась каждого.

Сэр Годфрид увидел, как его меч превращается в плуг.

- Я буду пахать землю, а не воевать, - сказал он.

Принцесса Изабелла увидела, как её платье становится простым, но тёплым. «Я буду шить для бедных», - прошептала она.

Алхимик Мерлин увидел, как его колбы наполняются чистой водой.

- Я буду лечить, а не обманывать», - сказал он.

Капитан Сильвер увидел, как его сабля становится удочкой.

- Я буду ловить рыбу, а не грабить, - рассмеялся он.

С тех пор Базилио жил, как жил. Он помогал всем. Его тень светила путникам, заблудившимся в лесу, и они находили дорогу. Она светила больным, и они исцелялись. Она светила детям, и они учились добру.

А злодеи? Они стали добрыми. Сэр Годфрид пахал землю и делился урожаем. Принцесса Изабелла шила одежду для сирот. Алхимик Мерлин лечил травами. Капитан Сильвер ловил рыбу и кормил голодных. А Варфоломей молился в церкви и учил детей Евангелию.

И каждый вечер, когда звонил колокол, Базилио стоял на пороге, и тень его светила, как звезда. И люди говорили: «Вот что значит доброе сердце. Вот что значит вера».

И жили они долго и счастливо, потому что поняли: настоящее золото - не в тени, а в душе.

Рыцарь Белой Лилии

Давным-давно, когда леса были гуще, а звёзды ближе, в королевстве Лунного Озера стоял замок Белой Лилии. Его башни отражались в воде, словно белые цветы на тёмной глади. В этом замке жил старый рыцарь Элиан, которого называли Рыцарем Белой Лилии. Его доспехи сияли, как первый снег, а на щите цвела вышитая серебром лилия - дар самой Пресвятой Девы, полученный в юности, когда он дал обет защищать слабых и молиться за врагов.

Песни о нём пелись у очагов: как он победил великана Громобоя, что разорял деревни; как спас принцессу Лиану от колдуна Теней; как в битве при Золотом Мосту один встал против сотни. Но теперь волосы Элиана поседели, руки дрожали, держа меч, а сердце тосковало. Он знал: пришло время последнего подвига. Не за славу, не за золото - за души, что гасли, как свечи на ветру.

В королевстве творилось неладное. Люди перестали смеяться. Дети не играли в прятки, матери не пели колыбельных, кузнецы бросали молоты. Радость уходила, будто вода из разбитого кувшина. Старики шептали: «Это Дракон Уныния. Он не жжёт огнём - он высасывает свет из сердец».

Элиан оседлал верного коня Серебряного, что был с ним с первой битвы, и отправился в путь. На плече его сидела маленькая фея Мелисса - хранительница белых лилий, чьи крылья переливались, как жемчуг. В седельной сумке лежал Псалтырь в кожаном переплёте, подаренный настоятелем монастыря Святого Георгия.

По дороге встречались сказочные создания. В Тёмном Лесу, где деревья шептали молитвы, Элиана приветствовал старый друид Оакхарт, чья борода была из мха, а глаза - из янтаря.

- Куда путь держишь, рыцарь? - спросил он, гладя посох из дуба.

- Ищу Дракона Уныния, - ответил Элиан. - Он в руинах монастыря Святого Георгия.

Оакхарт вздохнул: «Там, где когда-то пели монахи, теперь воет ветер. Но помни: мечом его не взять. Он питается гордостью».

Дальше, у реки Слёз, рыцаря встретила русалка Ариэль с волосами цвета водяных лилий.

- Ты стар, Элиан, - сказала она, грустно улыбаясь. - Зачем тебе эта битва?

- Потому что я дал обет, - ответил рыцарь. - И потому что люблю этот мир.

Русалка подарила ему жемчужину, что светилась в темноте: «Когда будет совсем темно - разбей её. Свет вернётся».

Наконец, Элиан достиг руин. Монастырь Святого Георгия лежал в руинах на холме, как сломанный крест. Колокольня рухнула, купола поросли мхом, а в алтаре, где когда-то сияла икона Победоносца, теперь лежал Дракон.

Он был огромен, но не страшен. Чешуя - цвета пепла, глаза - как пустые колодцы. Из пасти не вырывалось пламя, но каждый выдох забирал краски из мира. Цветы вяли, птицы замолкали.

- Ты пришёл, Рыцарь Белой Лилии, - прошипел Дракон голосом, похожим на шорох сухих листьев. - Я ждал тебя. Твои подвиги - моя пища. Каждая победа - глоток твоей гордости.

Элиан вынул меч. Клинок, что рубил драконов и великанов, теперь казался игрушкой.

- Твое оружие бесполезно, - засмеялся Дракон. - Я неуязвим для стали. Я - Уныние. Я живу в сердцах, что забыли молиться.

Рыцарь опустил меч. Вспомнил слова Оакхарта. Вспомнил, как в юности, после первой победы, он стоял на коленях перед иконой Святого Георгия и плакал от радости. Тогда он понял: настоящая победа - не в убийстве, а в любви.

Элиан сломал меч об колено. Звон разнёсся по руинам, как колокол. Он открыл Псалтырь и начал читать вслух:

«Господи, воззвах к Тебе, услыши мя...»

Каждое слово падало, как белая лилия. Цветы ложились на чешую Дракона, и та начинала таять. Дракон завыл - не от боли, а от света.

- Нет! - кричал он. - Я - тьма! Я - пустота!

Но слова продолжали падать. «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых...» Лилия за

лилией, лепесток за лепестком. Дракон уменьшался. Его чешуя становилась прозрачной, как лёд под солнцем.

Вдруг из алтаря поднялся свет. Там, где лежала икона, теперь стоял Святой Георгий - в золотых доспехах, с копьём в руке. Но копьё не было направлено на Дракона. Оно указывало на сердце Элиана.

- Ты победил, сын мой, - сказал Святой. - Не мечом, но молитвой. Не гордостью, но смирением.

Дракон растаял совсем. На его месте осталась лишь горстка пепла, из которой выросла белая лилия - самая чистая из всех.

Элиан упал на колени. Слёзы текли по щекам - не от горя, а от радости. Он понял: последний подвиг - не убить врага, а спасти его. Дракон Уныния был когда-то ангелом, что забыл петь. Теперь он вернулся к Богу.

Фея Мелисса подлетела и поцеловала рыцаря в лоб. Русалка Ариэль выплыла из озера и запела - впервые за много лет. Друид Оакхарт ударил посохом о землю, и лес зазеленел.

Королевство ожило. Дети засмеялись, матери запели, кузнецы подняли молоты. А в замке Белой Лилии Элиан посадил ту самую лилию из пепла Дракона. Она цвела круглый год, напоминая: настоящая сила - в молитве, настоящая победа - в любви.

И каждый вечер, когда солнце садилось за Лунное Озеро, старый рыцарь садился у окна с Псалтырью на коленях и тихо читал. А дети, прижавшись к его коленям, слушали и учились: быть рыцарем - значит не убивать драконов, а возвращать им крылья.

Дракон Уныния молитвой рыцаря преобразился в поющего Ангела Покоя.

Сказка о двух свечах

В старой-престарой церкви, где стены пахли ладаном и мёдом, каждое утро кто-то зажигал свечи. Большие и маленькие, белые и жёлтые, они стояли в подсвечниках, как тихие солдаты света.

Однажды утром проснулись две свечки. Одна стояла прямо посреди храма, на высоком золотом подсвечнике перед иконой Спасителя. Она была стройная, гладкая, блестела от солнечного лучика, который падал через окно. Люди подходили, ставили рядом другие свечи, молились, а пламя этой свечи тихо покачивалось и отражалось в их глазах.

А в углу, возле двери, стояла другая свечка - крохотная, тоненькая, чуть наклонившаяся набок. Её поставили, чтобы освещать угол, где лежали старые молитвенные книги. Никто почти не замечал её огонька.

- Как же мне не повезло, - вздохнула маленькая свечка. - Вон та, в центре, сияет для всех. Её огонь отражается в золоте и иконах. А я - просто в углу. Кто меня увидит?

Церковная тишина ответила только шорохом ладанного дыма.

Большая свеча услышала её слова и гордо приподняла фитилёк:

- Так уж устроено, малышка, - сказала она. - Кому-то дано стоять в центре, кому-то - в тени. Но не печалься: мы обе - свет.

- Легко тебе говорить, - грустно шепнула маленькая. - На тебя все смотрят. Тебя зажигает сам священник. А я стою у двери, где сквозняк гуляет. И капаю воском на камень.

Большая свеча гордо загорелась ярче, её пламя стало ровным и сильным:

- Просто нужно быть достойной своего места. Свети ярко - и всё.

Маленькая свечка хотела ответить, но вдруг ветер из открытой двери чуть не задул её. Она дрогнула и затрепетала. Большая свеча блеснула золотом и шепнула с сожалением:

- Видишь? Углы - не место для света.

Прошёл день, потом другой. Церковь дышала тишиной, иногда звонили колокола, и тёплый воздух дрожал от звука. Люди приходили, ставили свечи, крестились, шептали молитвы.

Маленькая свечка всё горела в своём уголке. Она старалась не угаснуть, даже когда сквозняк проносился по полу. Её капельки воска блестели, как маленькие слёзы.

Однажды в храм вошёл мальчик. Совсем маленький, лет шести. Он был без шапки, глаза его блестели от слёз. Мама, видно, где-то потерялась на улице.

Он стоял у двери, не решаясь идти дальше. В храме было тихо, только лампады мерцали. Свет от центральной свечи не доходил до угла - там было полутемно.

И тут он заметил крошечный огонёк - маленькую свечку у двери. Она дрожала от ветра, но не гасла. Свет её был тёплый, мягкий, как дыхание.

Мальчик подошёл поближе.

- Ой, как ты красивая, - прошептал он. - Маленькая… но настоящая.

Он посмотрел на огонёк, и сердце у него перестало так сильно колотиться. Ребёнок тихо сел рядом и прошептал:

- Господи, помоги мне найти маму…

Пламя свечки чуть дрогнуло - будто послушало. И в этот миг дверь заскрипела, и в храм вошла запыхавшаяся женщина. Она кинулась к мальчику, обняла его крепко-крепко.

- Вот ты где, милый мой! - сказала она, и у неё тоже на глазах блеснули слёзы.

Мальчик показал на свечку:

- Мам, смотри, она мне помогла. Я молился, и ты пришла.

Мама улыбнулась и перекрестилась:

- Господи, слава Тебе.

Когда они ушли, маленькая свечка долго-долго вспоминала это. Её восковая душа теплилась тихой радостью.

Большая свеча посмотрела на неё сверху и спросила:

- Что случилось? Почему ты светишь так ровно, как будто в тебе поёт ангел?

Маленькая свечка тихо ответила:

- Ко мне сегодня пришёл ребёнок. Он испугался и молился рядом со мной. И Господь услышал.

Большая свеча помолчала. Пламя её чуть дрогнуло.

- Значит, ты не зря стоишь в своём углу, - сказала она тихо.

- Наверное, - улыбнулась маленькая. - Главное - не где ты горишь, а зачем.

Прошли дни. В храме зажигались новые свечи, старые догоряли. Люди приходили и уходили, но ангелы знали - каждый огонёк хранит свою историю.

Однажды свечи остались вдвоём - храм был пуст. Сквозь окно падал луч солнца, и пыль танцевала в нём, как крошечные звёздочки.

- Знаешь, - сказала большая свеча, - я часто думала: если бы меня поставили в угол, я бы обиделась. Но теперь понимаю - свету всё равно, где светить. Он всегда делает одно и то же - разгоняет тьму.

Маленькая свечка тихо потрескивала и ответила:

- Я тоже поняла: Господь сам знает, где кому гореть. Главное - не погаснуть, даже если никто не видит.

И в этот миг их пламя будто поклонилось друг другу.

Вдруг из окна влетел лёгкий ветерок - он принёс запах весны. Пламя обеих свечей дрогнуло и на мгновение слилось в одно большое сияние. Храм словно улыбнулся.

Где-то далеко зазвенел колокольчик. Может, это был настоящий колокол, а может - просто свет радовался, что его поняли.

Маленькая свечка шепнула:

- Спасибо тебе, сестра. Я больше не грущу.

- И я, - ответила большая свеча. - Твой свет стал и моим.

Когда вечером сторож зашёл в храм, он увидел: в углу тихо догорела маленькая свечка. На камне осталась капелька воска - как сердечко.

Он улыбнулся, перекрестился и сказал:

- Хорошая свечка. Горела до конца.

А в это время, в другом конце города, мальчик, который тогда нашёл свою маму, засыпал, прижимая к груди маленькую свечку, похожую на ту, что стояла у двери. Он не знал, что она уже догорела, но в сердце его жил тот самый свет - тёплый, тихий, добрый.

Свет, который не гаснет.

Каждый светит по-своему. Главное - чтобы в сердце было тепло, а в душе - место для света Божьего. Даже самый маленький огонёк может согреть целый мир, если он горит с любовью.

Роса и Камень

В далёком лесу, где сосны шептали молитвы ветру, а ручейки пели «Господи, помилуй», стоял огромный Камень. Он был выше берёзы, шире дуба и твёрже кремня. Камень гордился собой: «Я вечен! Ни дождь, ни ветер, ни даже молния меня не тронут!»

По утрам на его плечах, как жемчужины, сияли капельки Росы. Они были крошечные, прозрачные, и с первым лучом солнца исчезали, оставляя лишь лёгкий блеск.

- Ха-ха! - гремел Камень. - Вы, росинки, слабые, как пёрышко! Я стою веками, а вы - раз, и нет вас!

Росинки не сердились. Одна из них, самая старшая, по имени Капелька, тихо говорила подругам:

- Не спорьте с ним. Господь учит: «Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю». Мы будем делать своё дело - любить и поить цветы.

Каждое утро росинки собирались на одном и том же месте - на маленькой впадинке в боку Камня. Там они капали, капали, капали…

Прошёл год. Камень хохотал:

- Видите? Ничего вы не сделали!

Прошло десять лет. Камень начал замечать, что впадинка стала чуть глубже.

- Это ветер! - ворчал он. - Или мороз!

Прошло сто лет. Впадина превратилась в настоящую ямку. В ней собиралась вода, и в ней отражалось небо.

Однажды весной, когда лес расцвёл подснежниками, Камень вдруг почувствовал… жажду. Да-да, камень может жаждать! Он увидел, как в ямке плещется чистая вода, и в ней плавает крошечная рыбка, которую принесла птица.

- Откуда это? - удивился Камень.

Капелька, уже давно ставшая частью облака, но всё ещё помнившая Камень, спустилась к нему в виде лёгкого дождя.

- Это мы, росинки, - прошептала она. - День за днём, год за годом, мы капали с любовью. Не для того, чтобы победить тебя, а чтобы подарить жизнь.

Камень замолчал. Впервые за тысячу лет он не захотел хвастаться.

- Я был гордым, - сказал он тихо. - Думал, что сила - в твёрдости. А вы… вы были мягче пуха, но сильнее меня.

С тех пор Камень изменился. В его ямке всегда была вода - для птиц, для зайчат, для усталых

путников. А по утрам росинки садились на него не как на врага, а как на друга.

Лесные дети - белочка Машенька, зайчик Петенька и ежик Фёдор - приходили к Камню играть. Они пили из его чаши-ямки и слышали, как он рассказывает:

- Запомните, малыши:

Гордость - как камень, твёрдый, но одинокий.

Кротость - как роса, слабая, но живая.

Любовь - как капля за каплей: не торопится, не кричит, но в конце концов пробивает даже гранит.

А когда солнце поднималось высоко, Камень шептал росинкам:

- Спасибо вам. Вы научили меня быть добрым.

И росинки сияли, как маленькие звёздочки, потому что знали: Господь смотрит на них и улыбается.

Однажды в лес пришёл мальчик Ванечка. Он заблудился и плакал у корней старой ели. Камень увидел его и позвал:

- Не бойся, малыш! Иди ко мне.

Ванечка подошёл. Камень показал ему ямку:

- Попей водички. Она сладкая, потому что в ней - любовь росинок.

Ванечка напился и вдруг услышал голос:

- Ванечка, иди на звук ручья. Он выведет тебя домой.

Это была Капелька, ставшая облачком, но всё ещё заботившаяся о лесных детях.

Ванечка пошёл и вскоре увидел маму. А когда вернулся в лес поблагодарить Камень, тот сказал:

- Видишь, сынок? Даже камень может стать добрым, если рядом - кроткие сердца.

С тех пор в лесу появилась традиция: каждое утро дети приносили к Камню цветок или ягодку. А Камень хранил их в своей ямке, как сокровище.

И лес жил счастливо. Потому что знал:

Маленькое добро, повторённое каждый день, сильнее великой силы, сделанной один раз.

А росинки? Они по-прежнему появляются на рассвете. Только теперь Камень встречает их не насмешкой, а тихой молитвой:

- Господи, благослови этих крошек. Они научили меня любить.

И солнце, поднимаясь, освещает их всех - Камень, росинки, цветы, детей - и лес поёт:

«Блаженны кроткие… блаженны миротворцы… блаженны чистые сердцем…»

Подарок для старого леса

Жила-была дружная семья лесных зверушек. Жила она в самом сердце дремучего леса, где берёзы шептались с ветром, а сосны тянулись к самому солнцу. Скоро наступал самый радостный и светлый праздник - Пасха, Воскресение Христово. Просыпалась земля от зимнего сна, на проталинках робко пробивалась первая травка, и птицы выводили такие звонкие песни, что, казалось, сам воздух звенел от счастья.

На большой поляне, которую все звали Сердцем Леса, собрались звери. Мудрый старый Филин, который много знал и читал древние книги мха, предложил:

- Друзья! Давайте украсим нашу поляну к великому празднику! Пусть каждый принесёт сюда самое красивое, что у него есть, в дар лесу и в радость друг другу!

Зверушки обрадовались и тут же бросились кто куда.

Шустрая белочка Лизавета принесла горстку золотистых кедровых орехов. Она аккуратно разложила их у самого большого пня.

-Они блестят, как маленькие солнышки! - сказала она.

Птицы - синички, снегири и зяблики - принесли самые яркие свои пёрышки: голубые, жёлтые, алые. Они вплели их в ветки берёз, и те стали похожи на праздничные вербочки.

Заяц принёс первые весенние цветы - нежные белые подснежники. Он поставил их в маленькое дупло, словно в вазу. Даже серьёзный барсук притащил красивый блестящий камушек, отполированный дождевой водой.

Все трудились, суетились, хвастались своими подарками. И только маленький ёжик по имени Проша стоял в стороне и грустно вздыхал. Он смотрел на орехи, пёрышки и цветы и понимал, что у него нет ничего особенного, ничего красивого, чем бы он мог украсить поляну.

У него не было ярких перьев, он не умел собирать орехи так ловко, как белка, а его иголки были серыми и колючими. «Я, наверное, самый никчёмный ёжик на свете, - подумал Проша, и у него на глаза навернулись слезинки. - Ничего не могу подарить нашему лесу».

Он тихонько, чтобы никто не заметил его грусти, побрёл прочь с поляны. Шёл он по тропинке, уткнув нос в землю, и горько вздыхал.

Вдруг он услышал встревоженные голоса. Это муравьи бегали вокруг своего разорённого муравейника. Какой-то неосторожный зверь задел его лапой, и весь трудный муравьиный дом рассыпался.

- Беда-беда! - суетились муравьи. - Мы не успеем к празднику всё починить!

Проша забыл про свою грусть.

-Не волнуйтесь! - сказал он. - Я вам помогу.

Он был хоть и маленький, но очень аккуратный. Своими лапками он поднял большие веточки, уложил хвоинки, помог восстановить стены муравейника. Муравьи радостно закивали

головами:

-Спасибо тебе, ёжик Проша! Ты настоящий друг!

Проша улыбнулся впервые за этот день и пошёл дальше. Грусть его понемногу рассеивалась, как утренний туман.

Вскоре он услышал тихий писк. Возле большой лужи на листике сидел маленький жучок в синем плаще и горько плакал.

-Что случилось? - спросил ёжик.

-Я нечаянно упал в лужу, - всхлипывал жучок. - Весь промок, крылышки отяжелели, и я не могу взлететь. А мне нужно домой к деткам!

Проша не раздумывая подошёл к луже. Он осторожно наклонился, поддел жучка своим влажным от воды носом и перенёс его на сухую кочку.

-Вот, теперь обсохнешь на солнышке и полетишь, - сказал ёжик.

- Ой, спасибо тебе! - просипел жучок, расправляя крылышки. - Ты спас меня!

Проша кивнул и побрёл дальше, чувствуя в своём сердечке маленькую искорку тепла.

Дальше по пути он встретил старую мышь-маму, которая тащила тяжёлую гроздь сухих ягод для своих мышат.

-Позвольте мне вам помочь, - предложил Проша и взял самую тяжёлую часть ноши.

Они вдвоём донесли ягоды до норки, и мышь-мама сказала ему ласково:

-Добрый ты, ёжик. Господь наградил тебя большим сердцем.

Проша не совсем понимал, что значит «Господь», но слова прозвучали так тепло, что ему стало совсем хорошо.

Помогая всем, ёжик и не заметил, как обошёл почти весь лес. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая небо в розовые и золотые цвета. «Наверное, все уже собрались на поляне, - с лёгкой грустью подумал Проша. - Пойду посмотрю на их праздник хоть одним глазком».

Он вернулся на поляну. Все звери уже были там. Поляна сияла украшениями. Но что это? Все звери стояли не на своих местах, а сгрудились вокруг муравейника, вокруг лужи и смотрели то на небо, то на землю. На лицах у них было не просто восхищение, а настоящее изумление.

- Смотрите! - пищали муравьи. - Это ёжик Проша нам помог! Теперь наш дом ещё краше стал!

-А меня ёжик Проша спас! - кричал жучок в синем плаще, весело порхая над самой лужицей, в которой теперь отражалось вечернее небо. - Теперь в луже, как в зеркале, видно все звёзды!

-А мне ёжик Проша ягоды донёс! - говорила старая мышь. - Какая доброта!

Все обернулись на Прошу, который робко стоял на краю поляны. Ему стало стыдно, что он пришёл с пустыми лапками.

Но мудрый Филин медленно подлетел к нему, уселся на ветку рядом и сказал таким тёплым голосом, что у всех на душе стало спокойно:

- Не печалься, ёжик Проша. Ты принёс лесу самый главный и самый прекрасный дар.

Проша удивлённо посмотрел на него своими чёрными бусинками-глазками.

-Я? Но у меня же ничего нет…

- Ошибаешься, - промолвил Филин. - Ты принёс самое драгоценное, что есть на свете - любовь и добрые дела. Ты помогал всем, кого встречал, не думая о награде. Ты отдавал частичку своего сердца. Посмотри вокруг!

Проша поднял глаза и ахнул.

Тот муравейник, который он поправил, теперь аккуратный и высокий, был похож на маленький золотой замок в лучах заходящего солнца.

Лужа, из которой он спас жучка, была чистой и прозрачной, и в ней, как в огромном зеркале, отражалось всё розовое небо с первой вечерней звездой. Она сияла, словно драгоценный алмаз.

А тропинка, по которой он нёс ягоды для мышат, теперь была усыпана лепестками первых цветов, которые распустились за день, будто сама земля улыбалась ему.

- Видишь? - сказал Филин. - Ты не просто помогал. Ты преобразил лес своей добротой. Ты сделал его чище, светлее и радостнее. В Евангелии, самой главной Книге, сказано: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела». Твой свет, Проша, - это твоё доброе сердце. И его сияние - самое красивое украшение.

И тут Проша понял. Он не принёс на поляну ни одного предмета, но он принёс с собой самое важное - мир, радость и помощь. Его маленькие дела, словно бусины, нанизались на ниточку этого дня и сложились в самое красивое ожерелье.

Все звери окружили его, не скупясь на ласковые слова. И ёжик Проша больше не чувствовал себя никчёмным. Он чувствовал себя частью одного большого целого, где каждый важен, и где самая большая ценность - это любить и помогать друг другу.

Они встретили Пасху на украшенной поляне. Но главным украшением была не яркая мишура, а любовь, которая сияла в сердце каждого, и особенно - в сердце маленького доброго ёжика. И лес вокруг звенел от счастья, прославляя Воскресение Христово - праздник любви, добра и света, который живёт в каждом, кто готов поделиться им с другими.

Радуга и Дождь

В те времена, когда мир был ещё совсем молодой, и небо разговаривало с землёй шепотом ветра и пением птиц, случился великий и грозный Потоп. Но потом буря утихла, тучи разошлись, и Бог подарил людям прекрасное обещание - что больше никогда вода не покроет всю землю. А знаком этого доброго обещания, которое называют Заветом, стала удивительная Радуга.

С тех пор каждый раз после дождя, когда солнышко выныривало из-за туч, Радуга просыпалась и раскидывала свой дивный мост между небом и землёй. О, какая же она была красивая! Семь

цветов переливались на её дуге: красный, как спелая маковка, оранжевый, как апельсин, жёлтый, как цыплёнок, зелёный, как сочная травка, голубой, как небо в ясный день, синий, как василёк в поле, и фиолетовый, как лесная фиалка.

Люди, звери и птицы, завидя её, замирали от восторга.

- Смотрите, смотрите, какая красота! - кричали дети.

- Чудо-чудное! - восхищались взрослые.

- Лучше всех на свете! - щебетали ласточки.

И Радуга слышала эти слова. Она радовалась, но потихоньку стала очень-очень гордиться. Она любовалась своим отражением в лужах и думала: «Вот я какая нарядная! Я - самое прекрасное, что есть на небе. Без меня мир был бы скучным и серым».

Она так возгордилась, что даже солнышку говорила:

-Ты, Солнышко, конечно, светишь ярко, но твой свет просто жёлтый. А у меня - целых семь цветов!

Солнышко, которое было очень мудрым и добрым, только ласково улыбалось и грело землю ещё сильнее.

А рядом с Радугой жил старый друг - Дождь. Он был совсем не таким ярким. Он был тихим, спокойным и часто грустил. Люди не всегда его любили. Они говорили: «Опять этот Дождь, на улицу не выйти, лужи everywhere». И Дождь тихонько плакал над землёй, омывая листочки, поя травку и наполняя ручейки.

Однажды, после того как Дождь особенно долго поливал землю, выглянуло Солнышко и позвало Радугу на небо. Она вышла, сияющая, гордая, и раскинула свой мост. Все, как всегда, восхищались ею.

Внизу, на краю леса, стоял маленький Зайчонок. Он смотрел на Радугу и вздыхал:

-Как бы я хотел быть таким же красивым, как ты, Радуга!

А его мама, Зайчиха, ласково потрепала его за ушком и сказала:

-Красота - это хорошо, сынок. Но самая большая красота - в добром сердце. Ты помнишь, как Дождик только что напоил нашу полянку, и теперь у нас есть сочная травка? Это его труд.

Радуга услышала эти слова и нахмурилась. «Что это за труд? - подумала она. - Я сияю, а он просто льёт воду. Какая в этом красота?»

В этот миг с неба спустилась пушистая Тучка, сестра Дождя. Она шепнула Радуге:

-Не гордись так, сестрица. Вспомни, кто помогает тебе родиться.

Радуга удивилась:

-Я сама рождаюсь! Я выхожу, когда хочу!

Тучка покачала головой:

-Нет, милая. Ты появляешься на свет только тогда, когда наш брат, Дождь, плачет над землёй, а Солнышко освещает его слёзы. Твои цвета - это свет Солнышка, который проходит сквозь капельки Дождя.

Радуга не поверила. Она решила поговорить с самим Дождём. Она нашла его там, где он тихо перебирал свои серебряные нити, готовясь напоить поле ромашек.

- Послушай, Дождь, - сказала Радуга важно, - правда ли, что я сияю лишь тогда, когда ты… плачешь?

Дождь перестал шуметь. Он посмотрел на Радугу своими чистыми, как родник, глазами. В них не было обиды, только тихая печаль и доброта.

- Да, Радуга, это правда, - тихо ответил он. - Ты сияешь на небе лишь тогда, когда я плачу над землёй.

У Радуги дрогнул самый кончик её зелёного цвета. Она впервые внимательно посмотрела на Дождь. Он был не серым и скучным, а серебристым и переливчатым. Каждая его капля была как маленькое зеркальце, в котором играл солнечный свет.

- Но… зачем ты плачешь? - спросила Радуга, и голос её стал тише.

- Я не плачу от грусти, - объяснил Дождь. - Я трудюсь. Я омываю мир, чтобы он был чистым. Я пою цветы и деревья, чтобы они росли. Я наполняю реки, чтобы рыбы могли плавать, а звери - пить. Мои слёзы - это любовь к земле. А твоя красота, Радуга, - это награда за этот труд. Это знак того, что после труда и даже маленькой грусти всегда приходит радость и красота. Ты - улыбка неба после моей работы.

Радуга слушала, и её яркие цвета начали меркнуть не от обиды, а от стыда. Она посмотрела вниз, на землю. Увидела, как блестят на солнце капельки на паутинке, как ярко зеленеет травка, как умытые ромашки тянутся к небу. Всю эту свежесть и чистоту подарил земле скромный, трудолюбивый Дождь.

А она, Радуга, только красовалась, думая, что всё это - только её заслуга.

Крупная, круглая слеза - чистая, как слеза Дождя - покатилась по небу и упала в реку. Это была слеза Радуги.

- Прости меня, Дождь, - прошептала она. - Я была не права. Я была гордой и неблагодарной. Я не понимала, что моя красота рождается из твоего терпения и твоего труда.

Дождь улыбнулся, и от его улыбки засверкали все лужицы на дороге.

-Не надо печалиться, - сказал он. - Теперь ты поняла. А значит, твоя красота стала ещё больше, потому что в ней появилась доброта.

С тех пор Радуга совершенно переменилась. Она по-прежнему сияла после дождя, но теперь она не гордилась, а благодарила. Она благодарила Солнышко за его ласковые лучи, которые дарили ей свет. Она благодарила Дождь за его труд, который дарил ей жизнь.

А люди, глядя на Радугу, стали вспоминать не только о Божьем обещании, но и о простой жизненной истине: что самая большая красота рождается из смирения, труда и любви. И что нужно уметь говорить «спасибо» тем, кто рядом, тем, кто трудится тихо и незаметно, чтобы

мир вокруг стал чище, добрее и прекраснее.

И теперь, когда вы видите на небе разноцветную Радугу, знайте - это не просто мост между небом и землёй. Это улыбка благодарности, которая рождается из дождевых слёз, согретых солнышком. Это знак того, что после любого труда и даже маленькой грусти обязательно наступит радость, и Бог всегда подарит нам своё прощение и любовь.

Чай с Ангелом

Жила-была девочка София.

Она была такая маленькая, что помещалась в ладошку бабушкиного кота, а кот был толстый, как церковный колокол. София любила три вещи:

карабкаться по лестницам вверх,

слушать, как колокола поют «динь-дон-дон»,

задавать вопросы, на которые никто не знал ответа.

Однажды вечером София забралась на колокольню. Лестница виляла, как заячий хвостик, ступеньки скрипели «ой-ой-ой», а ветер шептал: «Не ходи, София, там высоко!» Но София шла. Дошла до самого верха, прижалась щекой к большому колоколу и… уснула. Колокол укачал её, как мама качает младенца: «бом-м-м… бом-м-м…»

Проснулась София - и ахнула!

Она лежала не на колокольне, а на пушистом облаке. Облако было мягкое, как подушка из гусиного пуха, и пахло свежим хлебом. Вокруг плыли другие облака: одно в виде зайца, другое - в виде чайника, третье - в виде бабушкиного кота, но с крыльями.

Посреди облака стоял столик.

На столике - чайник, который пыхтел паром в форме сердечек.

Рядом - две чашки: одна с цветочками, другая с ангелочками.

За столиком сидел Ангел.

Ангел был высокий, но не страшный. Крылья у него были сложены, как зонтик, а на голове - нимб, который вертелся, как юла. Ангел пил чай и не проливал ни капли, хотя облако качалось.

София потёрла глаза.

- Это сон? - спросила она.

- Сон, но не простой, - ответил Ангел голосом, похожим на колокольный звон. - Пей чай, пока горячий. Правила просты: задавай вопросы, но помни - ответы будут в форме загадок. Иначе чай остынет, а облако растает.

София села. Чашка сама прыгнула ей в руки. Чай был сладкий, как мамины блины, и тёплый, как ладошки.

- Первый вопрос! - сказала София. - Почему люди иногда грустят, даже когда солнышко светит?

Ангел отхлебнул чай и ответил загадкой:

- Потому что забыли, что они гости на этом пиру.

Пришли на праздник, а думают, что хозяева.

Хозяин - Тот, Кто печёт солнце, как булку,

а они спорят, чья ложка длиннее.

София нахмурилась.

- А пир - это что?

- Жизнь, - сказал Ангел. - Стол накрыт: цветы, птицы, смех, слёзы, всё вперемешку. Гости должны пробовать всё, благодарить и не жадничать. А кто жадничает - тому крошки.

София кивнула. Ей стало легче, будто кто-то снял с плеч рюкзачок с камушками.

- Второй вопрос! - воскликнула она. - Что такое молитва?

Ангел поставил чашку. Чашка звякнула, как колокольчик.

- Молитва - это когда тишина внутри становится громче шума снаружи.

Шум - это мысли-таракашки, которые бегают: «А вдруг? А если? А завтра?»

Тишина - это когда ты говоришь: «Господи, Ты тут?»

И Он отвечает не словами, а теплом в сердце.

София закрыла глаза. Внутри у неё действительно стало тихо-тихо, как в церкви перед службой. Только где-то далеко звенел невидимый колокольчик.

- А можно ещё вопрос? - прошептала она.

- Можно, - улыбнулся Ангел. Улыбка у него была, как у папы, когда он прячет конфету за спиной.

- Почему колокола поют по-разному: иногда весело, иногда грустно?

Ангел поднял палец. Нимб закрутился быстрее.

- Колокола поют сердцем того, кто в них звонит.

Если звонарь думает о любви - «динь-дон-динь», весело, как свадьба.

Если о прощании - «бом-м-м», грустно, но не страшно, потому что прощание - это «до встречи».

А если звонарь забыл, о чём звонит, колокол молчит, хоть язык у него медный.

София посмотрела вниз. Сквозь облако виднелась колокольня, маленькая, как игрушечная.

- А я смогу позвонить так, чтобы все услышали любовь?

- Сможешь, - сказал Ангел. - Но сначала научись слушать.

Колокол не врёт: он повторяет то, что у тебя внутри.

Тут чайник вдруг запел: «Пей до дна, пора домой!»

Облако стало таять, как сахар в чае.

София вскочила.

- А я успею ещё вопрос?

- Один, - кивнул Ангел.

- Что делать, если страшно?

Ангел встал. Крылья его раскрылись, как белый зонтик.

- Страх - это тень.

А тень бывает только там, где свет.

Повернись к Свету - тень убежит за спину.

Свет - это Тот, Кто сказал: «Не бойся, Я с тобой».

София обняла Ангела. Он был тёплый, как бабушкина булочка.

- Спасибо за чай!

- Спасибо за вопросы, - ответил Ангел. - Возьми подарок.

Он протянул ей невидимый колокольчик.

- Он звенит, когда пора вспомнить о небе. Не ищи его глазами - слушай сердцем.

Облако растаяло.

София открыла глаза - она снова на колокольне. Утро. Солнце золотило крыши. В руке - ничего. Но в сердце - лёгкий звон: «динь-дон-динь». София спустилась по лестнице. Ступеньки теперь не скрипели, а пели. Дома мама встретила её блинами.

- Где была, София?

- Пила чай с Ангелом, - сказала София.

Мама засмеялась: - Спишь на ходу, фантазёрка!

Но в этот момент в комнате звякнул невидимый колокольчик. Мама замерла.

- Слышишь?

- Слышу, - сказала София. - Это значит: пора вспомнить о небе.

С того дня София стала звонить в колокола. Сначала тихо, потом громче. Когда звонила - думала о любви, и колокола пели «динь-дон-динь», как свадьба. Соседи выходили на улицу и улыбались. Даже бабушкин кот мурлыкал в такт. А если кто-то грустил, София подходила и шептала:

- Ты гость на пиру. Попробуй блины - они с любовью.

И грусть уходила, как тень от солнца.

Однажды вечером София снова забралась на колокольню. Она закрыла глаза и прислушалась. В сердце звенел невидимый колокольчик.

- Ангел, ты тут? - спросила она.

Ветер ответил: «Всегда».

И София поняла: небо не далеко, оно в сердце, когда помнишь, что ты гость, и благодаришь Хозяина за каждый кусочек пира.

А колокольчик звенел: «Динь-дон-динь, люби, молись, не бойся, вспоминай о небе».

И все жили долго, и пили чай, и слушали тишину внутри, которая громче шума снаружи.

Сказка о Золотой Рыбке

В славной стране Солнечного Восхода, где солнце ласково будит волны лазурного моря, а в воздухе витают пряные ароматы корицы, шафрана и муската, жил бедный рыбак по имени Ариф. Жил он не в хижине, а в старой лодке, выброшенной штормом на берег. Но душа его была светла, а сердце билось в такт прибою.

Страна Солнечного Восхода была царством изысканных кулинарных искушений. На базарах в высоких пирамидах лежали сладчайшие финики, похожие на кусочки ночи, пропитанные медом. В харчевнях на вертелах зажаривались нежные ягнята, посыпанные розмарином и солью из далеких копей. Кондитеры творили чудеса из миндальной пасты и фисташек, создавая дворцы и диковинных птиц, которые таяли во рту, даря мимолетное облако блаженства. Ариф, проходя мимо, лишь вздыхал. Его улов был скуден - несколько серебристых сардин, за которые он мог выменять лишь горсть риса да краюху грубого ячменного хлеба.

Однажды, когда солнце висело в зените, расплёскивая по воде золотые блики, сеть Арифа внезапно стала тяжелой. Из воды показалось нечто ослепительное. Это была Рыбка. Но не простая! Чешуйки её переливались, как расплавленное золото, глаза сияли, как два сапфира, а хвост был похож на шлейф из светящегося шёлка.

Рыбка заговорила человеческим голосом, мелодичным, как перезвон хрустальных колокольчиков:

- Не губи меня, добрый человек. Отпусти меня в мою родную синь, и я исполню твоё желание. Проси что хочешь: новый дом из белого мрамора с фонтаном во дворе, быстрый корабль с шёлковыми парусами или сундук, полный драгоценных камней.

Ариф от изумления едва не выронил сеть. Он посмотрел на сияющую Рыбку, потом на берег, где в воздухе витал дразнящий аромат только что испеченных лепёшек с мёдом. И не дом, не корабль, не сокровища пришли ему на ум.

- О, Великая Рыбка! - воскликнул он. - Всю жизнь я знаю лишь вкус простой пищи, в то время как мир полон дивных яств. Я прошу тебя: дай мне безграничный желудок, который сможет вкушать все лакомства мира, не пресыщаясь! Чтобы я мог есть и есть, и никогда не наедаться, познавая всё новые и новые вкусы!

Золотая Рыбка печально качнула своей прекрасной головой. Но слово есть слово.

-Да будет так. Ты получил то, что просил. Но помни: любое желание имеет свою цену.

Щёлкнул золотой хвост, рассыпав по воде бриллианты брызг, и Рыбка скрылась в пучине. Ариф стоял по колено в воде, чувствуя странную пустоту внутри, будто в нём появилась бездонная пещера, жаждущая быть заполненной.

Он пошёл на шумный базар. На первые же выменянные сардины он купил себе огромный, дымящийся пирог с мясом и пряностями. Он съел его за два укуса. Вкусно? Да. Но странно - насыщения не наступало. Пустота внутри лишь громче завывала: «Ещё!»

И пошло-поехало. Ариф ел всё подряд. Он поглощал нежные сладости, тающие на языке, заедал их острыми кушаньями, пробовал экзотические фрукты с неведомыми названиями. Он ел утром, днём и ночью. Он смог наесться так, что живот его стал круглым, как шар, но внутри по-прежнему зияла та самая чёрная дыра. Он уже не чувствовал вкуса. Он лишь закидывал в эту бездну еду, как кидают дрова в ненасытный огонь. Радости не было. Была лишь мучительная, изматывающая гонка.

Обессиленный, с тусклыми глазами, сидел он как-то раз на своём привычном месте у воды, у края своей старой лодки. Перед ним лежали объедки его бесконечного пира: половинка граната, кусок сыра, крошечная, ароматная лепёшка. Он отломил от лепёшки крошку, но рука его дрогнула от усталости, и крошка упала в воду.

И тут произошло чудо. Из глубины выпорхнула стайка маленьких серебристых рыбок-песчинок. Они с весёлым азартом набросились на крошку! Они кружились вокруг неё, выхватывали друг у друга крошечные кусочки, их маленькие рты радостно хлопали. Это был пир! Пирушка целого царства из одной крошки! Они ели не для того, чтобы заполнить пустоту, а для того, чтобы жить. И в их танце, в их бойкой суете была такая чистая, такая искренняя радость, что Ариф замер, глядя на них, и в его сердце что-то перевернулось.

Он вспомнил, как ещё недавно сам с таким же благодарным чувством разламывал свою скромную краюху ячменного хлеба. Как он макал её в чашку с простой похлёбкой и чувствовал, как тёплый, солоноватый хлеб насыщает его, даёт ему силы. Как он был счастлив этому дару моря и земли. Он ел не чтобы «всё попробовать», а чтобы жить и благодарить Бога за эту жизнь. А хлеб в те дни казался ему самым вкусным на свете, потому что был желанным. Он был Даром.

Слёзы покатились из глаз Арифа. Он понял свою ошибку. Он просил не радости, а ненасытной страсти. Он хотел владеть всеми вкусами мира, но потерял способность чувствовать вкус одного-единственного куска хлеба. Счастье оказалось не в безграничности желаний, а в благодарном сердце, способном принять малый дар как великое чудо.

Он поднялся, подошёл к воде и тихо позвал:

-Золотая Рыбка, прошу тебя, явись!

Вода заблестела, и из неё появилась знакомая сияющая гостья.

-Что тебе ещё надобно, рыбак? - спросила она. - Разве безграничного желудка тебе мало?

- О, Великая Рыбка! - сказал Ариф, и голос его дрожал от слёз и надежды. - Я был слеп и глуп. Я просил у тебя проклятия, думая, что это благословение. Эта ненасытная пустота мучает меня. Я больше не хочу есть всё на свете. Я хочу вернуть способность чувствовать вкус. Вкус одной-единственной, но желанной краюхи хлеба. Я хочу снова радоваться простой пище, как дарованию свыше. Отбери назад свой дар и прости меня.

Золотая Рыбка смотрела на него, и в её сапфировых глазах теплилось одобрение.

-Хорошо, рыбак. Ты научился самому важному. Не в том сила, чтобы желать всё больше и больше, а в том, чтобы видеть благодать в малом и быть довольным тем, что имеешь. Да будет по вере твоей.

Она снова щёлкнула хвостом, и на этот раз свет окутал самого Арифа. Он почувствовал, как тяжкий камень свалился с его души, а та ужасная пустота внутри исчезла, уступив место лёгкому, приятному чувству голода.

Рыбка исчезла, а Ариф, пошатываясь от слабости, но с лёгким сердцем, побрёл к своему старому дому-лодке. По пути он выменял свою последнюю сардину на маленький, ещё тёплый, круглый хлебец.

Он сел на песок, отломил краюшку. Руки его дрожали. Он поднёс её ко рту и откусил.

О, чудо! Это был не просто хлеб. Это был самый изысканный вкус в его жизни! Он чувствовал тёплое солнце, вобравшееся в каждое зёрнышко, лёгкую горчинку поджаристой корочки, сладость самой жизни. Хлеб насыщал его, согревал изнутри, наполнял силой. Он ел медленно, благоговейно, чувствуя благодарность за каждый кусочек. Он был сыт. Сыт не объёмом, а радостью.

С тех пор Ариф жил бедно, но счастливо. Он ловил рыбу, делился уловом с соседями, а вечерами, разламывая свою скромную краюху, он всегда вспоминал Золотую Рыбку и тот урок, который она ему преподала. Он понял, что истинное воздержание - это не отказ от пищи, а умение вкушать её с благодарностью, не превращая в идола. И самая простая еда, поданная с любовью и принятая с благодарным сердцем, становится настоящим пиром, перед которым меркнут все кулинарные искушения мира. А в его старой лодке всегда пахло свежим хлебом - запахом настоящего, простого счастья.

Сказка о .....

В одной далёкой и странной стране, о которой никто не знает, а может быть, знает каждый, жил себе один человек. Он был ни беден, ни богат, не грустен и не весел, но в его сердце было нечто, чего он сам не мог понять. Он просыпался каждое утро, пил свой горячий чай и смотрел в окно, где мир казался ему как огромная книга с запутанными страницами, которые никто никогда до конца не прочёл. Человек знал, что в этом мире есть нечто важное, но не мог найти его. И тогда он решил отправиться в путешествие. Но это было необычное путешествие.

Он не взял с собой ни карты, ни еды, ни компаса. Он просто закрыл глаза, и мир, который раньше был вокруг него, начал разворачиваться внутри. Сначала человек увидел образы деревьев и гор, как те, что он видел за окном, но вскоре эти деревья стали расти вверх и вниз одновременно, а горы расплывались в реки, текущие к небу.

Он шёл по этой стране, хотя его ноги не двигались, и чем дальше он шёл, тем меньше был похож на самого себя.

В этой стране времени не существовало - все мгновения были одно и то же. И каждое мгновение, будь оно днем или ночью, было наполнено странными существами. Они не говорили словами, но их мысли раздавались эхом в его голове. Одно из существ, похоже на облако, но с глазами, медленно приблизилось к человеку и, не двигая рта, сказало:

- Ты ищешь ответы на вопросы, которые не задавал?

Человек задумался. Он не знал, за чем отправился в этот путь. Но облако-сознание продолжало:

- Ты хочешь знать, где заканчивается твоё сознание и начинается мир? Или, может быть, ты хочешь узнать, где мир заканчивается, и начинается ты?

Человек не знал, что ответить, потому что ему никогда не приходилось задаваться такими вопросами. Но с каждым мгновением, проведённым в этой стране, он ощущал, как его мысли становятся частью всего вокруг. Деревья, что росли в небе, теперь проникали в его разум. Камни, лежащие на земле, были теплыми от его прикосновения, хотя он никогда не трогал их. Ветер, который он не чувствовал на своей коже, вдруг стал шептать его собственными словами, которые он давно забыл.

И вот человек встретил ещё одно существо. Оно выглядело как зеркальная капля воды, но в ней отражалось всё, что было, есть и будет.

- В тебе больше Вселенной, чем ты думаешь, - сказала капля. - Но ты никогда не увидишь её, пока не перестанешь искать.

Человек снова задумался. Может, все его поиски были напрасны? Но как остановить поиск, если ты даже не знаешь, что ищешь?

Он остановился на мгновение, но это мгновение длилось вечно. Мир вокруг него стал прозрачным, словно всё, что он видел, было лишь тонкой вуалью, закрывающей истину. И когда он понял, что истина - не в том, чтобы найти что-то, а в том, чтобы стать всем, он растворился в этом мире.

Теперь он больше не был человеком. Он был ветром, что колышет траву на бескрайних полях. Он был звуком дождя, что стучит по крышам в далёких городах. Он был светом, что скользит по глади воды, и ночью, что окутывает землю. Но он всё ещё знал, что это он. Это был его мир, но одновременно не только его.

И с тех пор никто не знает, где этот человек. Может, он живёт в каждом из нас, как часть нашего сознания, которое стремится к чему-то большему, к чему-то, что мы не можем увидеть снаружи, но всегда можем найти внутри.

Так заканчивается сказка о том, что нет начала и конца. Потому что каждый раз, закрывая глаза, ты начинаешь новое путешествие в мир, где ты и есть всё, что когда-либо было и будет.

Лес обманчивых чудес

В далёкой деревне, жил-был семилетний мальчик по имени Сеня. У него были русые вихры, что вились как речные волны, и золотой крестик на тонкой цепочке, подаренный бабушкой. Сеня

любил просыпаться на рассвете, когда небо розовело и бежать босиком по росистой траве. "Мир - это большая сказка, полная добра!" - говорил он, размахивая руками, и его смех звенел, как колокольчик. Мама учила его молиться: "Господи, спасибо за солнышко и за хлебушек!" А по вечерам они садились у печки, и Сеня слушал, как ветер шепчет березкам секреты за окном.

Но в тот день, когда солнце висело в небе как огромный золотой апельсин, Сеня забрёл дальше обычного. Лес у опушки был не простым: деревья здесь тянулись ветвями к облакам, словно пытаясь дотянуться до Бога, а листья шуршали песенками. Вдруг из-за куста вынырнул странный гость - маленький Лешонок. Он был не больше лисёнка, с пушистой шерсткой цвета осенних листьев, рогами, что изгибались как вопросительные знаки, и глазами-бусинами, искрящимися озорством.

- Эй, Сенечка! - пропищал он тоненьким голоском, подпрыгивая на месте. - Ты выглядишь грустным. Хочешь настоящую волшебную радость? Не ту, что от пирожков, а такую, от которой сердце запоёт и мир перевернётся вверх тормашками!

Сеня замер. Сердце его забилось чаще, как барабан в церкви на Пасху. Он и правда иногда чувствовал пустоту внутри - когда папа уезжал в город, или когда дождь мешал играть.

- А что это за радость? - спросил он, моргая.

Лешонок хихикнул, и его смех зазвенел, как разбитое стекло.

- Вот этот грибочек! - Он достал из кармана яркий гриб с шляпкой, переливающейся всеми цветами радуги: красным, как вишня, синим, как небо, и золотым, как солнышко. - Один укус - и ты полетишь! Деревья станут друзьями, ветер - песней, а бабочки - танцующими огоньками. Никаких забот, только счастье!

Сеня колебался. Крестик на груди потеплел, словно напоминая: "Подожди, милый, спроси у мамы!" Но Лешонок заплясал:

- Давай, дружок! Это секрет леса, для смелых!

И Сеня, ведомый любопытством, что жгло внутри как искорка, откусил кусочек. Ой-ой-ой! Вкус был сладкий, как мёд с малиной, и сразу мир закружился в вихре.

Сначала всё было как в самом прекрасном сне. Лес ожил: деревья растянулись, их стволы изогнулись в арки, словно мосты в небо, а кроны превратились в огромные зонтики, капающие лепестками. Время растеклось, как масло на горячей сковородке - часы на ветвях таяли, капая секундами, и Сеня хохотал: "Смотри, они плывут!" Бабочки порхали вокруг, их крылья были часами с циферблатами, где стрелки кружили в танце. Ручей запел: "Буль-буль, плыви со мной!" - и вода превратилась в реку из жидкого золота, где плыли лодочки из листьев. Сеня почувствовал, как радость разливается по венам, тёплая и лёгкая, как перышко. "Я летаю! - закричал он, подпрыгивая. - Сердце моё - как большой воздушный шар! Нет грусти, нет дождя, только свет!" Он обнял дерево, и оно обняло в ответ, шепча: "Ты король этого мира!"

Лешонок плясал рядом:

- Видишь? Ещё кусочек - и радость вечная!

Но вдруг… ой, что это? Радость начала таять, как те часы на ветвях. Цвета поблёкли, бабочки превратились в тени с острыми крыльями, что царапали кожу. Деревья склонились, их ветви

стали длинными руками с пальцами-когтями, тянущимися к Сене. "Нет, нет! - прошептал он, и сердце сжалось в комочек льда. Страх подкрался тихо, как тень от облака, и вырос в огромного зверя. Время, что раньше плыло, теперь замерло: часы остановились, и тишина стала тяжёлой, как камень на груди. Река из золота почернела, превратившись в болото с пузырями, что лопались с шипением: "Ты наш! Не уйдёшь!" Лешонок изменился: его глаза сузились в щёлки, рога выросли, как шипы, а голос стал хриплым: "Ещё грибочек, Сенечка? Без него - пустота! Ты один, навсегда!"

Сеня упал на колени. Мир вокруг искажался, как картина, где небо падает на землю, а земля вздымается к звёздам. Тени шевелились, шепча: "Ты слабый, ты забыл маму, Бога!" Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот разорвётся. Слёзы жгли глаза, горло сжалось от рыданий.

- Я боюсь! - всхлипнул он. - Это не радость, это клетка! Хочу домой, к маме, к молитве! - Крестик на груди обжёг кожу, как напоминание о тепле дома. Сеня вспомнил: в церкви, под иконами, где свечи мерцают, как звёздочки, батюшка говорил: "Когда темно, зови Господа - Он светит ярче солнца!"

Но тени сомкнулись, Лешонок расхохотался:

- Твои молитвы - пыль! Здесь правит моя магия, тающая и холодная!

И в тот миг, когда отчаяние сдавило грудь, как тиски, из сердца Сени вырвался свет. Не яркий, как молния, а тихий, золотой, как луч зари. Он вырос в фигуру - Ангела-Хранителя. Ангел был высоким, с крыльями из переливающихся перьев, что светились, как рассвет над рекой. Его лицо сияло добротой, глаза - глубокими озёрами мира, а мантия струилась, как молоко из райского сада.

- Не плачь, Семен, - мягко сказал он, и голос его был как колыбельная мамы. - Я здесь, с тобой всегда. Этот лес - не настоящий мир, а обман, мираж из теней. Грибочек Лешонка обещает крылья, но даёт цепи. Настоящее чудо - в твоей душе, в вере.

Сеня поднял голову, и слёзы высохли от тепла.

- Ангелочек! - прошептал он, и страх отступил, как тьма перед светом. - Как выбраться? Всё тает, кружится!

Ангел улыбнулся, и вокруг расцвели цветы с лепестками-часами, что тикали в такт сердцу.

- Давай поиграем в загадку, дружок. Что у тебя в сердце, что светит в темноте, рвёт цепи и зовёт домой? Оно меньше пальца, но сильнее горы."

Сеня задумался, и радость пробилась сквозь страх, как росток сквозь землю.

- Молитва! - воскликнул он. - И любовь к Богу!

Ангел кивнул:

- Верно! Прошепчи 'Отче наш', и увидишь.

Сеня закрыл глаза и начал: "Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое..." Слова текли, как ручеёк, смывая тени. Цепи на руках зазвенели и растаяли, как воск от свечи. Лешонок взвизгнул: "Ай, жжёт! Этот свет - моя слабость!" - и его фигура съёжилась,

превратившись в чёрного ворона с цепями на лапах. Он вспорхнул и улетел в далёкую тень, бормоча: "Я вернусь... когда забудешь..."

Мир вокруг изменился снова. Деревья выпрямились, их ветви стали мостами света, ведущими к небу. Река заискрилась чистой водой, где плыли рыбки с крылышками ангелов. Часы на ветвях оживились, стрелки побежали вперёд, обещая: "Время вернётся, но ты мудрее!" Сеня встал, и Ангел обнял его:

- Видишь, милый? Духовный мир - как большой сад. В нём есть цветы радости, но и колючие кусты обмана. Лешонок - страж теней, он крадёт у тех, кто ищет лёгкий путь. Но Бог дал нам ключ - молитву. Она открывает двери в настоящий рай, где нет таяния, только вечный свет.

Они пошли по тропинке, что вилась как золотая нить. По пути Ангел показывал чудеса: холмы, что плавно изгибались, как спины дремлющих слонов, облака в форме сердец, капающие радугой, и птицы, чьи перья пели псалмы. Сеня чувствовал, как страх уходит, оставляя место теплу.

- А что, если я снова встречу Лешонка? - спросил он, сжимая руку Ангела. Такая она была мягкая, как пух бабушкиной подушки. - Сердце опять заболит?

Ангел погладил его по голове:

- Тогда вспоминай: истинная радость - не в грибочках, а в добрых делах. Поделись пирожком с другом, помоги маме - и лес станет твоим союзником. А я всегда рядом, шепчу в ушко: - Не бойся!

Вдруг тропинка вывела к огромному озеру - не простому, а такому, где отражение было живым. В нём Сеня увидел себя: сначала - заплаканного, в тенях, потом - сияющего, с крыльями из света.

- Это ты, - сказал Ангел. - Духовный мир отражает душу. Когда ты веришь, он расцветает.

Сеня засмеялся, и смех его эхом разнёсся, превращая тени в бабочек.

Наконец, они вышли к опушке. Солнце садилось, окрашивая небо в цвета сказки: розовый, как щёки мамы, и фиолетовый, как сумерки. Дом Сени светился в отдалении, из трубы вился дымок, пахнущий хлебом.

- Спасибо, Ангелочек! - Сеня обнял его, и слёзы теперь были радостными. - Я понял:чудо - в сердце, с Богом."

Ангел кивнул:

- Иди, рассказывай друзьям. Пусть знают: лес тайн полон опасностей, но свет молитвы - сильнее всего.

Сеня побежал домой, босиком по траве, что теперь казалась мягче ковра. Мама встретила его у калитки:

- Где ты был, солнышко? Ужин стынет!

Он обнял её крепко-крепко, чувствуя, как сердце поёт.

- Мамочка, я в сказке был! Там таяли часы, и тени пугали, но Ангел спас меня молитвой!

Мама улыбнулась, поцеловала в макушку:

- Слава Богу! А теперь садись, кушай кашу с мёдом. И помни: настоящие приключения - с верой.

С той поры Сеня изменился. Он бегал по лесу смелее, но всегда с крестикомна груди и молитвой на устах. Дети в деревне собирались у него на байки: "Расскажи про тающие деревья и светлого Ангела!" А Сеня смеялся: "Не верьте Лешонкам с грибочками! Лучше - в церковь с цветами, где поют ангелы и мир сияет по-настоящему!"

А в церкви, под сводами, расписанными ангелами с золотыми крыльями, Сеня зажигал свечку и шептал: "Господи, спасибо за сказку жизни!" И мир вокруг становился объёмнее: небо - шире, река - глубже, а сердце - полным радости, что не тает.

И если ты, маленький читатель, услышишь шёпот в лесу, помни: проверь сердце - там ли свет? И тогда никакие тени не страшны.

Сказание о великане Амирани

В высоких горах, где орлиные гнезда качаются на горных ветрах, а снежные вершины целуют самые смелые облака, стояло маленькое селение. Домики там были сложены из дикого камня, будто ласточкины гнезда, прилепившиеся к скале. Жила в том селе девочка по имени Лиа. Ей было семь лет, и сердце у нее было такое же чистое, как вода в горном ручье.

Лиа любила подолгу смотреть на Большую Спрею - так называли самую высокую и суровую вершину, что подпирала небо. Но с некоторых пор вид на нее закрывала другая, странная гора. Она была не остроконечной, а округлой, похожей на спящего великана, укрывшегося стареньким, потертым на плечах, плащом из мхов и карликовых сосен. Взрослые говорили, что гора эта всегда тут стояла, но Лиа почему-то не верила. Она чувствовала, что у этой горы есть тайна.

Однажды поздним вечером, когда солнце уже спряталось за горны хребтом, окрасив небо в цвет спелой ежевики, Лиа пошла искать свою заблудившуюся козочку Белянку. Она зашла дальше, чем когда-либо, в ущелье, которое называли Каменным Горлом. Там всегда было темно, сыро и дул пронизывающий ветер.

Вдруг она услышала тихий стон. Он был таким низким и глубоким, что его скорее можно было почувствовать ногами, чем ушами, - земля слегка вибрировала. Лиа осторожно пролезла через завесу дикого винограда и замерла.

Перед ней, прислонившись к скале, сидел Великан. Он был не просто большим. Он был огромен, как холм. Лицо его, изрезанное морщинами, похожими на высохшие русла рек, было печальным и усталым. А в плечо ему, прямо в живую плоть, впился огромный ржавый крюк, от которого тянулась тяжелая, темная цепь. Звенья ее были толще, чем стволы столетних дубов, и каждое было покрыто странными, колючими письменами, которые светились тусклым, злым светом.

Великан медленно повернул голову. Глаза его были цвета горного тумана.

- Не бойся, дитя, - голос его пророкотал, как подземный гром. - Я не причиню тебе зла. Меня зовут Амирани. Я прикован здесь за то, что хотел принести людям свет.

- Кто… кто так с тобой поступил? - прошептала Лиа, сердце ее колотилось, как птичка в клетке.

- Владыка Холодных Ветров, - ответил Великан. - Он боится тепла и смеха. Он заковал меня в эту цепь, сплетенную из лжи и равнодушия. Она питается одиночеством. Пока меня никто не видит и не слышит, она крепчает.

Лиа посмотрела на страдающее лицо Амирани, на ржавые звенья, впившиеся в его плечо, и ее сердце наполнилось таким острым состраданием, что она готова была заплакать. Ей захотелось обнять этого гиганта, как она обнимала своего младшего братика, когда он плакал.

- Я тебя вижу, - тихо сказала она. - Я тебя слышу. Чем я могу помочь?

Амирани грустно улыбнулся.

-Никто не может разбить эти звенья, дитя. Ни молот, ни огонь. Они поддаются только одному - слову, идущему от самого сердца. Слову светлому и бескорыстному. Но такое слово редко долетает в это ущелье.

Лиа не знала особых заклинаний. Она не была волшебницей. Но она умела молиться. Так ее учила бабушка: «Говори с Богом, как с самым близким другом, ничего не тая в сердце».

Девочка подошла ближе, вдохнула поглубже, закрыла глаза, сложила ладошки вместе и начала говорить. Она не читала молитву из книги, она говорила своими словами, шёпотом, в котором дрожали и боль, и надежда.

«Господи, - начала она, - посмотри на этого великана. Ему так больно. Он такой одинокий. Цепь очень тяжелая, она впилась в его плечо. Помоги ему, пожалуйста. Пусть эта цепь отпустит его. Он ведь хотел сделать людям добро. Он не заслужил такого наказания. Пошли ему утешение. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь».

Она открыла глаза. Ничего не изменилось. Сердце ее сжалось от разочарования. Но вдруг она заметила, что одно звено цепи, то, к которому она стояла ближе всего, перестало светиться колючим светом. Оно стало просто темным и тусклым.

- Это твое слово, - тихо сказал Амирани. - Оно коснулось зла. Оно ослабило его.

Лиа поняла. Она села на холодный камень рядом с Великаном, согревая своими маленькими ладонями его огромную, окоченевшую от холода руку, и стала говорить. Она рассказывала ему все, что приходило в голову. О том, как красиво сверкает солнце на крышах ее селения утром. О том, как пахнет свежий лаваш, который печет мама. О смехе своего брата. О первом подснежнике, пробившемся из-под снега. Она рассказывала о своей любви к дому, к горам, к теплому очагу.

И с каждым ее теплым словом, с каждой искренней интонацией, звенья цепи начинали тускнеть одно за другим. Злой свет в них мерк, словно боялся простого человеческого тепла.

Но цепь все еще держалась. Лиа почувствовала, как силы покидают ее. Голос стал тише, губы пересохли. Она уже почти не могла придумать новых слов. Она просто сидела, прижавшись щекой к его руке, и шептала одно и то же:

«Господи, помоги. Господи, помоги. Пусть ему будет хорошо».

И тогда в ее сердце, само собой, без всяких усилий, родилась самая короткая и самая сильная

молитва, которую только можно придумать:

«Господи, помилуй».

Она прошептала эти слова три раза. И случилось чудо.

Цепь не лопнула с грохотом. Она не рассыпалась. Она просто… растворилась. Словно ее сплели из черного дыма, и светлый ветер развеял этот дым. Ржавый крюк с тихим звоном упал на камни и рассыпался в красную пыль.

Наступила тишина. Амирани медленно, с невероятной осторожностью, словно боясь спугнуть случившееся, пошевелил плечом. Он провел ладонью по тому месту, где много лет впивалась цепь, и глубоко вздохнул. Воздух снова наполнил его легкие, свободный и горький от запаха полыни.

Он посмотрел на Лиа. В его туманных глазах стояли слезы, каждая величиной с росу на паутинке.

- Спасибо тебе, маленькое человеческое сердце, - сказал он, и голос его больше не был похож на гром. Он был тихим и глубоким, как шум далекого водопада. - Ты освободила меня не молитвой заклинателя, а молитвой друга. Ты сняла цепи не силой, а состраданием.

Он поднялся на ноги. Он был так высок, что, казалось, мог достать до звезд. Он потянулся, и по склонам ущелья прокатился гул - это двигались камни, радуясь его свободе.

- Но почему же ты не уходишь? - спросила Лиа. - Ты же свободен! Беги, пока не вернулся Владыка Холодных Ветров!

Амирани посмотрел в сторону ее селения, на огоньки, что зажглись в окнах, крошечные и хрупкие, как светлячки.

- Я ухожу, дитя. Но не туда, куда думаешь ты. Владыка Ветров узнает о моем освобождении. Он разозлится и обрушит на твой дом всю свою ярость. Ваши крыши не выдержат его ледяного дыхания. Ваши очаги погаснут.

Лиа с ужасом посмотрела на него.

-Что же делать?

Великан улыбнулся своей мудрой, печальной улыбкой.

-Добро, сделанное от всего сердца, не может исчезнуть. Оно должно остаться в мире. Навсегда.

Он сделал шаг к выходу из ущелья. Потом еще один. С каждым его шагом его кожа становилась темнее, тверже, прочнее. Она покрывалась прожилками, похожими на гранитные жилы. Пальцы его ног вросли в землю, превратившись в каменные основания. Одежда его стала склонами, поросшими мхом. Волосы стали дремучим лесом на его вершинах.

Он медленно, невероятно медленно, опускался на колени, а потом и вовсе лег, раскинув руки-хребты, обратив к небу свое лицо-скалу.

Лиа смотрела, затаив дыхание. Она видела, как Великан Амирани превращался в Гору. Не просто в груду камней, а в величественную, могучую, новую гору. Ту самую, что она видела каждый день из окна своего дома.

Прошло несколько минут. Все стихло. Над ущельем сияли звезды. А перед Лиа стояла новая, незнакомая раньше гора. Она была похожа на спящего великана, который навеки укрыл собой селение от злых ветров.

В ту же ночь Владыка Холодных Ветров примчался в ярости в ущелье. Он завыл, засвистел, пытаясь прорваться к селению. Но новая гора встала на его пути несокрушимой стеной. Ветер бился о ее каменную грудь, выл от бессилия, но не мог пробиться ни на шаг. Он мог лишь шевелить верхушки деревьев на ее склонах, и тот шум был похож на колыбельную песню.

Лиа вернулась домой на рассвете. Ее встревоженные родители обняли ее. Когда они спросили, где она была, девочка просто подошла к окну и показала на новую гору.

- Это Амирани, - тихо сказала она. - Он теперь охраняет нас.

С той поры в селении воцарился покой. Лютые ветры больше не выли в трубах и не срывали крыши. Зимы стали мягче, а лето - длиннее. Люди стали называть новую гору Спаси-Горой. Они заметили, что если приложить ухо к особым, гладким камням у ее подножия, то можно услышать тихий, ровный гул - словно бьется огромное, каменное, но живое и доброе сердце.

Лиа часто приходила к подножию Спаси-Горы. Она садилась на теплый от солнца камень, тот самый, что когда-то был ладонью Великана, и рассказывала ему все новости. О том, как выросла Белянка, как она вышла замуж и родила козлят. О том, какой урожай яблок собрали в саду. Она была уверена, что он все слышит.

А однажды, уже глубокой осенью, она принесла ему спелое, румяное яблоко и положила его на камень. На следующее утро яблока там не было. Но на его месте расцвел маленький, нежный цветок, похожий на звездочку. Цветок посреди холодного камня и уже опавшей листвы.

И Лиа поняла. Добро, сделанное от всего сердца, и правда не исчезает. Оно не уходит, как уходит вода или как тает снег. Оно остается в мире навсегда. Оно становится горой, которая защищает. Цветком, который пробивается сквозь камень. И тихой, нежной радостью в сердце маленькой девочки, которая однажды не прошла мимо чужой боли.

Повесть про колокола Корсуня

В лето 6496 от сотворения мира, когда травы на лугах были сочны, а Днепр нёс воды свои тихо, как мать колыбельную, пошёл князь Владимир с воинством своим на Корсунь-град, что стоял на берегу моря Синего, где волны бьются о камни, будто дети о колени матери. Корсунь же был град греческий, белокаменный, с башнями высокими, что смотрели в небо, как стражи. А в граде том творилось зло великое: наместник грабил рыбаков, отнимал у купцов товары их, а у малых деток — леденцы сахарные на палочках. И плакали люди, и стенали, но стены градские были крепки, и ворота запирались на засовы медные.

Владимир же, Красное Солнышко, стал на той стороне града, у пристани, в расстоянии полёта стрелы от стен. И сражались корсуняне крепко, и стрелы летели, как рой пчёл рассерженных. Но Владимир дал обет пред небом:

- Если возьму град сей, приму веру друга моего, царя Василия, что в Царьграде правит!

И небо услышало, и звёзды мигнули, будто кивнули.

Прошёл месяц, и ещё месяц, и дружина устала. Кони худели, кольчуги ржавели от росы

морской, а град не сдавался. Корсуняне кричали с башен:

- Стоять будете, пока бороды ваши до земли не вырастут!

Тогда Владимир повелел воям своим насыпать вал к стенам градским. И таскали вои землю в шлемах, в плащах, в ладонях малых. Насыпали вал высокий, как холм лесной. Но корсуняне, хитрые, как лисицы, подкопали стену и выкрадывали землю ночью. Носили её в град и ссыпали посреди площади, в яму великую. И пахло там свежеиспечённым хлебом, ибо пекли корсуняне лепёшки на земле той украденной.

Увидал сие малый отрок Добрыня, сын воеводы, что прятался в кустах терновника. И прибежал к Владимиру, и сказал:

- Княже, земля наша в граде их, в яме посреди торжища!

Владимир же нахмурился, как туча перед грозой, и молвил:

- Силой не взять — мудростью возьмём.

И вот, в одну из ночей тёмных, прилетела стрела от града. Вонзилась в щит дубовый, и на стреле той была привязана грамотка. Написал её муж корсунянин, именем Анастас, глаза которого были цвета моря летнего. И гласила грамотка: «За вами, с востока, колодцы глубокие. Из них трубы глиняные ведут воду в град. Перекройте трубы — и сдадимся мы, ибо жажда сильнее стен».

Владимир поднял очи свои к небу, где звёзды мерцали, как лампады в храме, и сказал тихо:

- Если сбудется сие, крещусь я во имя Бога твоего, о коем царь Василий сказывал.

И тотчас повелел воям копать наперерез трубам. Копали всю ночь земля летела, как снег в вихре. Нашли трубы толстые, как стволы дубовые, и перекрыли их камнями и брёвнами. В граде же сначала не приметили: пили вино виноградное, ели инжир сладкий. Но наутро дети заплакали:

- Воды нет! - Кувшины пустые, колодцы сухие, как лягушачьи глаза на солнце. Женщины несли вёдра порожние, мужчины хрипели, губы их трескались, как земля в засуху.

Наместник градский закричал:

- Сдаёмся!

И ворота скрипнули, как старые двери в избе заброшенной. Владимир вошёл в град с дружиною своею. Улицы узкие, дома белые, с мозаикой на стенах: рыбы серебряные, виноградные грозди, кресты малые. Пахло смолой корабельной, солью морскою, базиликом свежим из горшков на крышах.

На площади главной ждал Владимир сокровищ: злата, серебра, камней самоцветных. Но увидел три колокола медные, великие, на балках дубовых. Первый — большой, бока его блестели, как солнце в луже после дождя. Второй — поменьше, голос звонкий, как ручей горный. Третий — малый, но пел нежно, как мать над колыбелью. Корсуняне шептали:

- Сии колокола — Вера, Надежда, Любовь. Отливали их монахи в Царьграде, когда град наш был добрым, а не злым.

Владимир коснулся колоколов ладонью — тёплые, будто живые. И сказал:

- Сия добыча истинная, не злато, но глас Божий.

Не велел жечь дома, не взял перстней, не тронул горшков с мёдом. Только колокола повелел снять бережно, как птенцов из гнезда.

Анастас подошёл, руки его в мозолях от лука, и молвил:

- Княже, предал я град, но спас людей от смерти. Возьми меня с собою.

Владимир кивнул:

- Поедешь, и научишь, как правда сильнее стен каменных.

Тем временем в Царьграде цари Василий и Константин получили весть: «Корсунь взята!» Побледнели, как полотно белое, и опечалились.

Владимир послал гонца на коне быстром: «Отдайте сестру вашу Анну за меня, или Царьграду будет то же, что Корсуни».

Цари переглянулись, и сказали: «Не пристало христианам выдавать сестру за язычника. Если крестишься, получишь её и царство небесное».

Услышав сие, Владимир молвил посланным: «Скажите царям: крещусь я, ибо испытал закон ваш прежде, и люба мне вера ваша».

И рады были цари, и упросили сестру свою Анну. Анна же, красавица с косой до пояса, плакала горько:

- Иду как в полон, лучше умереть здесь, под смоковницами родными.

Братья же сказали:

- Поезжай, сестрица. Может, обратишь Русь к Богу, а Византию избавишь от войны. И едва принудили её.

Села Анна на корабль златоверхий, попрощалась с ближними с плачем, и отплыла через море. Волны качали корабль, как колыбель, дельфины плыли рядом, будто провожатые. Пришла в Корсунь, и вышли корсуняне навстречу с поклоном, хотя воды ещё мало было. Ввели её в палату с мозаикой на полу: рыбы, виноград, кресты. Посадили на ложе мягкое, устланное шёлком.

По промыслу Божию разболелся Владимир глазами. Туман застлал очи его, не видел ничего, только тьму густую. Скорбел сильно, метался по палате, руки тянул вперёд:

- Где свет? Где солнце моё?

Дружина шепталась: «Боги старые гневаются». Анна пришла с лампадой малой, в платье белом, как снег первый. И сказала тихо:

- Если хочешь исцеления, крестись поскорей. Если не крестишься, не избудешь недуга.

Владимир рассмеял сквозь боль:

- Если вправду исполнится, поистине велик Бог христианский. - И повелел крестить себя. Епископ корсунский, старец с бородой до пояса, повёл его в церковь святого Василия, что стояла посреди града, где торг собирался. Пахло ладаном, воском свечным, миром душистым. В купели вода тёплая, как молоко парное. Когда епископ возложил руку на главу Владимира, тотчас прозрел он. Свет хлынул в очи, ярче тысячи свечей, и закричал:

- Теперь узрел я Бога истинного!

Дружинники, увидев чудо, крестились многие. Добрыня, отрок малый, вошёл в купель последним. Вода плеснула на лицо его, и улыбнулся он, будто небо впервые увидел. После крещения привели Анну для брака. Надела она венец жемчужный, Владимир — плащ червлёный. И сыграли свадьбу тихую, но радостную.

Владимир взял царицу, Анастаса, священников корсунских с мощами святого Климента в ковчеге златом, сосуды церковные, иконы на благословение. Поставил церковь на горе, что насыпали посреди града, выкрадывая землю из вала. Стоит церковь та и доныне. Колокола же три — Вера, Надежда, Любовь — захватил с собою. Корсунь отдал грекам как вено за царицу, а сам поплыл в Киев.

По пути случилось чудо великое. Налетела буря чёрная, волны вставали стеной, ладьи скрипели, как старые возы. Добрыня держался за борт, зубы стучали от страха. Вдруг из пучины морской поднялся кит белый, как снег зимний. На спине его стояла икона Божией Матери с Младенцем. Засветилась икона, буря утихла, небо прояснилось, будто кто-то вытер его полотенцем белым. Дружина запела:

«Слава в вышних Богу!»

Пришёл Владимир в Киев. Град встречал его колоколами старыми, языческими. Повелел опрокинуть идолы: Перуна дубового с головой серебряной привязали к коню и потащили к Днепру. Конь споткнулся, Перун упал, голова отлетела. Народ ахнул, некоторые плакали: «Как без богов старых?»

Но Владимир молвил:

- Смотрите! — и ударил в колокола корсунские.

Вера загудела густо, как мёд в улье, и свет разлился по небу, будто солнце взошло ночью. Надежда зазвенела звонко, как ручей, и дети перестали плакать, засмеялись. Любовь запела нежно, и старуха, что шла с клюкой, выпрямилась, отбросила клюку, заплясала. Люди падали на колени, слёзы катились по щекам. Звон плыл по Днепру, по лесам, по степям. Птицы подхватывали мелодию, волки выли в лад, ветер шептал: «Сла-ва Бо-гу».

Владимир построил церковь Десятинную из камня белого, с куполами златыми. Повесил колокола на звоннице высокой. Каждое утро звонил Анастас: Вера будила совесть, Надежда — надежду, Любовь — любовь. Люди шли в храм, малые детки несли цветы полевые, старухи — хлебцы медовые.

Прошли лета. Добрыня вырос, стал воеводой. Спросил однажды Владимира:

- Дядя, зачем Бог попустил осаду, жажду, слепоту?

Владимир улыбнулся, как солнце над Днепром:

- Чтобы нашли мы не злато, но Его. Трудности — как горькое зелье. Пьёшь — и оживаешь душой.

И поныне в Киеве, в церкви Десятинной, висят колокола корсунские. Когда звонит Вера — взрослые вспоминают грехи свои и краснеют. Когда Надежда — дети верят в завтра доброе. Когда Любовь — старики обнимают внуков и учат: «Живи по правде, чадо».

Слышишь звон? То Вера, Надежда, Любовь поют. И будет петь, пока стоит Русь святая.

Спасибо, что читаете вместе с «Азбукой веры».

Другие материалы раздела – azbyka.ru/fiction

Поддержать портал – azbyka.ru/kak-pomoch